

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 – Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 – Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. – канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguamgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 2. – 136 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2025. – № 2. – 136 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Абросимова Е. А.* Номинативный потенциал артефактного метафорического переноса в терминах анатомии животных 6
- Епифанцева Н. Г.* Вид и способ действия французского глагола на фоне видо-временной глагольной системы русского языка 16
- Лебедева А. А., Новикова М. Г.* Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма: реализация социокультурологической и прагматической адаптации текстов при переводе 24
- Малюгина А. В.* Эмфатические дискурсивные маркеры: семантический, грамматический и прагматический аспекты (на материале романа Д. Дефо «Робинзон Крузо») 37
- Мурашова Е. П.* Когнитивная иллюзия как механизм коммуникативной аккомодации (на материале англоязычного коммеморативного дискурса) ... 53
- Сорокина Э. А., Тарасова О. Д.* Опыт сравнительно-сопоставительного анализа лексики эмоций (на материале русского слова «ностальгия» и его английского эквивалента) 69
- Супиан, Ладината, Далионо Р., Юдистира Р. С.* Использование императивов водителями общественного транспорта («Ангкот») в городе Бандунг (Индонезия) 84
- Суркова Е. В.* Ситуативные клише в военной коммуникации: функциональный аспект и идиоматичность 101

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Макарова А. И.* Придаточные предложения цели в испанском и французском языках (на примере романа Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра») 114
- Первак Т. В.* Семантическая неоднородность немецких отпричастных наречий 123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Левченко М. Н., Скуратов И. В.* Вклад учёного-лингвиста Н. М. Васильевой в отечественную романистику к 100-летию со дня рождения 131

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

E. Abrosimova. Nominative Potential of Artifact Metaphor in Terms of Animal Anatomy	6
N. Epifantseva. Type And Method of Verbal Action of the French Verb Against the Background of the Tense Verbal System of the Russian Language.	16
A. Lebedeva, M. Novikova. Hermeneutic-Communication Translation Paradigm: Sociocultural and Pragmatic Adaptation in Translation	24
A. Malyugina. Emphatic Discourse Markers: Semantic, Grammatical and Pragmatic Aspects (Based on the Material of D. Defoe’s Novel “Robinson Crusoe”)	37
E. Murashova. The Cognitive Illusion as a Mechanism of Communicative Accommodation (An Analysis of the English-Language Commemorative Discourse)	53
E. Sorokina, O. Tarasova. Experience of Comparative-Contrastive Analysis of the Vocabulary of Emotions (Based on the Russian Word “Nostalgia” and its English Equivalent)	69
Supian, Ladinata, R. Dallyono, R. S. Yudistira. The Use of Imperatives by Public Transportation (Angkot) Drivers in Bandung City, Indonesia.	84
E. Surkova. Situational Clichés in Military Communication: Functional Aspect and Idiomaticity	101

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

A. Makarova. Subordinate Clauses of Purpose in Spanish and French (On the Example of Carlos Ruiz Zafón “The Shadow of the Wind”)	114
T. Pervak. Semantic Heterogeneity of German Adverbs Formed from Participles	123

ACADEMIC LIFE

M. Levchenko, I. Skuratov. The Contribution of the Linguist N. M. Vasilyeva to Russian Romanistics. On the 100 th Anniversary of Her Birth.	131
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-6-15

НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРТЕФАКТНОГО МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ТЕРМИНАХ АНАТОМИИ ЖИВОТНЫХ

Абросимова Е. А.

*Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, г. Омск,
Российская Федерация*

e-mail: abrosimova@inbox.ru

Поступила в редакцию 21.10.2024

После доработки 14.01.2025

Принята к публикации 16.01.2025

Аннотация

Цель. Выявить ономасиологические модели анатомических номинаций в ветеринарии и животноводстве, мотивированных артефактным метафорическим переносом.

Процедура и методы. Анализируется ономасиологическая структура профессиональных номинаций, включающая базис, признак и предикат. Исследуется языковая реализация ономасиологических моделей в ветеринарных и зоотехнических терминах, мотивированных концептуальной сферой артефактов.

Результаты. Выделены три группы анатомических наименований на основании особенностей взаимодействия ономасиологического базиса, признака и предиката: эксплицитное и имплицитное сравнение формы той или иной части тела с вещью; метафорическое представление тела животного как результата работы мастера; отождествление части тела животного с артефактом. Охарактеризованы языковые средства реализации компонентов ономасиологических моделей в каждой из выделенных групп. Сделан вывод об отражении в исследуемых номинациях, с одной стороны, традиционных для медицины в целом переносов «организм – механизм, инструмент, ёмкость», а с другой – специфических для анатомии животных представлений: антропоморфизма, уподобления тела животного объекту ручного труда.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при составлении терминологических глоссариев к различным разделам профессиональных ветеринарных и зоотехнических дисциплин.

Ключевые слова: анатомическая терминология, артефактная метафора, ветеринарная терминология, зоотехническая терминология, ономаσιологическая модель

Для цитирования:

Абросимова Е. А. Номинативный потенциал артефактного метафорического переноса в терминах анатомии животных // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-6-15>

Original research article

NOMINATIVE POTENTIAL OF ARTIFACT METAPHOR IN TERMS OF ANIMAL ANATOMY

E. Abrosimova

Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

e-mail: abrosimova@inbox.ru

Received by the editorial office 21.10.2024

Revised by the author 14.01.2025

Accepted for publication 16.01.2025

Abstract

Aim. To identify onomasiological models of anatomical nominations in veterinary and animal husbandry, motivated by artifact metaphorical transfer.

Methodology. The onomasiological structure of professional nominations, including the basis, feature and predicate is analyzed. The linguistic implementation of onomasiological models in veterinary and zootechnical terms, motivated by the conceptual sphere of artifacts, is studied.

Results. Three groups of anatomical names are distinguished based on the features of the interaction of the onomasiological basis, feature and predicate: explicit and implicit comparison of the shape of a particular body part with a thing; metaphorical representation of the animal's body as a result of the master's work; identification of a part of the animal's body with an artifact. The linguistic means of implementing the components of onomasiological models in each of the distinguished groups is characterized. A conclusion is made about the reflection in the studied nominations, on the one hand, of the traditional for medicine in general transfers "organism – mechanism, instrument, container", and on the other hand – of the specific for animal anatomy ideas: anthropomorphism, likening the animal's body to an object of manual labor.

Research implications. The results of the study can be used in compiling terminological glossaries for various sections of professional veterinary and zootechnical disciplines.

Keywords: anatomical terminology, artifact metaphor, veterinary terminology, zootechnical terminology, onomasiological model

For citation:

Abrosimova, E. A. (2025). Nominative potential of artifact metaphor in terms of animal anatomy. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-6-15>

Введение

Фундаментальной характеристикой анатомической терминологии, в отличие от терминологии клинической, является статическое отображение строения организма, что подразумевает выделение устойчивых признаков, связанных с формой, размером, пропорциями частей тела, и объясняет образование множества номинаций, во внутренней форме которых проявляется взаимодействие концептуальных сфер «строение тела» и «мир артефактов» (вещей, созданных человеком).

Отождествление устройства организма с рукотворными объектами, относящимися, в частности, к городскому хозяйству, встречается уже в текстах Гиппократов и его последователей¹. Исследователи отмечают древнегреческую тенденцию наименования анатомических понятий при помощи прилагательных, выражающих «открытое сравнение с формой обычных предметов, например [прилагательных] с суффиксоидом -εἰδής 'имеющий форму чего-либо'» [1, с. 391]. В народных наименованиях врачей и ветеринаров содержатся семантические компоненты «починка», «налаживание», «приведение в порядок»: ветеринара называют *правитель* – от *исправлять*²; (конский) *мастерь*³; в словаре русского арго зафиксировано значение «лечить» у глагола *чинить*⁴.

¹ Гален К. Об органах пищеварения // Гален К. О назначении частей человеческого тела / пер. с др.-греч. С. П. Кондратьева. М.: Медицина, 1971. С. 167.

² Золотарёва А. Правитель, каких нет. Как дед Зорька ставил на ноги тех, от кого отказались врачи [Электронный ресурс] // БелПресса: [сайт]. URL: <https://www.belpressa.ru/19571.html> (дата обращения: 12.11.2024).

³ См.: Старикова Г. Н. Наименования лиц по промыслу и их представление в исторической терминологии // Вопросы лексикографии. 2015. № 1 (7). С. 58.

⁴ См.: Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. С. 537.

В современных когнитивных исследованиях отмечена частотность реализации артефактной метафоры в анатомических терминах и выявлены различные группы вещей, мотивирующих наименования органов и систем: обозначение городских пространств, предметов быта, кухонной утвари, устройств и механизмов, одежды и её деталей, аксессуаров, оружия, обмундирования, сооружений и их элементов и др. [2; 3].

При постоянном интересе исследователей к терминам строения человеческого тела [1; 2; 3; 4] остаётся малоизученной специфика номинаций, реализующих понятия анатомии животных. С одной стороны, это оправдано общим историческим прошлым медицинского и ветеринарно-биологического знания: описание строения живых организмов долгое время было единой областью исследования. С другой стороны, ветеринарные и зоотехнические обозначения создавались под влиянием животноводства – сферы, имеющей отличную от медицины систему понятий и ценностей [5]. Можно предположить, что, несмотря на большой пласт общеанатомической лексики, ветеринарные и зоотехнические номинации отражают особые представления человека об организме животного.

Данная статья посвящена ономастическому описанию ветеринарных и животноводческих анатомических наименований, мотивированных концептуальной сферой артефактов. Под артефактом понимаются «вещь, предмет, являющиеся продуктом целенаправленной человеческой деятельности (в отличие от природных объектов)»⁵.

Поставленная цель требует обращения к анализу номинативной деятельности, под которой подразумевается «особая речемыслительная деятельность, ... протекающая в союзе речи (языка) и мысли, мышления» [6, с. 324], направленной

⁵ См.: Артефакт // Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 89.

ная на обозначение фрагментов мира и в итоге на описание этого мира [там же, с. 327].

Когнитивно-ономасиологический подход к анатомической терминологии

Пересечение различных в аксиологическом отношении областей человеческой деятельности обуславливает динамизм и особое лексико-стилистическое разнообразие современной ветеринарной и животноводческой терминологии [5; 7; 8]. Полагаем, что рассмотрение профессиональных ветеринарных и животноводческих номинаций должно вестись в рамках актуального сегодня когнитивно-ономасиологического подхода, согласно которому «языковая картина мира создается в ходе номинативной деятельности» [6, с. 64], а терминосистемы, формирующиеся под воздействием антропоного фактора, признаются открытыми, вариативными, взаимодействующими между собой [9].

Применительно к анатомической терминологии представляется важным рассмотреть механизмы номинации фрагментов профессиональной языковой картины мира (далее ПЯКМ), под которой вслед за Л. А. Чернышовой в нашей статье понимаются «одновременно продукт научного осмысления научных понятий, принадлежащих определенной отрасли знания, и продукт обыденного мышления как результат профессионального осмысления данных научных понятий языковой личностью» [10, с. 101]. Соответственно, при описании ПЯКМ учитываются не только собственно термины, но и профессионализмы, единицы профессионального жаргона. В. Ф. Новодранова отмечает, что ПЯКМ фиксирует ценностное восприятие действительности в рамках профессиональной сферы [11]. В работах, посвящённых исследованию ПЯКМ, особое место отводится анализу процесса и результата метафоризации, что позволяет «судить об ассо-

циативности мышления представителей той или иной профессии, выявить специфику профессионального мировидения» [12, с. 124]. В современном когнитивном терминоведении значительное место занимает теория концептуальной метафоры [13], ознаменовавшая когнитивный поворот в изучении метафоры и положившая начало огромному количеству концепций и подходов к её анализу. В данном исследовании под концептуальной метафорой понимается «лингвокогнитивная модель, базовым механизмом которой является аналогия, позволяющая ассоциировать понятийные области, проецировать структуры знания из одной в другую» [3, с. 26]. Концептуальная метафора репрезентируется в языковых единицах, образуемых по определённым ономасиологическим моделям.

Ономасиологические модели представляют собой схемы, отражающие направление мыслительной деятельности при наименовании того или иного объекта [14], и включают: базис – родовое понятие, обозначающее понятийный класс; признак, указывающий на видовые отличия объекта или явления; и предикат – связку, с помощью которой устанавливается определённый тип взаимодействия между базисом и признаком [15].

Языковой материал, отобранный для исследования, составили ветеринарные и зоотехнические номинации, связанные со строением тела животного. Для анализа были взяты термины видовой и породной анатомии – областей знания, изучающих видовые и породные, в том числе экстерьерные, особенности строения тела животных; общеономасиологические же термины ввиду их многосторонней изученности были исключены из материала работы. Источниками языкового материала послужили профессиональные животноводческие (в частности кинологовические и иппологические) и ветеринарные

справочные пособия¹. Для исследования было отобрано 170 номинаций, репрезентирующих в профессиональном языке взаимодействие концептуальных сфер «тело животного» и «артефакт». Среди наименований, взятых для анализа, были и однословные, и представляющие собой словосочетания (изначально ономасиологический подход касался исследования однословных номинаций, однако в современных работах он применяется также к составным наименованиям) [16].

Ономасиологическая структура ветеринарных и зоотехнических анатомических терминов, мотивированных артефактным метафорическим переносом

На основании особенностей языковой реализации ономасиологических моделей было выделено три группы наименований.

1. В первую вошли номинации, мотивированные сравнением той или иной части тела с артефактом. Такие наименования, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы. К одной из них относятся термины, как правило, составные, в которых эксплицирован базис (*грудь, зубы, лапы*), а ономасиологический предикат выражен при помощи определённых словообразовательных элементов, обычно суффиксов, реализующих значение подобия: *саблистый постав конечностей², лестничный прикус жвачных³*. Распространены термины с формантами *-образный* или *-видный*: *канатовидный хвост⁴*,

бочкообразная грудь⁵. В этой подгруппе можно наблюдать регулярное сравнение зубов животных с инструментами (*ножницы, пила, долото, лопата*): *пилообразный и ножницевидный прикус жвачных, долотообразные зубы⁶, лопатообразная коронка зубов⁷*; сопоставление строения грудной клетки, конечностей, их постава с округлой формой посуды и ёмкостей для хранения: *бочкообразный постав конечностей⁸, ложкообразные лапы⁹, чашевидные лапы¹⁰*; головы – с артефактами, форма которых близка к геометрическим фигурам: *кирпичеобразная голова¹¹, гребнеобразная голова* – «длинная, относительно узкая голова, похожая по форме на гроб»¹².

В номинациях второй подгруппы наблюдается имплицитное сравнение частей тела животного и артефактов: *хвост – «штопор»¹³, уши – «пуговицы»¹⁴*. Такие наименования построены по типу конструкций с приложениями: базис играет роль главного слова, признак – определения, выраженного существительным, в котором реализуется сопоставление с артефактом¹⁵, а ономаси-

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Экстерьер и конституция лошади. С. 42.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Экстерьер и конституция лошади. С. 13.

⁹ Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ Там же. С. 167.

¹ Ветеринарная энциклопедия: в 6 т. / глав. ред. К. И. Скрябин. М.: Сов. энциклопедия, 1968–1972. Далее – Ветеринарная энциклопедия; Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. СПб.: РГПУ им. Герцена, 1996. 237 с. Далее – Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов; Экстерьер и конституция лошади: учеб.-метод. пособие / сост. Ж. Р. Степаненко. Новосибирск, 2022. Далее – Экстерьер и конституция лошади.

² Экстерьер и конституция лошади. С. 13.

³ Там же. С. 173.

⁴ Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 63.

¹⁵ Такие номинации обычно представляют собой обозначения породных разновидностей определённой части тела (ушей, хвоста и т. д.), поэтому базисная часть наименования может опускаться. Например, в «Энциклопедическом словаре кинологических терминов» после заголовка «Хвостов типы» [с. 172] перечислены номинации «Заводная ручка», «Штопор» и т. п., формально имеющие только признаковую часть. Примечательно, что в данной ономасиологической группе слово или словосочетание, мотивированное наименованием артефакта, обычно заключается в кавычки, что подчёркивает наличие живого образного компонента.

ологический предикат выполняет функцию опущенной связки.

Среди профессиональных единиц, входящих в подгруппу имплицитного сравнения частей тела с вещами, частотны мотивированные наименования бытовых приспособлений и холодного оружия обозначения типов хвостов (в сносках процитированы словарные статьи, в которых даётся дефиниция данных профессиональных наименований): «заводная ручка»¹, «винт»², «ухват»³, «трубопроводный кран»⁴, «флагшток»⁵, «серп»⁶, «меч»⁷, «сабля»⁸, «ятаган»⁹. При обозначении лап животного и их постава

встречается сопоставление с артефактами, наименования которых уже мотивированы метафорическими обозначениями со сферой-источником «ноги»: *постав конечностей собаки «витая ножка»*¹⁰; *лапы-«снегоступы»*¹¹.

2. Во второй группе номинаций внешний вид какой-то части тела животного отождествляется с результатом творения мастера: *прорисованная шерсть, резко очерченная голова*¹². Ономазиологический базис обычно эксплицирован, признак характеризует не сам артефакт, а действие творца, которое ведёт к изготовлению вещи; предикат, устанавливающий ассоциативную связь между базисом и признаком, формально не выражен, но может быть легко восстановлен (*шерсть как будто, словно прорисованная*). В данной группе можно выделить номинации, мотивированные признаками «художественный стиль» (*конечности «в стиле чиппендейл»*¹³); «ремесло» (*крепко сбитый* – характеристика частей тела, прочно связанных сильными, развитыми мышцами¹⁴, *подрезанный киль* – укороченная грудина¹⁵, *точённость (модельность) тела животного*¹⁶); «строительство» (*надстроенная спина*¹⁷); «шитьё» (*подушечки с хорошей набивкой* – толстые мякиши на пальцах лап¹⁸), «рисунок» (*«карандашные отметки»*¹⁹ (*об окрасе*), *резко очерченная голова*²⁰); «лепка» (*пятна или отметины «отпечатки большого пальца»*²¹).

3. К третьей группе были отнесены метафорические наименования, в кото-

¹ «Заводная ручка» (Crank tail). Син.: крючком хвост. Постава хвоста, при котором сначала у своего основания он выгнут, затем вертикально свисает вниз, но конец повернут под углом; всё это напоминает старомодную заводную ручку или рукоятку насоса; например, у стаффордширского бультерьера [Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 174].

² «Винт» (Screw tail). Короткий хвост, скрученный или изогнутый в виде спирали, например, у бостон-терьера [Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 173].

³ «Ухват» (Pot-hook tail). Син.: «ручка горшка» (pot-handle tail). Хвост, расположенный над спиной, приподнятый высоко над линией спины, имеющий форму дуги и никогда не касающийся спины и не лежащий прямо на ней. Упоминается как недостаток породы хласского апсо, в противоположность ши-тцу, где это считается нормальным поставом [Там же. С. 180].

⁴ «Трубопроводный кран» (Pipe stopper tail). Очень короткий, вертикально поставленный хвост [Там же. С. 180].

⁵ «Флагшток» (Flagpole tail). Длинный прямой хвост, поставленный вверх под прямым углом к линии спины [Там же. С. 171].

⁶ «Серп» (Sickle tail). Хвост, закинутый на спину в виде свободного полукруга, но не расплывающийся по спине, например, у сибирской лайки [Там же. С. 179].

⁷ «Меч» (Sword tail). Хвост, свисающий вниз без отклонения, например, у вандейского бассет-гриффона [Там же. С. 177].

⁸ «Сабля» (Sabre tail). Хвост, слегка изогнутый либо вверх, либо вниз, например, у бассет-хаунда и немецкой овчарки [Там же. С. 179].

⁹ «Ятаган» (Scimitar tail). Во всех отношениях похож на «саблю», но имеет более увеличенный изгиб, например, у денди-динмонт-терьера, английского сеттера [Там же. С. 180-181].

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 41.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 70.

¹⁵ Там же. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 91.

¹⁸ Там же. С. 118.

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ Там же. С. 41.

²¹ Там же. С. 101-102.

рых ономасиологический базис формально не выражен, а предикат служит для отождествления части тела животного и артефакта: «скрипка» – «строение передних конечностей, когда локти довольно широко расставлены»¹; *книжка*² – отдел желудка жвачных³. Многие из таких терминов, за редким исключением однословных, мотивированы наименованиями предметов и деталей одежды и аксессуаров: *карман* – складка кожи над выступом скакательного сустава⁴, *роговой башмак* – структура копыта лошади⁵, «*бриджи*», «*кюлоты*», «*штаны*»⁶, «*жабо*», «*фартук*»⁷, «*шалль*»⁸, «*накидка*»⁹, «*манжеты*»¹⁰ (о шерстном покрове собак различных пород). Однако если наименование органа представляет собой частотную, ставшую устойчивой в анатомической терминологии метафору (например, *мешок*, *пакет*), то ономасиологическая структура включает также признаки «функция» (*воздухоносный мешок*, *молочный пакет*) или «место расположения» (*защёчный мешок*, *анальные мешки*¹¹), выраженные прилагательными-определителями.

Если в номинациях породной анатомии ономасиологический признак «артефакт» описывает одну из многообразных форм головы, ушей, хвостов и т. д., что важно для оценки экстерьера, в терминах, отражающих видовые особенности строения животных, на первый план выходит номинативная функция: артефактная

метафора становится средством кратко и ёмко называния конкретной части тела: *зеркало* – задняя поверхность бёдер барана¹², *губернакулом*, *рулёк* – твёрдое хитиновое образование у паразитов домашних животных – нематод¹³, *книжка* – отдел желудка жвачных¹⁴.

Таким образом, сфера артефактов, представленная в номинациях понятий анатомии животного, в профессиональной ветеринарной и зоотехнической терминологии включает различные виды домашней утвари, в том числе инструменты, оружие, посуду и ёмкости для хранения и переноски, одежду и аксессуары, результаты ручного труда. Обращение к миру вещей, с одной стороны, обусловлено медицинской традицией представления организма как набора ёмкостей, бытовых приспособлений и механизмов. При этом если в общей анатомии преобладают номинации, образность которых постепенно угасает, и термины-метафоры с каждым пересмотром номенклатуры уступают место более информативным и описательным [4; 17], то обозначения видовых и породных особенностей животных чаще обладают живым образным компонентом.

С другой стороны, мотивированность терминов сферой артефактов связана с особым отношением к домашнему животному как к объекту тщательной работы заводчика, что заложено в ценностях ветеринарии и племенного животноводства. Кроме того, номинации фиксируют антропоморфные черты животного, которое уподобляется человеку, обладающему одеждой, аксессуарами, оружием.

Заключение

Итак, в концептуализации строения тела животного в ветеринарной и зоотехнической терминологии важную роль играет взаимодействие с понятийной

¹ Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 108.

² Одно из латинских названий данного органа – Psalterium (буквально Псалтырь).

³ Ветеринарная энциклопедия. Т. 3. С. 456.

⁴ Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 63.

⁵ Ветеринарная энциклопедия. Т. 5. С. 435.

⁶ Спайра Х. Р. Энциклопедический словарь кинологических терминов. С. 22.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Ветеринарная энциклопедия. Т. 5. С. 757.

¹³ Ветеринарная энциклопедия. Т. 2. С. 686.

¹⁴ Ветеринарная энциклопедия. Т. 3. С. 456.

сферой «мир вещей, созданных человеком». Реализация концептуальной метафоры «тело животного – это артефакт» представлена в виде ономаσιологических моделей, которые демонстрируют ход мышления, приведший к профессиональным номинациям. Охарактеризована языковая специфика терминов, созданных по данным моделям.

Наименования, мотивированные сравнением той или иной части тела с артефактом – предметом, созданным человеком, – обычно двусложны. Их признаковая часть, как правило, реализована обозначениями механизмов, инструментов, ёмкостей, что демонстрирует традиционный для медицины способ номинации частей тела, при этом термины видовой и породной анатомии гораздо разнообразнее общеанатомических по набору артефактов, с которыми ассоциируется строение организма. В терминах, во внутренней форме которых сравнение эксплицировано (*гробообразная голова, долотообразные зубы, чашевидные лапы*) ономаσιологический признак является определением к слову, выражающему базис, а предикат, устанавливающий сопоставительные отношения между базисом и признаком, выражен при помощи определённых словообразовательных формантов. Обозначения с имплицитным сравнением частей тела животного и артефактов (*уши – «пуговицы», хвост – «заводная ручка»*) построены по типу конструкций с приложением, реализующим ономаσιологический признак; предикат выполняет роль опущенной связки.

Наименования, мотивированные метафорическим отождествлением тела животного с результатом творения мастера (*надстроенная спина, конечности «в стиле чиппендейл»*), также обычно являются двусложными и отличаются ономаσιологическим признаком, характеризующим не сам артефакт, а действие творца по его изготовлению; предикат, устанавливающий ассоциативную связь

между базисом и признаком, опущен, но легко восстанавливается.

Номинации, в которых ономаσιологический базис формально не выражен, а функцией предиката является отождествление части тела животного и артефакта (*книжка, зеркало*), обычно мотивированы обозначениями предметов и деталей одежды и аксессуаров и чаще всего односложны, за исключением случаев, когда наименование органа является устойчивой в анатомической терминологии метафорой.

В целом профессиональные наименования с ономаσιологическим признаком «артефакт» в породной терминологии имеют яркий образный компонент, что позволяет использовать их как средство описания и оценки экстерьера. В видовой анатомии обозначения, мотивированные артефактной метафорой, выполняют преимущественно номинативную функцию.

Рассмотрение номинаций в ономаσιологическом аспекте позволяет обозначить некоторые ценностные представления, лежащие в основе профессиональной языковой картины мира: традиционный механистический взгляд на устройство организма реализуется в ветеринарной и зоотехнической терминологии в наименованиях с ярким образным компонентом, что достигается гораздо большим разнообразием артефактов, выступающих в качестве ономаσιологического признака, по сравнению с общемедицинской анатомической терминологией; антропоморфизм, выражающийся в уподоблении частей тела животных предметам одежды («кюлоты», «штаны»), оружию (*хвост – «сабля»*) и другим человеческим атрибутам; представление о животном как о результате человеческого творения («прорисованная» шерсть, «карандашные отметки»), особенно ярко проявленное в терминах породной анатомии, отождествляет специалиста с мастером, творцом, создающим своё произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варга Э. К. Тенденции наименования и семантического развития русских анатомических терминов // *Studia Russica*. 2018. Т. XXVI. С. 391–397.
2. Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 181 с.
3. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем): коллективная монография / Н. А. Мишанкина, Е. А. Панасенко, А. Р. Рахимова, Ж. А. Рожнева. М.: Флинта, 2018. 272 с.
4. Neumann P. E., Gest T. R., Tubbs R. S. The principles of anatomical nomenclature revision: They're more like guidelines anyway // *Clinical Anatomy*. 2020. Vol. 33. Iss. 3. P. 327–331. DOI: 10.1002/ca.23494.
5. Новикова О. Н. Ветеринарный дискурс: лингвистический и лингводидактический аспекты. Уфа: Башкирский государственный аграрный университет, 2023. 163 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Абросимова Е. А. Концептуализация мира растений в ветеринарной клинической терминологии // *Вопросы современной лингвистики*. 2023. № 4. С. 6–16. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-6-16.
8. Хакимова Г. А., Захарова Г. А. Метафорические термины как источник обогащения ветеринарной терминосистемы в немецком языке // *Филология: научные исследования*. 2024. № 6. С. 1–17. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70929.
9. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Особенности развития терминоведения в начале XXI века // *Лингвистика и образование*. 2021. Т. 1. № 1. С. 49–70. DOI: 10.17021/2021.1.1.49.70.
10. Чернышова Л. А. Профессиональная языковая картина мира: общее и обусловленное // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2011. № 6-2. С. 98–102.
11. Новодранова В. Ф. Формирование языковой картины медицины (когнитивный аспект) // *Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP: сборник научных трудов*. М.: ИИУ МГОУ, 2009. С. 269–274.
12. Фельде О. В., Мезит А. Э. Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 488. С. 120–126. DOI: 10.17223/15617793/488/12.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред., предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. Плотникова Л. И. Новое слово в когнитивно-ономасиологическом аспекте // *Филологические исследования: международный сборник научных трудов*. Вып. 2 / отв. ред. В. Ф. Прохоров. Белгород; Запорожье: [б. и.], 2003. С. 195–212.
15. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Серебренников; 2-е изд. М.: URSS: ЛКИ, 2008. 156 с.
16. Балакин С. В. Деривационный и номинативный потенциал лексической системы языка (на материале русского, французского и португальского языков): монография; 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрГУПС, 2019. 311 с.
17. Sakai T. Historical evolution of anatomical terminology from ancient to modern // *Anatomical science international*. 2007. Vol. 82. No. 2. P. 65–81. DOI: 10.1111/j.1447-073X.2007.00180.x.

REFERENCES

1. Varga, E. K. (2018). Tendencies of nomination and semantic development in Russian anatomical terms. In: *Studia Russica*, XXVI, 391–397 (in Russ.).
2. Ozingin, M. V. (2010). *The role of metaphor in structuring and functioning of Russian medical terminology* [dissertation]. Saratov (in Russ.).
3. Mishankina, N. A., Panasencko, E. A., Rakhimova, A. R. & Rozhneva, Zh. A. (2018). *Russian terminology systems in terms of semantic selectivity (based on metaphorical fragments of natural, technical and humanitarian terminology systems)*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.)

4. Neumann, P. E., Gest, T. R. & Tubbs, R. S. (2020). The principles of anatomical nomenclature revision: They're more like guidelines anyway. In: *Clinical Anatomy*, 33 (3), 327–331. DOI: 10.1002/ca.23494.
5. Novikova, O. N. (2023). *Veterinary discourse: linguistic and linguodidactic aspects*. Ufa: Bashkir State Agrarian University publ. (in Russ.).
6. Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
7. Abrosimova, E. A. (2023). Conceptualization of the plant world in veterinary clinical terminology. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 6–16. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-6-16 (in Russ.).
8. Khakimova, G. A. & Zaharova, S. A. (2024). Metaphorical terms as a source of enrichment of the veterinary terminology system in German. In: *Philology: scientific researches*, 6, 1–17. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70929 (in Russ.).
9. Grinev-Grinevitch, S. V. & Sorokina, E. A. (2021). Some features of development of terminology science at the beginning of the XXI century. In: *Linguistics & Education*, 1 (1), 49–70. DOI: 10.17021/2021.1.1.49.70 (in Russ.).
10. Chernyshova, L. A. (2011). General and specific in professional language world view. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6-2, 98–102 (in Russ.).
11. Novodranova, V. F. (2009). Formation of the linguistic picture of medicine (cognitive aspect). In: *Modern trends in lexicology, terminology and theory of LSP*. Moscow: MRSU Ed. Office, pp. 269–274 (in Russ.).
12. Felde, O. V. & Mezit, A. E. (2023). Professional language picture of the world as an object of research in terminology science and LSP linguistics. In: *Tomsk State University Journal*, 488, 120–126. DOI: 10.17223/15617793/488/12 (in Russ.).
13. Lakoff G. & Johnson M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
14. Plotnikova, L. I. (2003). A New Word in the Cognitive-Onomasiological Aspect. In: *Philological Studies: International Collection of Scientific Papers. Iss. 2*. Belgorod, Zaporizhzhya: Belgorod State University publ., pp. 195–212 (in Russ.).
15. Kubryakova, E. S. (2008). *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: URSS publ., LKI publ. (in Russ.).
16. Balakin, S. V. (2019). *Derivational and nominative potential of the lexical system of language (based on the Russian, French and Portuguese languages)*. Ekaterinburg: Ural State University of Railway Transport publ. (in Russ.).
17. Sakai, T. (2007). Historical evolution of anatomical terminology from ancient to modern. In: *Anatomical science international*, 82 (2), 65–81. DOI: 10.1111/j.1447-073X.2007.00180.x.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абросимова Екатерина Алексеевна (г. Омск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина;

<https://orcid.org/0000-0002-6256-400X>; e-mail: abrosimova@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Abrosimova (Omsk) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin;

<https://orcid.org/0000-0002-6256-400X>; e-mail: abrosimova@inbox.ru

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-16-23

ВИД И СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА НА ФОНЕ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Епифанцева Н. Г.

*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: nepifantseva@yandex.ru*

Поступила в редакцию 22.01.2025

Принята к публикации 31.01.2025

Аннотация

Цель. Выявление и систематизация языковых средств выражения аспектуальных значений французского глагола в сравнении с видо-временной глагольной системой русского языка на примере способа действия повторяемости.

Процедуры и методы. В процедуре обработки примеров использованы синхронический подход, общенаучные и частные лингвистические методы: описательный метод, компонентный, семантический виды анализа и др.

Результаты. Проанализированы и обобщены языковые средства на основе повтора, формирующие лексико-семантическую категорию способа действия французского глагола; выявлены существенные характеристики способа и вида глагольного действия и статусные различия между ними.

Теоретическая и практическая значимость заключается в установлении роли повтора как семантической основы аспектуального значения глагольного действия и разноуровневых языковых средств его выражения.

Ключевые слова: грамматическая категория, повтор, лексико-семантическая категория, видо-аспектуальная система французского глагола

Для цитирования:

Епифанцева Н. Г. Вид и способ действия французского глагола на фоне видо-временной глагольной системы русского языка // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 16–23. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-16-23>

Original research article

TYPE AND METHOD OF VERBAL ACTION OF THE FRENCH VERB AGAINST THE BACKGROUND OF THE TENSE VERBAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

N. Epifantseva

*Federal State University of Education, 10 A Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation;
e-mail: nepifantseva@yandex.ru*

Received by the editorial office 22.01.2025

Accepted for publication 16.01.2025

Abstract

Aim. To identify and systematize linguistic means of expressing the aspectual meanings of the French verb in comparison with the type-tense system of the verb system of the Russian language using the example of the mode of action of repetition.

Methodology. The synchronic approach, general scientific and particular linguistic methods are used in the example processing procedure: descriptive method, component, semantic types of analysis, and others.

Results. Linguistic means based on repetition are analyzed and generalized, forming the lexico-semantic category of the mode of action of the French verb; the essential characteristics of the method and type of verbal action and the status differences between them are revealed.

Research implications. The study establishes the role of repetition as the semantic basis of the aspectual meaning of a verbal action and the multilevel linguistic means of its expression.

Keywords: grammatical category, repetition, lexico-semantic category, type-aspectual system of the French verb

For citation:

Epifantseva, N. G. (2025). Type and method of verbal action of the French verb against the background of the tense verbal system of the Russian language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 16–23. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-16-23>

Введение

Вид (aspect) и способ действия (mode d'action) взаимосвязаны и относятся к сфере аспектологии, которая считается одной из актуальных как в области традиционной грамматики, так и в современных направлениях лингвистики.

Дискутируемой до настоящего времени областью аспектологии является соотношение вида / способа глагольного действия, определения категориального статуса и парадигматических средств, формирующих грамматическую категорию. Эти вопросы были предметом исследования отечественных и зарубежных аспектологов на материале русского и французского языков: А. В. Бондарко [1], Е. В. Падучевой [2], А. А. Шахматова [3], Л. П. Пицковой [4], Г. Гийома (G. Guillaume [5]), Ж. Дамуретта (J. Damourette), Э. Пишона (Ed. Pichon) [6], Э. Бенвениста (E. Benveniste [7]) и др. Вопросы аспектологии в историческом плане, включая индоевропеистику, отражены в трудах К. Г. Красухина [8], В. С. Храковского [9], А. А. Балуты [10] и др.; проблематика

аспекта в сравнительно-сопоставительном плане, а также системное распределение аспектуальных значений и средств их реализации стали предметом изыска ний Е. И. Бойчук [11], В. А. Плунгяна [12] и в ряде диссертаций последних лет, в частности Е. Е. Дымонт [13] и др.

Во французском языке дискутируется также такая особенность глагольной аспектуальности, как двойственность, которая в ряде случаев нейтрализует основную грамматическую оппозицию «имя существительное / глагол». Вид как характеристика действия преимущественно относится к глаголу, но в ряде случаев может быть включён в концепт, воспринимаемый как существительное. Так, по мнению А. Мартине, именное словосочетание со значением действия несовершенного вида *le blé en herbe* (созревающая пшеница = *пшеница в колосе*) может получить развитие в форме также именного словосочетания, но со значением действия совершенного вида *le blé prêt à la faux* (созревшая пшеница = *готовая к жатве*). Из приведённых при-

меров очевидно, что значение совершенного / несовершенного вида относится к глагольному действию, но в то же время с учётом этимологии указание на аспектуальную характеристику объекта может восприниматься как сам объект [14].

Наличие современных публикаций дискуссионного характера и теоретическая значимость аспектологии как лингвистической области свидетельствуют об *актуальности* темы статьи.

Цель исследования – выявление и систематизация языковых средств выражения аспектуальных значений французского глагола на примере способа действия повторяемости – требует рассмотрения *следующих задач*:

– определение способов глагольного действия на основе повтора и системное распределение языковых средств их выражения;

– установление соотношения между категориями вида / способа глагольного действия во французском языке (в сопоставлении с русским).

Проведён аналитический обзор предшествующих научных трудов отечественных и зарубежных авторов по проблеме статусного разграничения категорий вида / способа действия французского глагола на фоне видо-аспектуальной системы русского языка; в процедуре обработки иллюстративного материала использованы синхронический подход, общенаучные и частные лингвистические методы, в числе которых описательный, компонентный, семантический виды анализа и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в определении повтора как семантической основы аспектуального значения глагольного действия и разноуровневых языковых средств его выражения на материале французского языка в сравнении с русским. В практическом применении результаты и фактический материал статьи могут быть использованы в курсах по прагмакоммуникации, теоретической

грамматике французского языка, сравнительной типологии, словообразованию гуманитарных факультетов высшей школы.

Вид и способ глагольного действия во французском языке

Тема аспектуальности глагольного действия была и остаётся в центре внимания лингвистов. Тот факт, что первые исследования в области аспектологии проводились на материале древнегреческого языка (разграничение предельных / не-предельных глаголов), повлиял на дальнейшую трактовку вида как составной части видо-временной системы глагола, а также на обращение к флективным языкам как материалу исследования [1; 3].

Суть разногласий по вопросу категориального статуса вида глагольного действия сводится, с одной стороны, к его определению как привативной оппозиции предельных / не-предельных глаголов, а в другой интерпретации – как противопоставления значений точечного / линейного действия, целостного / процессного глагольного действия [3; 4].

В трудах французских грамматистов можно встретить образное определение категориальных форм *Imparfait / Passé simple*, видовое различие между ними и основание для способов действия, выражаемых этими формами. В одном из таких определений имперфектная форма сравнивается с торжественным шествием перед трибуной, на которой находятся те, кто его наблюдает [6]. Наблюдающие шествие (*Passé simple*) видят его целостным действием от начала до окончания, в его завершённости и полном совершении (трудно представить себе их уход с трибуны до окончания шествия: он был бы осуждён и имел бы негативные последствия). Шествующие в процессии (*Imparfait*), ориентируясь в ближнем контексте, не видят ни её начала, ни конца, они символизируют действие процессное, в его протекании. При этом процессное действие предполагает его делимость.

В терминах лингвистики: французская грамматическая категория вида (лат. *aspectus*) представляет действие в двух видах – как холистически целостное (совершенное, оконченное, завершённое, достигшее предела) / процессное (несовершенное, незавершённое, не достигшее предела). Для выражения этих значений во французском языке используются перфектные / имперфектные формы (Perfect / Imperfect). Способ(ы) глагольного действия как субъектно-объективная характеристика действия представляют собой лексико-семантическую категорию и выражаются грамматическими и лексическими средствами [4; 15; 16].

В отличие от русского, французский язык, характеризующийся преимущественно аналитическим грамматическим строем, разграничивает категорию вида и категорию времени и временной соотносённости [17]. При этом вид и аспектуальные значения способов действия образуют систему, исключая многие временные формы в качестве критерия интерпретации. В этом состоит специфика аспектуальной характеристики французского глагола: категория вида не охватывает всей системы глагольных форм, а включает лишь формы изъявительного наклонения, прошедшего времени: *Imparfait / Passé simple*. Со своей стороны, *Imparfait* и *Passé simple* являются формами прошедшего времени и, соответственно, входят в категорию времени, что приводит к неблагоприятному явлению многозначности, когда одни и те же глагольные формы фигурируют в парадигмах разных грамматических категорий. Так, одни и те же морфемы-окончания 3 лица единственного числа *-ait* (*Imparfait*) / *-a* (*-it, -ut*) (*Passé simple*) выступают носителями временного и видового значений. Например:

– Il oublia toute la prudence et *s'approcha*. Voilà justement qu'une femme *sortait* de la foule et en *dégagent* avec peine son panier resté pris dedans, un gros panier qui *semblait peser* lourd, qu'elle *tira* à elle des

deux mains, puis s'en vint à lui pliant sous le poid¹ [Ramuz Ch.-F. *Le gros poisson du lac*. С. 51]. – Забыв о всякой предосторожности, он *подошел ближе*. Из толпы как раз *выбралась* женщина, с трудом вытягивая большую корзину, оставшуюся внутри, по-видимому, очень тяжелую корзину. Вот она ее *вытащила* двумя руками, и, сгибаясь от тяжести, *направилась* в его сторону [Рамю Ш.-Ф. *Большая рыба озера*. С. 34].

В приведённом выше примере перфектные глагольные формы *Il s'approcha, elle tira, elle s'en vint* (*passé simple*) переданы на русский язык тождественной формой совершенного вида *он подошел ближе, она вытащила, она направилась*. В то же время глагольная имперфектная форма *sortait* (*Imparfait*) передаётся в русском переводе формой совершенного вида *выбралась*, хотя в тексте нет никаких препятствий для точной передачи аспектуального значения процессности, выражаемого формой *Imparfait* *выбиралась*.

Следует заметить, что передача имперфектной формы *Imparfait* на русский язык формой совершенного вида – явление обычное, поскольку обе французские формы *Imparfait, Passé simple*, без противопоставления друг другу, передают значение действия в прошлом по грамматической категории времени. Тогда как в противопоставлении *Imparfait / Passé simple* представляют грамматическую категорию вида, что составляет существенную характеристику французского глагола.

– *C'était* un morceau à l'attaque abrupte qu'il *aimait* entre tous. Il *commença* avec précision, sans le faux accord qu'il *commettait* d'habitude [Tourneur M. *Force Huit*. С. 178]. – Это *был* очень резкий, отрыви-

¹ Здесь и далее (если не указано иное) иллюстративный материал взят из книги: *Истории с берегов Лемана = Histoires des rives du Leman: recits: рассказы / сост. Э. Малерб; пер. с фр. И. Б. Ливант; ред. А. К. Лаптев. Иркутск: Иркутский писатель, 2006. 248 с.*

стый фрагмент, который он *любил* больше других. *Начал* он точно, без фальшивых аккордов, которые *были* ему свойственны [Турнёр М. Восьмая сила. С. 166].

В приведённом французском тексте и его русском переводе чередование перфектных / имперфектных форм совпадает в сравниваемых языках. Взаимная замена *Imparfait / Passé simple* возможна в отношении глаголов *aimer*, cf: *qu'il aimait / qu'il aima* – который он *любил / полюбил* больше других; *начал / начинал* он точно. В отношении формы представленного в тексте глагола *это был* – но не **стал* или **оказался* – чередование *Imparfait / Passé simple* приводит к нарушению языковых норм как в исходном, так и в переводном вариантах текста.

– *Ils étaient assis en familiers chez l'épicière et la regardaient empaqueter les haricots et les ballotins de chocolats. Elle feignait d'avoir été surprise en robe de chambre amarante alors que leur engin abordait son ponton glacé tous les jours à la même heure* [Tourneur M. Force Huit. С. 173]. – Они по-домашнему *устроились* у бакалейщицы и *наблюдали*, как она *укладывает* фасоль в коробочки из-под шоколада. Ей ничего *не стоило* не быть застигнутой в своем малиновом домашнем халате, так как их машина *приставала* к своему обледенелому причалу всегда в одно и то же время [Турнёр М. Восьмая сила. С. 160].

В приведённом примере в плане грамматической сочетаемости языковая норма допускает альтернативный перевод имперфектной формы *ils étaient assis* формой совершенного / несовершенного вида: Они по-домашнему *устроились / устраивались*. Обстоятельство образа действия *en familiers* при сказуемом *ils étaient assis* не препятствует чередованию в русском переводе форм совершенного / несовершенного вида, так как представляет его качественную характеристику, не затрагивающую аспектуальности глагола. В этом же примере имперфектная форма *abordait* не допускает чередования с совершенным видом

и может быть переведена только формой несовершенного вида: *приставала* (но не **пристала*) к своему причалу. Ограничителем выступает обстоятельство времени со значением аспектуальности, указывающее на повторяемость действия (всегда, т. е. каждый день в одно и то же время).

Как видно из примеров, системно-категориальные значения форм *Imparfait / Passé simple* исключают друг друга, объединяющим эти формы признаком является аспектуальность. Специфика форм *Passé simple* и *Imparfait* объясняется особым местом, которое они занимают в системе категориальных форм французского глагола. В категории вида они образуют оппозицию со значением совершенного / несовершенного вида; в категории времени (прошедшее / настоящее / будущее) *Passé simple*, *Imparfait* относятся к прошедшему периоду, не образуя категориальной оппозиции. Особенности взаимодействия данных форм и их семантическая структура представлены ниже (см. табл. 1).

В представленной ниже таблице противопоставлены категориальное значение форм *Passé simple / Imparfait* и приобретаемые ими контекстные значения.

Средства выражения аспектуальных значений на основе повтора

Смысл термина «повтор» – повторение какого-либо элемента – более чем ясен: корень *втор* предполагает следование за кем / чем-то, префикс *но-* выражает в одном из своих значений повторяемость. Термины *итерация*, *итеративность* (лат. *iteratio*) используются с тем же значением, но в более широком применении.

Значение повтора является семантической основой способов действия: многократности, повторяемости, прерывисто-смягчительности и др. (*mode d'action itérative, multiplicative, atténuative*) [11; 18].

Из вышеприведённых примеров следует, что в ряде случаев форма *Imparfait* является самодостаточной для выраже-

Таблица 1 / Table 1

**Значение форм Passé simple / Imparfait в парадигматике и синтагматике /
The meaning of forms Passé simple / Imparfait in paradigmatics and syntagmatics**

Грамматическая категория вида	Passé simple	Imparfait
Формальный показатель: флексия 3л. ед.ч.	a (it, ut)	ait
Категориальное значение	целостность	процессность
Синтагматические значения	– историческое действие в прошлом без связи с настоящим); – действие или явление общей известности	– привычное действие в прошлом; – протекание действия в прошлом; – действие, на фоне которого свершилось другое действие

ния способа действия. Но её оформление лексико-грамматическими средствами никогда не бывает лишним. Например:

– Il eut l'impression que la jeune fille lui cachait quelque chose (Ж. Сименон (G. Simenon), цит по: [18, с. 23]). – У него *создалось* впечатление, что девушка что-то скрывала от него [пер. наш – Н. Е.]. В приведённом примере форма Imparfait выражает действие, на фоне которого *свершилось* другое действие (с аспектуальным оттенком совершённого действия), во французском языке (Passé simple), переданное в русском формой совершенного вида.

Ещё пример:

– Entre eux, pour les lier, il y a le désir. Celui de retenir le nécessaire, de maintenir l'essentiel, de ne pas laisser s'enfuir ce qui, parfois, aide à vivre, à poursuivre, à recommencer [Spilmont J.-P. С. 227]. – Их связывает желание. Желание запомнить необходимое. Поддержать главное, не упустить то, что иногда помогает жить, продолжать, *начинать заново* [Спильмон Ж.-П. С. 221]. В данном примере Инфинитив *recommencer* оформлен префиксом *re-* со значением повторяемости действия с дополнительным аспектуальным оттенком новизны и, таким образом, выражает способ действия.

Кроме того, в грамматиках отмечается так называемое *стилистическое употребление Imparfait*, передаваемое на русском языке глагольными формами совершен-

ного вида или формой настоящего времени:

– Il l'emmenait à Biarritz, toujours discret, et enfin... lui proposait de l'épouser (Ж. Сименон (G. Simenon), цит. по: [18, с. 26]). – Он *съездил* с ней, всё также тайком, в Биариц и, наконец, *предложил* ей выйти за него замуж / Он *едет* с ней... и *предлагает*... [пер. наш – Н. Е.].

Прерывисто-смягчительный способ действия передаётся глагольной формой Imparfait, выражающей прошедшее действие, представленное как процессное, которое, в свою очередь, предполагает прерывистый характер его протекания. Прерывисто-смягчительный способ действия отличается осложнённым значением и сложным составом средств выражения, включающим, кроме глагола, наречия и предложные именные словосочетания *de temps en temps* (время от времени), *par intervalles* (через определённые промежутки времени), *de temps à autre* (в то или иное время) и др. Например:

– Elle me regardait l'autre jour, je te jure, avec les yeux de limace pour la salade (Э. Базен (H. Bazin), цит. по: [18, с. 25]). – Она *посматривала* на меня *иногда*, *клянусь*, *взглядом салатной улитки* [пер. наш – Н. Е.].

Способ действия многократности также заложен в категориальном видовом значении Imparfait, но более ярко проявляется за счёт уточняющей лексики (наречий) и широкого контекста, например:

– *A chaque course l'épicière affirmait que les provisions allaient durer encore* [Tourneur M. Force Huit. С. 172]. – *Каждый раз бакалейщица утверждала, что продукты ещё оставались* [Турнёр М. Восьмая сила. С. 159].

Заключение

Аналитический обзор научных трудов и исследование фактического материала по теме статьи приводят к следующему заключению.

Повтор (лат. *Iteratio*) служит основой для формирования средств выражения аспектуальных значений повторяемости, многократности, прерывистости глагольного действия. Эти характеристики потенциально заложены в значении *Imparfait* как формы грамматической категории вида. К другим средствам выражения аспектуальных значений относятся: словообразование (аффиксальные средства), лексические средства (в основном наречия и обороты, сочетающиеся

с глаголом), разного масштаба контекст, способствующий локализации и характеристике исследуемых единиц.

В результате проведённого исследования:

– проанализированы и обобщены языковые средства на основе повтора, формирующие лексико-семантическую категорию способа действия французского глагола на фоне их переводов на русский язык;

– выявлены сущностные характеристики способа и вида глагольного действия и статусные различия между ними.

Данные результаты имеют теоретическую значимость в вопросе типологии языков (разграничения флективного / аналитического типа на примере категорий вида и способа действия), а также практическую ценность, заключающуюся в перспективе использования материала и результатов исследования в учебной практике высшего образования гуманитарного направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
2. Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.
3. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка; 3-е изд. М.: УРСС, 2001. 620 с.
4. Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика: Морфология, синтаксис. М.: Высшая школа, 1991. 298 с.
5. Guillaume G. *Language et science du langage*. Paris: Librairie Nizet, 1964. 268 p.
6. Damourette J., Pichon E. *Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française*. T. V. Paris: Artye, 1970. 743 p.
7. Benveniste E. *Problème de linguistique générale*. Paris: France Gallimard, 1993. 242 p.
8. Красухин Л. Г. Введение в индоевропейское языкознание. М.: Академия, 2004. 320 с.
9. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / под ред. А. В. Бондарко. М.: Либроком, 2013. С. 63–85.
10. Балута А. А., Епифанцева Н. Г., Михайлов М. К. Изменение синтаксических функций инфинитива в народной латыни // Современный ученый. 2022. № 6. С. 92–95.
11. Бойчук Е. И. Лексико-грамматическая функция повтора (на материале французского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 157–166. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_157.
12. Плулунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
13. Дымонт Е. Е. Функции глагольных словоформ с перфектным значением в русских художественных текстах (на фоне текста на итальянском языке): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2020. 199 с.
14. Martinet A. *Collection "Le linguiste. La linguistique synchronique": Etudes et recherches*. Paris: Presses universitaires de France, 1965. 248 p.

15. Виноградов В. В. Избранные труды. М.: Наука, 1990. 386 с.
16. Апресян Ю. Д. Грамматические категории глагола в активном словаре // От значения к форме, от формы к значению: сборник статей к 80-летию чл.-кор. РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 15–31.
17. Сенченкова М. В. Глагольная система во французском и русском языках: сходство и различие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 80–85. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-80-85.
18. Епифанцева Н. Г., Корж В. И. Морфология французской глагольной системы. М.: МГПУ, 2002. 56 с.

REFERENCES

1. Bondarko, A. V. (2005). *Theory of morphological categories and aspectological studies*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
2. Paducheva, E. V. (2009). On lexical aspect and the Maslov – Vendler verbal taxonomy. In: *Topics in the Study of Language*, 6, 3–20 (in Russ.).
3. Shakhmatov, A. A. (2001). *Syntax of the Russian language*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
4. Pitskova, L. P. (1991). *French language. Theoretical grammar: Morphology, syntax*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
5. Guillaume, G. (1964). *Language et science du langage*. Paris: Librairie Nizet.
6. Damourette, J. & Pichon, E. (1970). *Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française*. T. V. Paris: Artye.
7. Benveniste, E. (1993). *Problème de linguistique générale*. Paris: France Gallimard.
8. Krasukhin, L. G. (2004). *Introduction to Indo-European Linguistics*. Moscow: Academya publ. (in Russ.).
9. Khrakovsky, V. S. (2013). Multiplicity. In: *Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis*. Moscow: Librokom publ., pp. 63–85 (in Russ.).
10. Baluta, A. A., Epifantseva, N. G. & Mikhailov, M. K. (2022). Changing the syntactic functions of the infinitive in folk Latin. In: *Modern Scientist*, 6, 92–95 (in Russ.).
11. Bojchuk, E. I. (2023). Lexical-grammatical function of repetition in the French language. In: *Verhnevolzhski philological bulletin*, 1 (32), 157–166. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_157 (in Russ.).
12. Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to grammatical semantics*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. (in Russ.).
13. Dymont, E. E. (2020). *Functions of verb word forms with perfect meaning in Russian fiction texts (against the background of the text in Italian)* [dissertation]. Perm (in Russ.).
14. Martinet, A. (1965). *Collection “Le linguiste. La linguistique synchronique”: Etudes et recherches*. Paris: Presses universitaires de France.
15. Vinogradov, V. V. (1990). *Selected Works*. Moscow: Nauka, publ. (in Russ.).
16. Apresyana, Yu. D. (2012). Grammatical categories of the verb in the active dictionary. In: *From meaning to form, from form to meaning: a collection of articles for the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A. V. Bondarko*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ., pp. 15–31.
17. Senchenkova, M. V. (2021). The verb system in French and Russian: similarities and differences. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 80–85. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-80-85 (in Russ.).
18. Epifantseva, N. G. & Korzh, V. I. (2002). *Morphology of the French verb system*. Moscow: Moscow City University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанцева Наталья Глебовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения; <https://orcid.org/0000-0003-3268-1675>; e-mail: nepifantseva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Epifantseva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Federal State University of Education; <https://orcid.org/0000-0003-3268-1675>; e-mail: nepifantseva@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-24-36

ГЕРМЕНЕВТИКО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Лебедева А. А.^{1}, Новикова М. Г.²*

¹ *Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Российская Федерация*

² *Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
г. Москва, Российская Федерация*

**Корреспондирующий автор, e-mail: lebsuch@yandex.ru*

Поступила в редакцию 30.09.2024

После доработки 23.10.2024

Принята к публикации 24.10.2024

Аннотация

Цель. Статья посвящена описанию трудностей социокультурологической адаптации текстов при переводе с одного языка на другой и анализу влияния контекста на адекватность переводческих решений.

Процедура и методы. При работе с аутентичными англо- и русскоязычными текстами в рамках юридического и медиадискурсов применялись контекстуальный и контрастивный методы анализа эмпирического материала.

Результаты. По итогам исследования даны чёткие обоснования необходимости проведения многоаспектного анализа национальных культурологических особенностей носителей языка-донора и языка-реципиента с целью избежать возможных переводческих ошибок.

Теоретическая и практическая значимость. Для снятия проблемы множественного толкования терминов реципиентами, в том числе правовых норм в юридическом дискурсе, оптимальным решением может быть предлагаемая герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма. В статье также приводятся примеры переводческих манипуляций при работе с английской терминологией.

Ключевые слова: параллельный перевод, герменевтико-коммуникативная парадигма перевода, лингво-культурологический аспект, переводческие манипуляции, юридический перевод

Для цитирования:

Лебедева А. А., Новикова М. Г. Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма: реализация социокультурологической и прагматической адаптации текстов при переводе // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 24–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-24-36>

Original research article

HERMENEUTIC-COMMUNICATION TRANSLATION PARADIGM: SOCIOCULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION IN TRANSLATION

A. Lebedeva^{1*}, M. Novikova²

¹ All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: lebsuch@yandex.ru

Received by the editorial office 30.09.2024

Revised by the author 23.10.2024

Accepted for publication 24.10.2024

Abstract

Aim. To describe the difficulties of sociocultural adaptation in translation practices and analyze the influence of the context on the adequacy of the translation.

Methodology. The methods of contextual as well as contrastive analysis were applied during the research based on selected authentic English and Russian texts in mass media and legal discourse.

Results. The work shows the need for conducting a multidimensional analysis of national cultural peculiarities of the original text and target language speakers in order to avoid probable translation mistakes.

Research Implications. To solve the problem of multiple terminology interpretations by recipients, including legal norms in Legalese, the hermeneutic-communication translation paradigm may be a good choice. The paper also lists examples of translation manipulations applied in working with English terminology.

Keywords: parallel translation, hermeneutic-communication translation paradigm, linguo-cultural aspect, translation manipulations, legal translation

For citation:

Lebedeva, A. A. & Novikova, M. G. (2025). Hermeneutic-communication translation paradigm: sociocultural and pragmatic adaptation in translation. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 24–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-24-36>

Введение

Поиск переводческого решения всегда связан с обеспечением корректного восприятия и понимания семантической конфигурации лексической единицы иноязычной аудиторией (см. анализ концепций переводческих стратегий и переводческих манипуляций в разных видах дискурса в: [1–12] и др.). Разработка и верификация теорий перевода продолжается все последние десятилетия. Предложено большое количество моделей перевода, в том числе ситуативная, функционально-прагматическая и семан- тико-семиотическая модели, психолинг-

вистическая и информационная теории, теория уровней эквивалентности, теория закономерных соответствий [13; 14; 15], дискурсивно-коммуникативная модель [16], дискурсивно-игровая когнитивно- герменевтическая парадигма перевода [17; 18; 19] и др. Многие исследователи анализируют уже существующие теории и предлагают классификации стратегий перевода, к примеру, Э. Честерман [20] разделил их на два подвида: “comprehension strategies” / «стратегии понимания» (фокусирующие внимание на когнитивном анализе исходного текста) и “production strategies” / «стратегии производства ко-

нечного текста» (фокусирующие внимание на создании окончательного варианта целевого текста). При этом все лингвисты отмечают, что используемые для достижения адекватности перевода лексико-грамматические и стилистические средства могут значительно варьироваться в разных языках. Поскольку межкультурные адаптивные переводческие стратегии и тактики всегда нацелены на формирование адекватного в рамках культуры языка-реципиента переводного текста, в данной работе мы хотели бы заострить внимание на методах обеспечения адекватного восприятия русскоязычной аудиторией указанных на языке оригинала, транслитерированных или транскрибированных языковых единиц.

К вопросу о межкультурных адаптивных переводческих стратегиях и тактиках

Обеспечение точности передачи лексико-семантической конфигурации текстовых фрагментов на другой язык всегда считалось лингвистами одним из наиболее важных критериев качественного перевода. При этом в переводческой практике, на наш взгляд, можно говорить о частично разнонаправленных тенденциях.

С одной стороны, перед переводчиком стоит задача подбора таких лексико-грамматических и стилистически окрашенных иноязычных эквивалентов в языке-реципиенте, чтобы они обеспечили адекватное восприятие текстового фрагмента целевой аудиторией. В переводческой практике, как известно, для более качественного перевода текстов широко применяются такие приёмы, как калькирование, транслитерация, транскрибирование, описательный перевод, лексико-семантическая замена, переводческий комментарий.

Выбор переводческого решения зависит прежде всего от вида дискурса. Английское существительное “conviction”, например, может быть переведено на русский язык в массово-информаци-

онном или разговорно-бытовом дискурсах как «убеждение, взгляды, убеждённость», а в юридическом контексте – как «осуждение, судимость, приговор». Русскоязычными эквивалентами глагола “to depose” могут быть слова «свергнуть (с престола), снять (с должности)», а в качестве юридического термина будут корректными варианты «допрашивать под присягой, давать письменные показания под присягой». Соответственно, фразу “The witness deposed to having seen the three women steal the jewels” нужно перевести как «Свидетель показал под присягой, что видел, как эти три женщины украли драгоценности». В рамках одного дискурса также могут наблюдаться определённые расхождения лексико-семантических конфигураций языковых единиц в условиях функционирования больших пластов омонимов и многозначных слов, в результате чего выбор переводческого решения зависит от контекстного окружения. К примеру, адекватным переводческим эквивалентом слова “convention” в разговорно-бытовом, юридическом или медиадискурсе будет «конвенция», если речь идёт о международных конвенциях (“an international convention”). Словосочетание же “constitutional convention” может быть переведено как «учредительное собрание», как «конституционный съезд» (если речь идёт о конституционном съезде в Филадельфии¹) или во множественном числе как «конституционные соглашения» в текстах о неписаной британской конституции, например, в следующем текстовом фрагменте: “Conventions are another source of Constitution. They are rules and practices which are not legally enforceable, but which are regarded as indispensable to the working of government. Many conventions are derived from the historical events through which the British

¹ Филадельфийский конвент, как известно, был созван в 1787 г. в Филадельфии, штат Пенсильвания, для пересмотра Статей Конфедерации, в результате же дискуссий участники Конвента создали Конституцию США.

system of government has evolved. One convention is that Ministers are responsible and can be held to account for what happens in their Departments.” Подобные расхождения наблюдаются и в юридическом дискурсе со словосочетанием “civil law”: его корректным русскоязычным эквивалентом при противопоставлении с уголовным правом будет «гражданское право», а при противопоставлении с англо-саксонским прецедентным правом выражение “civil law tradition / civil law system” нужно переводить как «система европейского континентального права / романо-германское право».

В некоторых случаях необходимо использовать лексико-грамматическое расширение при переводе: русскоязычным аналогом англоязычных терминов “capital crime” и “capital offense”, к примеру, будет «преступление, за совершение которого по закону предусмотрена смертная казнь». Нередко в художественных произведениях и в медиадискурсе целесообразно дать переводческий комментарий, как, на наш взгляд, при упоминании юридических терминов “status offense” и “preventive detention”. Буквальный перевод на русский язык юридического феномена “status offense” («статусное правонарушение») не раскрывает смысла данного понятия для большей части среднестатистических жителей России, поэтому в разговорно-бытовом и медиадискурсах при переводе фразы типа “Children’s offenses typically include delinquent acts, which would be considered crimes if committed by adults, and status offenses, which are less serious misbehavior such as parental disobedience and truancy” было бы целесообразно дать переводческий комментарий с расшифровкой данного термина, например, как «действия, запрещённого только для определённого класса людей, не влекущего правовой ответственности в случае его совершения совершеннолетним и чаще всего применяемого в отношении правонарушений, совершённых несовершеннолетними».

Буквальный перевод юридического термина “preventive detention” как «превентивное тюремное заключение» не даст представителям среднестатистической русскоязычной аудитории, малознакомой с особенностями англо-саксонской и континентально-европейской правовых систем, полного представления о данной мере пресечения, так как подобный вид наказания отсутствует в российском законодательстве. Соответственно, было бы разумно дать переводческий комментарий с информацией о том, что подобный тип лишения свободы назначается не в качестве наказания за совершённое преступление, а в качестве средства предупредить на какой-то срок или пожизненно возможное совершение рецидивистом уголовно наказуемых деяний, т. е. в случаях, когда преступник уже отбыл основной срок, но, по оценкам экспертов и психологов, является столь опасным, что его освобождение могло бы представлять угрозу для общественной безопасности. В настоящее время данная мера пресечения узаконена во многих европейских странах в рамках различных правовых институтов и нередко назначается в отношении сексуальных преступников или виновных в совершении убийств, разбоев, во взятии заложников или в иных тяжких преступлениях. В Германии превентивное заключение предусмотрено § 66 УК и официально именуется «Помещение в надзорное учреждение» (эта мера была введена в 1933 г. «Законом об особо опасных рецидивистах», а после окончания Второй мировой войны перешла в правовую систему ФРГ: в редакции УК ФРГ, принятой в 1975 г., срок превентивного заключения был ограничен 10 годами, а в редакции 1998 г. данный предел был отменён, и превентивное заключение может быть пожизненным). В Швейцарии превентивное тюремное заключение известно под названием «интернирование» и предусмотрено ст. 64 новой редакции Уголовного кодекса. В Великобритании данная мера пресечения

закреплена в ст. 225 и ст. 227 Закона об уголовном правосудии 2003 г. В последние два десятилетия в некоторых странах предпринимались попытки оспорить конституционность превентивного заключения в высших судебных инстанциях, но данная мера пресечения была признана законной (в том числе в 2004 г. Конституционным Судом Германии и в том же году Федеральным Высоким судом Австралии).

Поскольку поиск иноязычного эквивалента связан с проблемой обеспечения понимания лексической единицы целевой аудиторией, выбор адекватного способа передачи информации может привести к неожиданным переводческим решениям. Так, поиск эквивалентов названий фильмов, книг, теле- и радиопередач на другом языке, к примеру, часто подразумевает не буквальный перевод всей лексической единицы или её составных частей, а выбор аналога, привлекательного для аудитории конкретной страны с маркетинговой точки зрения. Русскоязычным зрителям американский телесериал “Suits” известен как «Форс-мажоры» (а не «Судебные иски» или «Костюмы»), книга Джона Гришема “The Associate” – как «Юрист» (а не «Партнёр», «Сообщник» или «Корпоративный юрист»), комедия “The Love Punch” с Пирсом Броснаном и Эммой Томпсон в главных ролях – под названием «Как украсть бриллиант», мелодрама режиссёра Пэди Бретнека “Blow Dry” – под названием «Английский цирюльник», турецкий 80-минутный документальный фильм “Kedi” (что в переводе с турецкого означает «кошка»¹) – под названием «Город кошек», фильм британского режиссёра Гая Ричи (Guy Ritchie) “The Covenant” в российском прокате в 2023 г. шёл под названием «Переводчик» (а не «Договор», «Пакт», «Договорённость» или «Завет») и т. п. В конце 2022 г. в рамках рекламной

кампании для привлечения новых пользователей в СМИ был объявлен конкурс на наиболее удачное название тестируемой в тот момент в Москве системы оплаты проезда в метро с помощью биометрических данных “FacePay”: одним из наиболее привлекательных и звучных вариантов названия проекта был признан далекий от буквального перевода эквивалент «Оплати улыбкой»².

В некоторых случаях переводческие решения обусловлены традиционными общепринятыми вариантами выбора лексического эквивалента на другом языке. Так, британская *Special Air Service* (SAS) известна в России как «Специальная авиадесантная служба». Премия *IG Nobel Prize* (IG в данном случае – сокр. от “ignorance”) известна в России как «Шнобелевская премия» (вручается ежегодно в Гарвардском университете в США – за месяц до объявления лауреатов Нобелевской премии в Швеции – учёным, чьи работы вызывают смех, хотя нередко потом заставляют задуматься). Водный путь, известный россиянам под названием «Персидский залив», в связи с возникновением в 1960-х гг. арабского национализма и панарабизма стал с того десятилетия именоваться в арабских странах с помощью топонима «Арабский залив» (по-арабски: *الخليج العربي*, в англоязычной версии: *the Arabian Gulf / the Arab Gulf*, иногда сокращённо *the Gulf*). При этом известно, что до 1960-х гг. в арабских странах, как и в принципе на международном уровне, использовался термин «Персидский залив» / “the Persian Gulf”. Названия часто несут в себе политические смыслы. После 1991 г., например, в официальном дискурсе внешнеполитических ведомств понятие «Восточная Европа» (“Eastern Europe” / “East Europe”), под которым до распада соцблока подразуме-

¹ См.: Арих Л. Из Москвы в Стамбул – на автомобиле // Мир новостей. 2023. № 11 (1524). С. 22.

² См.: Голосуйте за лучшее название Face Pay на русском языке! [Электронный ресурс] // Московский транспорт: [сайт]. URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/112945 (дата обращения: 26.08.2024).

вались европейские страны в его составе, было заменено на «Центральная Европа» (“Central Europe”), а с помощью термина «Восточная Европа» стали указывать бывшие советские республики в Прибалтике, Украину и Белоруссию¹. Как рассказали в эфире телеканала «Россия 24» в передаче «Международное обозрение» 8 сентября 2023 г., сокращения *G7* и *G20* должны расшифровываться как “The Group of Seven” и “The Group of Twenty” (= «Группа семи» и «Группа двадцати»), но в России в результате некорректной трактовки этих аббревиатур в начале 1990-х гг. как “Great Seven” и “Great Twenty” появились термины «Большая семёрка» и «Большая двадцатка»². Политический контекст в странах ЕС имела и интерпретация терминов *import / export*, написанная в немецкой версии как *einführen* и *ausführen* (что означает не только «импортировать» и «экспортировать», но и «ввозить» и «вывозить»), получившая распространение в связи с конфискацией десятка автомобилей с российскими номерами на немецкой таможне в июле 2023 г. вплоть до сентябрьской интерпретации Еврокомиссией своего санкционного законодательства (разъяснения Еврокомиссии (FAQ – ответы на вопросы), опубликованные 8 сентября 2023 г.). Было объявлено, что немецкий прецедент стал возможен только из-за данного специфического прочтения таможеней Германии санкционных правил, введённых ещё в 2014 г. (Приложение XXI к Регламенту 833/2014)³. Имя собственное *John* ча-

сто переводят на русский язык именем *Иван / Иоанн*: например, король *John the Lackland* известен россиянам как *Иоанн Безземельный*, “Most Venerable Order of the Hospital of St. John of Jerusalem” – как «Достопочтенный Орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского»⁴, а его подразделение международная организация “St. John Ambulance” – как «Скорая помощь Святого Иоанна». Уточним при этом, что в современной практике иностранные имена и фамилии принято при переводе транскрибировать и лишь в единичных случаях транслитерировать: «Экс-президент США Дональд Трамп тоже назвал позором для страны обмен россиянина Виктора Бута на американскую баскетболистку Бритни Грайнер»⁵; «отец молекулярной биологии Лайнус Полинг»; «по совету биохимика Ирвинга Стоуна»⁶; «в беседе с телеведущим NBC Брайаном Уильямсом»; «против основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа»⁷; «в 1986 г. американский репортер U.S. News & World Report Николас Данилофф был арестован КГБ и обвинён в шпионаже»; «Как утверждал Шарль де Голль ...»; «директор ЦРУ Джина Хаспел»⁸; «The Defender приводит мнение педиатра Мишель Перро ...»; «Доктор Дэн Бреннан на

авто состава преступления, который регулируется статьёй 3i Регламента “Ввоз и вывоз товаров, которые приносят России существенную прибыль”. Но эти решения ещё не утвердила прокуратура» (См.: Сердюков Н. На границе тачки ходят хмуро. Новое прочтение старых санкций немецкими таможенниками наделало много шума // Аргументы недели. 2023. № 37 (883). С. 13).

¹ См.: Рязанов С. Ключ к гегемонии // Аргументы недели. 2023. № 5 (851). С. 3.

² См.: «Двадцатка», Бхарат, Эрдоган и 75-летие КНДР. Эфир передачи «Международное обозрение» от 8.09.2023 // Международное обозрение: канал на RUTUBE. URL: <https://rutube.ru/video/69569aас6есf277df6еассbfdb7с8122> (дата обращения: 20.07.2024).

³ «И тогда же в июле одному пострадавшему через прокуратуру и суд удалось вернуть изъятое авто, а несколько разбирательств ещё идут. Например, судья города Любек, рассматривающий несколько таких дел, признал аресты автомобилей незаконными, так как не видит в частной поездке на

⁴ См.: Садовников А. Deep State – матрица власти, претендующая на мировое господство // Аргументы недели. 2022. № 4 (799). С. 8–9.

⁵ См.: Кондрашов А. Победа ФСБ на невидимом фронте: Виктор Бут дома // Аргументы недели. 2022. № 49 (844). С. 20.

⁶ См.: Поплавская О. Развенчан миф о «витаминах бессмертия» // Мир новостей. 2023. № 5 (1518). С. 20.

⁷ См.: Кондрашов А. Джек Тейшейра – новый Сноуден или «сливной бачок» ЦРУ? // Аргументы недели. 2023. № 16 (862). С. 20.

⁸ См.: Кондрашов А. Под журналистской «крышей» // Аргументы недели. 2023. № 13 (859). С. 20.

медицинском сайте Nourish пишет ...»¹; «Сразу после разрушительных подземных толчков в Турции местная газета Sozcu распространила выступление Сердара Хусейна Йылдырыма, в котором глава Турецкого космического агентства рассказал ...»². При этом при переводе имён собственных на русский язык нередко фиксируется движение от транслитерации к транскрипции: во времена Ломоносова фамилию *Newton* было принято писать *Невтон*, с середины XX в. стало нормой говорить «бином Ньютона» с ударением на предпоследнем слоге, а в наши дни все произносят фамилию выдающегося физика с ударением на первом слоге. В конце XX в. среди любимых книг подростков можно было назвать «Айвенго», хотя ещё несколько десятилетий назад это произведение было известно русскоязычной аудитории под названием «Иванхое».

С другой стороны, в переводческой практике всегда считалось общепринятым стандартом в русскоязычных текстах названия газет, журналов и иных средств массовой информации, как и иноязычных аббревиатур, оставлять на языке оригинала или транслитерировать, а названия коммерческих проектов, торговых марок, фирм, соцсетей и иных цифровых ресурсов – также оставлять на языке оригинала, транслитерировать или транскрибировать. В медиадискурсе можно встретить многочисленные примеры типа «по данным *The Economist* ...»³; «по словам американского издания *Politico* ...»⁴; «*Daily Mail*

пишет ...»⁵; «агентство Bloomberg считает ...»⁶; «... об этом пишет научный журнал *Environmental Health Perspectives*»⁷; «*Boston Herald* пишет ...»⁸; «Карловы Вары. Как сообщает онлайн-издание *Aktuálně* ...»⁹; «В Польше якобы раскрыли “российскую шпионскую сеть” ... утверждает *Gazeta Polska*»¹⁰; «На прошедшей неделе грузинское издание *Netgazeti* отправило запрос ...»¹¹; «о грядущих неприятностях на днях заявила генпродюсер компании *WeiTMedia* (занимается производством программ для нескольких каналов) Юлия Сумачева»¹²; «Историк из Академии ВВС США Брайан Лесли называет операцию *Linebacker* бессмысленным кровопролитием»¹³; «согласно опросу портала *SuperJob* ...»¹⁴; «ранее компания *Precision Neuroscience* успешно использовала своё устройство *Layer 7* для расшифровки нейронных сигналов у животных»¹⁵.

¹ См.: Иванов Н. Детей собираются травить таблетками от ожирения // Мир новостей. 2023. № 5 (1518). С. 4.

² См.: Кондрашов А. Климатические интервенции: новое оружие США // Аргументы недели. 2023. № 11 (857). С. 20.

³ См.: «Таинственные пришельцы» помогают России торговать нефтью // Аргументы недели. 2023. № 4 (850). С. 6.

⁴ См.: Крестьянинов В. Зеленский начал карать украинцев // Аргументы недели. 2023. № 5 (851). С. 2.

⁵ См.: Иванов Н. Николь Кидман призывает питаться насекомыми // Мир новостей. 2023. № 15 (1528). С. 4.

⁶ См.: Иванов Г. Пока Европа декларирует, «Роснефть» делает // Аргументы недели. 2022. № 51 (846). С. 12.

⁷ См.: Белова Н. В эпидемии ожирения обвинили пластификаторы // Мир новостей. 2023. № 5 (1518). С. 19.

⁸ См.: Иванов Н. Кеннеди обещает рассказать правду об убийцах из ЦРУ // Мир новостей. 2023. № 29 (1542). С. 4.

⁹ См.: Сердюков Н. Ботоводы – мошенники. Показательная дискуссия о записи на подачу документов в востребованные визовые центры. Негативный телеграф // Аргументы недели. 2023. № 7 (853). С. 13.

¹⁰ См.: Кондрашов А. Снимите белые перчатки. Когда в наших спецслужбах появятся новые Судоплатовы? // Аргументы недели. 2023. № 29 (875). С. 20.

¹¹ См.: Сердюков Н. Последствия землетрясения в Турции // Аргументы недели. 2023. № 6 (852). С. 13.

¹² См.: Мезина Л. Что грозит нашим телеканалам? // Мир новостей. 2023. № 4 (1517). С. 15.

¹³ См.: Иванов Н. Советские ракеты против Б-52 // Мир новостей. 2023. № 5 (1518). С. 4.

¹⁴ См.: Мезина Л. Рубальская может прожить на 200 тысяч. А остальные? // Мир новостей. 2023. № 13 (1526). С. 15.

¹⁵ См.: Полянская Я. Мозговой имплантат сможет использовать соцсети // Мир новостей. 2023. № 9 (1522). С. 20.

Подобные примеры находим в новостной ленте Яндексa практически ежедневно: «Маск ищет варианты для нового логотипа Twitter» (23 июля 2023 г.); «В складном флагмане Samsung Galaxy Z Fold 5 на чипе Snapdragon 8 Gen 2 улучшили шарнир» (26 июля 2023 г.); «Суд в РФ запретил Engie и MVM судиться с “Газпром экспортом” за рубежом» (19 июня 2024 г.).

Латинизмы также нередко оставляют на языке оригинала без перевода, хотя многим читателям их значение и произносительная норма могут быть неизвестны: «Среди тех, кто с надеждой смотрит на государство, выделяются “пожилые”, “великодержавники”, “хранители status quo”, “аполитичные”...»¹; «Возбудитель менингококковой инфекции *Neisseria meningitidis* не отличается стойкостью...»².

Встречается также параллельное употребление автором иноязычных терминов (или их аббревиатур) и их эквивалентов на русском языке: «Заявлена инициатива по формированию новых цивилизаций (The Emerging New Civilisations Initiative – ENCI), так как нынешняя экономическая система заточена на безудержное потребление»³; «спецподразделение ЦРУ и АНБ называется Особая служба сбора (Special Collection Service – SCS). Она отслеживает все популярные сети во Всемирной паутине, накапливает материал для вербовки»⁴; «Как пишет консервативное заокеанское издание *American Thinker* (“Американский мыслитель”), “антироссийские санкции разбудили Россию – спящего

гиганта...”»⁵; «Йылдырым коротко изложил суть американского проекта по созданию так называемых “Стрел Бога” – в дословном переводе “Стержней, ниспосланных Богом” (Rods from God) ...»⁶; «Вопервых, я один из старейших эмси (англ. MC, master of ceremony – “мастер церемонии”, обозначение исполнителя в рэп-культуре)»⁷; «Это международная практика спецслужб той или иной страны по созданию особой категории шпионов по прозвищу *illegals* (“нелегалы”). *Illegals* вербуются и обучаются службами зарубежной страны с целью их размещения в конкретных странах для шпионских действий в пользу этой страны ...»⁸; «Поэтому выражение “дело дошло до триариев” (*лат. res ad triarios rediit*) обычно означало критический момент в ходе битвы»⁹; «все уже давно привыкли к двойным стандартам США, которые исповедуют древний принцип *Quod licet Iovi, non licet bovi* (“Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку”)»¹⁰.

В некоторых случаях употребление названий коммерческих программ, фирм, иноязычных крылатых выражений или песен на языке оригинала без перевода на русский язык, на наш взгляд, может быть не совсем корректно по отношению к не владеющей иностранными языками аудитории, например, название песни на английском языке может быть просто не понято не имеющими хорошей

¹ См.: Терентьев Д. Отбились от коллектива. Как меняется наш менталитет и какие черты с нами надолго // Аргументы недели. 2022. № 36 (831). С. 8–9.

² См.: Днепров О. Можно ли заразиться менингитом через посылки? // Мир новостей. 2023. № 29 (1542). С. 22.

³ См.: Садовников А. Рецепт будущего по римскому клубу: экологический фашизм // Аргументы недели. 2023. № 15 (861). С. 10.

⁴ См.: Кондрашов А. Как иностранные спецслужбы вербуют по интернету // Аргументы недели. 2023. № 21 (867). С. 20.

⁵ См.: Крестьянинов В. Вашингтон наконец-то разбудил Москву // Аргументы недели. 2023. № 15 (861). С. 2.

⁶ См.: Кондрашов А. Климатические интервенции: новое оружие США // Аргументы недели. 2023. № 11 (857). С. 20.

⁷ См.: Рязанов С. Пенсионер рэпа требует льгот // Аргументы недели. 2023. № 11 (857). С. 3.

⁸ См.: Кондрашов А. Для «крота» пожизненное заключение // Аргументы недели. 2023. № 17 (863). С. 20.

⁹ См.: Крестьянинов В. Дело дошло до триариев, но и они не помогут Зеленскому // Аргументы недели. 2023. № 24 (870). С. 2.

¹⁰ См.: Крестьянинов В. Призрак китайского оружия прибыл в США // Аргументы недели. 2023. № 10 (856). С. 2.

лингвистической подготовки читателя-ми: «Пока народ травится поддельной водкой, эти воротилы выписывают на вечеринки звёздного певца Стинга, да еще и платят ему за исполнение на бис Shape of my Heart миллион баксов сверх гонорара»¹; «Дуэт Стаса Намина и ... Романа Мирошниченко с инструментальным ремейком мелодии Намина "Fusion Raga", посвящённой Джорджу Харрисону, завоевал серебряную медаль в двух номинациях конкурса Global Music Awards 2023»²; «электронную декларацию о состоянии здоровья SG Arrival Card всё равно необходимо заполнять ...»³; «Однажды он собрал полный 20-тысячный Madison Square Garden ...»⁴. Знакомые и привычные для многих иноязычные крылатые выражения или надписи также могут быть не всем понятны при зрительном восприятии текста в прессе: «во всём мире именно налогами немного выравнивается социальное неравенство. Бедные их практически не платят, богатые платят много. "C'est la vie", – говорят учёные французы. Мы же только констатируем: "Таковой она должна быть"»⁵; «Мои глаза опять уткнулись в надпись: Made in China»⁶ (см. подобные примеры в: [3; 4]).

Таким образом, употребление на языке оригинала названий фирм, коммерческих проектов и торговых марок, газет, журналов, соцсетей, информационных агентств и иных средств массовой информации предполагает не только понимание среднестатистическим пред-

ставителем русскоязычной аудитории семантической конфигурации рассматриваемых языковых единиц, но и знакомство с произносительной нормой всех этих названий на других языках, что в рамках современного образовательного пространства выглядит маловероятным. Несмотря на указанные сложности, общепринятым переводческим стандартом считается именно такой вариант.

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма представляет собой трёхступенчатую матрицу, предполагающую несколько стадий осуществления контекстного перевода:

- предварительный трансдисциплинарный анализ (лингвистический и экстралингвистический анализ для уточнения текстовых, затекстовых и подтекстовых смыслов оригинала, особенностей жанра, мировоззрения автора и т. п.);

- формулирование возможных переводческих решений;

- выбор переводческого решения (создание дискурсивно эквивалентного и адекватного в рамках культуры языка-реципиента переводного текста).

Рассмотрим три стадии достижения корректного контекстного перевода в рамках вышеуказанной герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы на примере фразы с названием законодательного акта "Act of Settlement": "Hence the attacks of the manufacturers on the Act of Settlement which hampered the physical mobility of labor".

Семантическая конфигурация названия "Act of Settlement" отсылает нас на этапе предварительного трансдисциплинарного анализа к статутам англосаксонской системы права. На стадии формулирования возможных переводческих решений мы уточняем, что "Act of Settlement" (букв. «Акт об урегулировании» чего-л.), принятый парламентом Британии в 1701 г. и окончательно уста-

¹ См.: Угланов А. Березовский: 10 лет после обнуления // Аргументы недели. 2023. № 12 (858). С. 1, 7.

² См.: Никитин С. Исповедь ангела // Аргументы недели. 2023. № 18 (864). С. 11.

³ См.: Сердюков Н. Последствия землетрясения в Турции. Негативный телеграф // Аргументы недели. 2023. № 6 (852). С. 13.

⁴ См.: Терентьев Д. Погружение в самовывоз. Как мода на саморазвитие влияет на государство и общество // Аргументы недели. 2023. № 31 (877). С. 8–9.

⁵ См.: Чуйков А. Не прячьте Ваши денежки // Аргументы недели. 2023. № 29 (875). С. 10.

⁶ См.: Рязанов С. Пенсионер рэпа требует льгот // Аргументы недели. 2023. № 11 (857). С. 3.

новивший верховенство власти Палаты Общин, известен в России как «Акт о престолонаследии», законодательный же акт Британии с таким же названием, принятый в 1662 г. и ограничивший свободу передвижения работников, переводят на русский язык как «Акт об оседлости». На этапе выбора переводческого решения мы понимаем, что в данном контекстном окружении название указанного статута целесообразно перевести как «Акт об оседлости»: «Вот и причина резких нападков фабрикантов на “Акт об оседлости”, ограничивший мобильность работников».

Названия законодательных актов нередко требуют внимательного изучения их содержания для обеспечения корректности переводческого решения. “The Settled Land Act 1925”, к примеру, принято переводить как «Закон о закреплённых землях» (не «Закон о земле для заселения»), т. к. данный акт устанавливал систему земельной регистрации собственников земли и зданий на этой земле, существенно упростившую всю систему регистрации перехода вещных прав на недвижимость, в том числе во внутрисемейных переходах прав. В русскоязычных источниках находим две версии названия принятого парламентом Соединённого Королевства закона “the Trusts of Land and Appointment of Trustees Act 1996” (изменившего правовую базу в отношении трастов на землю в Англии, Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии): «Закон о земельных трастах и назначении попечителей 1996 года» и «Закон о доверительном управлении землёй и назначении попечителей 1996 года». Название закона “The Military Commissions Act 2006” (принятого Конгрессом США с целью запретить лицам, квалифицированным как «вражеские комбатанты-иностранцы», использовать своё право на подачу исков в федеральные суды об оспаривании их задержания в соответствии с *Habeas Corpus Act*, а также чтобы таким образом санкционировать вынесение приговора

военной комиссией вместо рассмотрения дела в рамках стандартного судебного процесса) в литературе переводят и как «Закон о военных трибуналах», и как «Закон о военных комиссиях».

Рассмотрим вышеуказанные этапы герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы при переводе фраз со словом “submission”:

– *The present submission is a summarized version of a longer report.*

– *The Committee may formally request the State party to provide it with information addressing issues raised in the submissions of non-governmental organizations and to submit its overdue report without further delay.*

– *Successful drilling proposals usually take four years from initial submission.*

– *Orangutans seem to have little of what could be called dominance and submission relations.*

На этапе предварительного трансдисциплинарного анализа значение слова “submission” выглядит как один из возможных вариантов перевода в рамках массово-информационного, юридического и научного дискурсов: «предоставление, представление, передача на рассмотрение, подача» (документа) / «документ, материалы, доклад, аргумент, довод, утверждение, заявление, подаваемое объяснение, сообщение» (*nam.* «заявление о выдаче патента») / «покорность, повиновение, подчинение». При этом первую, вторую и третью фразы можно отнести к юридическому дискурсу, а четвёртую – к научному (во всех случаях возможен вариант и медиадискурса). Какую же семантическую конфигурацию рассматриваемая лексическая единица приобретает в каждом конкретном контекстном окружении? На этапе формулирования возможных переводческих решений приходим к выводу, что слово “submission” в юридическом дискурсе можно трактовать как «документ, доклад, материалы» или как «подача, представление» документа (первая, вторая, третья фразы), а в научном дискурсе (четвёртая

фраза) – как «подчинение, повиновение». Соответственно, на этапе выбора переводческого решения видим, что рассматриваемую лексическую единицу в данных предложениях можно передать на русском языке следующим образом:

– *Настоящий документ представляет собой сокращённый вариант более полного доклада.*

– *Комитет может в официальном порядке просить страну-участницу представить Комитету информацию, затрагивающую поднятые в материалах неправительственных организаций вопросы, и без дальнейших задержек представить свой не подготовленный вовремя доклад.*

– *Успешные предложения по бурению обычно занимают четыре года с момента первоначальной подачи.*

– *Орангутанги, похоже, обладают немалым из того, что можно было бы назвать отношениями доминирования и подчинения.*

Уточним при этом, что описание соответствующих параметров и процедур переводческого процесса может быть разделено на большее количество шагов. При разработке некоторых методологий перевода стадию предварительного

трансдисциплинарного анализа текстового фрагмента делят на несколько этапов (например, в рамках герменевтико-переводческого методологического стандарта Э. Н. Мишкурова, М. Г. Новиковой [17; 18] – на два этапа), что может быть целесообразно в некоторых случаях, в частности, при наличии непереводаемых лексических единиц.

Заключение

Изучение различных моделей перевода, подходов к адаптации исходного текста на языке-реципиенте и теоретических положений переводоведения приводит к пониманию эволюционного перехода в последние десятилетия от лингвоцентристских переводческих теорий к когнитивно-герменевтическим, культурологически ориентированным подходам, что создаёт необходимый фон для дальнейшей разработки проблем сопоставительно-сравнительной типологии и межкультурной коммуникации. Применение различных переводческих стратегий и тактик, в том числе герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы, даёт возможность очертить границы трактовки исходного текста для создания адекватного варианта перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атабекова А. А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. М.: Изд-во РУДН, 2008. 198 с.
2. Гнатюк О. А. Психолингвистические и социолингвистические аспекты интерференции (на материале русско-испанского двуязычия): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2023. 23 с.
3. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста; 3-е изд., расш. и доп. М.: Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2023. 317 с.
4. Лебедева А. А., Новикова М. Г. Особенности реализации социокультурологической и прагматической адаптации при переводе: дискурсивно-коммуникативный подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 84–97. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-84-97.
5. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантность английской юридической лексики как проблема перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–193.
6. Рзаева С. М. Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский (на материале онлайн-газет и социальных сетей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 23 с.
7. Сессорова С. А. Прагматическая адаптация при переводе художественного текста, адресованного читателю-ребёнку: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2024. 23 с.

8. Ущенко О. И. Особенности формирования терминологических подсистем (на материале терминологии кардиохирургии в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.
9. Хухуни И. Г. Формирование новой научно-технической терминосистемы (на материале беспилотных летательных аппаратов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 24 с.
10. Cao D. *Translating Law*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters ltd, 2007. 240 p. (Series: Topics in Translation. Vol. 33).
11. *Translation issues in language and law* / ed. F. Olsen, A. Lorz, D. Stein. New York: Palgrave MacMillan, 2009. 245 p.
12. Šarčević S. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International, 2000. 308 p.
13. Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. 175 с.
14. Марчук Ю. Н. Перевод и преподавание языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6-2. С. 70–73.
15. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта, 2006. 413 с.
16. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2022. 35 с.
17. Мишкуроев Э. Н., Новикова М. Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.
18. Мишкуроев Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость – непереводаемость: былое и думы... = Translatability – untranslatability: yesteryears and thoughts...: монография. М.: Флинта, 2024. 248 с.
19. Новикова М. Г., Лебедева А. А. Герменевтика как смыслопорождающая основа юридического перевода // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2-2. С. 177–181. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.2-2.30.
20. Chesterman A. *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. 227 p.

REFERENCES

1. Atabekova, A. A. (2008). *Foreign-language special concepts in intercultural professionally-oriented communication*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).
2. Gnatyuk, O. A. (2023). *Psycholinguistic and sociolinguistic aspects of interference (based on Russian-Spanish bilingualism)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
3. Lebedeva, A. A. (2023). *Basic principles of professionally-oriented teaching of a foreign language to students of legal specialties: formation of a professional linguacultural model of a lawyer*. Moscow: "Izdatelstvo + dizayn-byuro «red.»" publ. (in Russ.).
4. Lebedeva, A. A. & Novikova, M. G. (2023). Sociocultural and pragmatic adaptation in translation: discourse and communication approach. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 84–97. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-84-97 (in Russ.).
5. Ozyumenko, V. I. & Chilingaryan, K. P. (2015). Polysemy of English legal lexis and the problems of translation. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2, 180–193 (in Russ.).
6. Rzaeva, S. M. (2021). *Features of translating neologisms from English into Russian (based on online newspapers and social networks)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
7. Sessorova, S. A. (2024). *Pragmatic adaptation in the translation of a fiction text addressed to a child* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
8. Ushchenko, O. I. (2021). *Features of the formation of terminological subsystems (based on the terminology of cardiac surgery in English and Russian)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
9. Khukhuni, I. G. (2022). *Formation of a new scientific and technical terminology system (based on unmanned aerial vehicles)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
10. Cao, D. (2007). *Translating Law*. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters ltd.
11. Olsen, F., Lorz, A. & Stein, D., eds. (2009). *Translation issues in language and law*. New York: Palgrave MacMillan.
12. Šarčević, S. (2000). *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International.
13. Marchuk, Yu. N. (2010). *Translation models*. Moscow: Akademiya publ. (in Russ.).
14. Marchuk, Yu. N. (2011). Translation and language teaching. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6-2, 70–73 (in Russ.).

15. Nelyubin, L. L. & Khukhuni, G. T. (2006). *The Science of Translation*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
16. Volkova, T. A. (2022). *Discursive-communicative model as a system of determinants of translation strategy* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
17. Mishkurov, E. N. & Novikova, M. G. (2020). *Theory and methodology of translation in cognitive-hermeneutic coverage*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
18. Mishkurov, E. N. & Novikova, M. G. (2024). *Translatability –untranslatability: yesteryears and thoughts...* Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
19. Novikova, M. G. & Lebedeva, A. A. (2024). Hermeneutics as a legal translation meaning-generating basis. In: *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 2-2*, 177–181. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.2-2.30.
20. Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Анна Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и культуры речи Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

<https://orcid.org/0009-0005-4461-6514>; e-mail: lebsuch@yandex.ru

Новикова Марина Геннадьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;

<https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Lebedeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Linguistics and Speech Culture, All-Russian State University of Justice;

<https://orcid.org/0009-0005-4461-6514>; e-mail: lebsuch@yandex.ru

Marina G. Novikova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;

<https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-37-52

ЭМФАТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. ДЕФО «РОБИНЗОН КРУЗО»)

Малюгина А. В.

*Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Воронеж,
Российская Федерация*

e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024

Принята к публикации 21.11.2024

Аннотация

Цель. Рассмотреть феномен эмфазы, реализуемый дискурсивными маркерами в английском художественном дискурсе XVIII в., на материале романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». Выявить семантические, грамматические и прагматические особенности эмфатических дискурсивных маркеров.

Процедура и методы. Поиск фрагментов романа, содержащих эмфатические дискурсивные маркеры, осуществлён с помощью программы AntConc. Для описания эмфатических дискурсивных маркеров в художественном дискурсе использован контекстный анализ.

Результаты. Доказано функционирование дискурсивных маркеров как одного из способов выражения эмфазы. Рассмотрены семантические особенности эмфатических дискурсивных маркеров. Определена главенствующая роль коннотативных элементов. Предложена типология эмфатических дискурсивных маркеров по коннотативному критерию. Описана корреляция грамматических характеристик эмфатических дискурсивных маркеров с прагматическими функциями.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии роли эмфатических дискурсивных маркеров в создании эмоционально-экспрессивных высказываний, а также возможности объединения эмфатических дискурсивных маркеров, исходя из особенностей их коннотации.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, коннотация, художественный дискурс, эмфатические дискурсивные маркеры, прагматические функции, эмоции, оценка

Для цитирования:

Малюгина А. В. Эмфатические дискурсивные маркеры: семантический, грамматический и прагматический аспекты (на материале романа Д. Дефо «Робинзон Крузо») // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 37–52. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-37-52>

Original research article

EMPHATIC DISCOURSE MARKERS: SEMANTIC, GRAMMATICAL AND PRAGMATIC ASPECTS (BASED ON THE MATERIAL OF D. DEFOE'S NOVEL "ROBINSON CRUSOE")

A. Malyugina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

Received by the editorial office 31.10.2024

Accepted for publication 21.11.2024

Abstract

Aim. To consider the phenomenon of emphasis, verbalized by discourse markers in the English fiction of the XVIII century on the material of D. Defoe's novel "Robinson Crusoe". To identify semantic, grammatical and pragmatic features of emphatic discourse markers.

Methodology. The author uses the AntConc program to search for literary excerpts from the novel containing emphatic discourse markers and contextual analysis to describe emphatic discourse markers in the fictional discourse.

Results. The paper proves the functioning of discourse markers as a way to express emphasis and considers the semantic features of emphatic discourse markers. The author stresses the dominant role of connotative elements and suggests a typology of emphatic discourse markers by the connotative criterion. The paper illustrates the correlation of grammatical characteristics of emphatic discourse markers with their pragmatic functions.

Research implications. The research reveals the role of emphatic discourse markers in the creation of emotional and expressive statements, as well as the possibility of combining emphatic discourse markers on the basis of their connotative peculiarities.

Keywords: discourse markers, connotation, fictional discourse, emphatic discourse markers, pragmatic functions, emotions, assessment

For citation:

Malyugina, A. V. (2025). Emphatic discourse markers: semantic, grammatical and pragmatic aspects (based on the material of D. Defoe's novel "Robinson Crusoe"). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 37–52. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-37-52>

Введение

Согласно представлениям современных лингвистов о сущности языка множество языковых аспектов можно отнести к языковому сознанию или коммуникативному поведению. В первом случае речь идёт о ключевых вопросах когнитивной лингвистики, связанных с изучением роли языка в концептуализации и категоризации мира. Во втором случае имеются в виду условия, в которых осуществляется коммуникативная

деятельность, т. е. коммуникативные ситуации, являющиеся объектом внимания в коммуникативной лингвистике, прагматике и теории дискурса [1, с. 269].

В фокусе внимания лингвистов, занимающихся дискурсивными исследованиями, оказываются различные виды дискурса, которые классифицируют по тематике (образовательный, медицинский и др.), источнику или сфере распространения (молодёжный дискурс, интернет-дискурс и др.), цели (учебный,

исследовательский и др.), стилю (иронический, поэтический и др.), уровню (профессиональный и любительский) [2, с. 87].

Исследование художественных текстов с целью изучения жанровых характеристик дискурса привлекает внимание многих лингвистов. Несмотря на большой спектр работ по данной проблематике, можно утверждать, что они охватывают лишь некоторые аспекты этого явления. Так, в рамках дискурсивного анализа предметом отдельного изучения становились тексты малых форм: поэтический заголовок¹, лимерик², песни³ и др. Большой массив исследований посвящён изучению авторского дискурса отдельных писателей: авторский дискурс Ф. М. Достоевского⁴, художественный дискурс М. М. Пришвина [3], поэтический дискурс М. Цветаевой⁵, монологический и диалогический дискурс в творчестве Л. Н. Толстого [4] и др.

¹ Иванова С. В. Языковые особенности поэтического заголовка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 22 с.

² Павлова Н. В. Межкультурное движение жанра лимерик как текстовая реализация смысла комического: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 17 с.

³ Кучукова Л. П. Грамматическая характеристика народно-песенного лирического дискурса (на материале немецких и русских внеобрядовых голосовых песен): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 20 с.; Плотницкий Ю. Е. Лингвистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 24 с.; Шевченко О. В. Лингвосомиотика молодежного песенного дискурса (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 21 с.; Тепеева Д. Р. Лингвокультурные особенности фольклорного песенного дискурса (религиозные и эмоционально-чувственные концепты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2020. 22 с.

⁴ Габдуллина В. И. Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2008. 43 с.

⁵ Ермакова Л. А. Гендер маркированные языковые средства в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018. 22 с.

Основной функцией литературно-художественного дискурса является эстетическая функция, благодаря которой происходит эмоционально-образное воздействие на читателя [5, с. 30]. В значительной степени авторы художественных произведений создают эмоциональную окрашенность и экспрессивность своих текстов различными эмфатическими средствами [6, с. 129]. Под эмфазой понимают напряжение речи, усиление её эмоциональной выразительности, выделение какого-либо элемента высказывания⁶. По мнению Л. А. Черницкой, эмфаза представляет собой первооснову выразительных средств художественного дискурса [7].

Эмфаза создаётся различными средствами – графическими, просодическими, грамматическими, лексическими, их комбинациями. Наиболее изучены синтаксические средства выражения эмфазы: инверсия, риторический вопрос, параллельные конструкции, контраст и др. [8, с. 77; 9].

Одним из способов создания эмфазы лексическими средствами являются дискурсивные маркеры (*далее ДМ*). ДМ относятся к вспомогательным коммуникативным единицам дискурса. Они не передают фактуальную информацию и не выполняют коммуникативно-информативную функцию, но с их помощью коммуниканты взаимодействуют между собой, выстраивают основную коммуникацию и управляют ею [10, с. 256].

Цель исследования состоит в изучении эмфатических ДМ (*далее ЭДМ*) в английском художественном дискурсе XVIII в. на материале романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», определении их семантических, грамматических и прагматических особенностей.

Актуальность изучения ЭДМ связана с отсутствием исследований данной груп-

⁶ См: Эмфаза. Словарь лингвистических терминов Розенталя [Электронный ресурс] // Gufo: [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal/эмфаза (дата обращения: 20.08.2024).

пы вспомогательных единиц в английском художественном дискурсе. Анализ функционирования ЭДМ в произведениях английской художественной литературы представляется перспективным и актуальным, так как позволяет глубже проникнуть в акт речепроизводства эмоционально окрашенных высказываний.

В рамках поставленной цели приоритетными задачами являются:

- определение основных характеристик ЭДМ;
- попытка осуществления типологизации ЭДМ;
- выявление контекстов романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», в которых функционируют ЭДМ, и осуществление их контекстно-семантического описания;
- выявление свойств контекста, влияющих на функционально прагматическое значение ДМ.

Источником материала для исследования стал известный роман английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо» (D. Defoe “Robinson Crusoe”¹), впервые опубликованный в 1719 г.² Анализ произведения на русском языке осуществлялся по книге, переведённой М. Шишмаревой³.

Примеры употреблений ЭДМ в романе Д. Дефо были собраны с использованием программы *AntConc*⁴. В исследовании также применялись компонентный анализ, анализ речевых актов, метод контекстуального анализа и сопоставительный анализ параллельных художественных текстов.

¹ Defoe D. Robinson Crusoe [Электронный ресурс] // Planet PDF: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3LqgTg> (дата обращения: 10.08.2024).

² См.: Robinson Crusoe [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Britannica: [сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Robinson-Crusoe-novel> (дата обращения: 20.08.2024).

³ Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо (1959) [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LqgWe> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ AntConc [Электронный ресурс] // Laurence Anthony: [сайт]. URL: <https://laurenceanthony.net/software/antconc> (дата обращения: 25.08.2024).

Теоретические основы исследования

Основные характеристики ДМ. Сущность эмфатических ДМ

Анализ ЭДМ в выбранном произведении требует обозначения критериев отбора языковых единиц. Перечислим характеристики, которые мы учитывали при отнесении языковых единиц к классу ДМ:

– ДМ – это единицы функционально-прагматического уровня; вербальные способы выражения вспомогательной функции в коммуникации [11, с. 18; 12, с. 157];

– ДМ являются грамматически и семантически необязательными элементами дискурса, их можно изъять из высказывания, не нарушая смыслового и синтаксического целого [13, S. 51]⁵;

– ДМ отличаются разнородностью единиц и транскатегориальным характером [14, р. 191]⁶;

– в широком понимании к ДМ относятся частицы, междометия, вводные слова и выражения, союзы, а также слова знаменательных частей речи, выполняющие общую функцию регулирования и организации процесса коммуникации [15, с. 14];

– ядро ДМ образуют ДМ с прагматическим значением, представленные вводно-модальными словами [11, с. 18];

– все ДМ по функциональному признаку подразделяются на дискурсивы-организаторы (участвуют в композиционной и логической организации текста) и дискурсивы-регулятивы (отвечают за связь между говорящим и слушающим, выражают субъективные мнения, оценки, отношения) [10, с. 256];

⁵ См. также: Блюднева А. А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский (сопоставление субтитрования и дубляжа художественных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. С. 19. Далее – Блюднева А. А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский.

⁶ См. также: Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2019. С. 14.

– ДМ в большинстве своём односложны; как правило, они стоят в начальной позиции [13, S. 51]¹;

– денотативное значение у большинства ДМ слабое или вообще отсутствует; ДМ не вносят вклад в содержательную часть высказывания, но сигнализируют об особой семантической связи, существующей между двумя сегментами иллокутивного акта (речевого высказывания, содержащего намерение говорящего) [15, с. 10; 16, р. 299];

– ДМ обеспечивают когерентность (целостность) текста;

– значительная доля ДМ выражает отношение говорящего к сообщаемому (субъективная модальность), поэтому часто в роли ДМ выступают вводные слова и конструкции, являющиеся ядерным средством выражения субъективно-модальных значений²;

– ДМ обладают более сильной, чем у других лексических единиц, связью с контекстом [17, с. 8];

– ДМ полифункциональны (один ДМ может иметь несколько разных или сходных прагматических функций в разных контекстах) [11, с. 19];

– ДМ не могут быть ответом на вопрос; с ними нельзя образовать отрицание и использовать в косвенной речи³;

– ДМ, как правило, имеют особый интонационно-просодический контур, а на письме обособляются⁴.

Исходя из функциональных и грамматических свойств ДМ, сформулируем следующее определение понятия «эмфатиче-

ский дискурсивный маркер». ЭДМ – это транскатегориальный класс языковых единиц, которые не передают фактической информации, не входят в синтаксическую структуру предложения и выполняют вспомогательную регулятивную функцию в дискурсе, заключающуюся в создании напряжения речи, достижении экспрессивности, эмоциональной выразительности посредством подчёркивания / усиления важной в смысловом отношении части высказывания.

ЭДМ и коннотативные компоненты лексического значения

Краеугольным камнем нашего исследования является постулат о наличии в структуре языкового знака двух макрокомпонентов – денотативного, называющего понятие, и коннотативного, связанного с условиями и участниками общения⁵.

Поскольку ДМ не имеют денотата в общепринятом смысле, их значения не предметны [15, с. 10], главная роль в семантической структуре ДМ принадлежит коннотации, под которой понимают добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию определённый тон⁶.

И. В. Арнольд выделяет четыре коннотативных компонента лексического значения: эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический⁷.

Лексическая единица обладает эмоциональной составляющей в своём зна-

¹ См. также: Блюднева А. А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский. С. 41.

² См.: Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: формы, семантика, функции: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. С. 9.

³ См.: Хачатурян Е. В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 8.

⁴ Блюднева А. А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский. С. 41.

⁵ См.: Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов; 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 153. Далее – Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык.

⁶ См.: Коннотация [Электронный ресурс] // Gufo: Словарь лингвистических терминов Розенталя: [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal/коннотация (дата обращения: 25.08.2024).

⁷ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. С. 153.

чении, если выражает какую-нибудь эмоцию или чувство. К «чистым» знакам эмоций относятся междометия, модальные фразеологизмы (например: *бьюсь об заклад; ей Богу; клянусь честью; хоть убейте; честное слово; держу пари; видит Бог; Бог свидетель; разрази меня гром; бог знает; бог даст* и др.). В этих единицах присутствуют все характерные черты, отличающие эмоциональную лексику: синтаксическая факультативность, отсутствие синтаксических связей с другими частями предложения; семантическая иррадиация, заключающаяся в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придаёт эмоциональность всему высказыванию¹.

И. В. Арнольд обращает внимание на необходимость различения эмоциональной лексики и слов, называющих эмоции или чувства, например, *fear (страх), delight (восторг)* и др., отмечая, что с лингвистической точки зрения это разные группы. В словах, вербализующих эмоции, эмоциональность полностью зависит от денотативного значения: *страх (смерти), слёзы (радости)* и др. Важным для нашего исследования является то, что накопление подобных слов в тексте или их повторение создаёт определённое настроение².

По наблюдению А. П. Седых, в коммуникативных ситуациях, обладающих высокой степенью эмоциональности, используются языковые единицы со специфической семантикой и структурой [18, с. 113]. Вероятно, ЭДМ характерны для контекстов, обладающих определённым эмоциональным фоном.

По мнению И. В. Арнольд, слово обладает *оценочной составляющей* в своём значении, если оно выражает положительное или отрицательное суждение о том, что оно называет³.

¹ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. С. 154.

² Там же. С. 155.

³ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. С. 156.

Глубокий анализ категории оценки провела Е. А. Иванова. Оценочными ДМ она называет выражения, содержащие оценку темы обсуждения относительно реальности или какой-либо нормы. Ею выделены разные типы оценок: верификативная оценка, связанная с подтверждением достоверности, аффективная оценка, основанная на позитивных или негативных переживаниях, вероятностная оценка и др.⁴.

Достоверность, реальность какого-либо факта или события передают наречия эпистемической модальности, функционирующие в определённых контекстах как дискурсивные маркеры. Они могут выражать когнитивно-концептуальные значения уверенного мнения, основанного на фактах и достоверной информации (*of course, certainly, surely, undoubtedly, несомненно, конечно* и др.), или неуверенного мнения, полагания (*probably, perhaps, maybe, возможно, вероятно, скорее всего* и др.) [19].

Оценочный компонент присутствует в лексических единицах, передающих оценку содержания высказывания / отношения к ситуации (*interestingly, alarmingly* и др.), оценку своей речи (*briefly, in short, in other words, frankly speaking, вообще говоря, словом* и др.), оценку меры (*in a way, more or less, to a degree, в какой-то степени* и др.) и эмоциональную оценку фактов действительности (*sadly, tragically, удивительно* и др.).

Экспрессивный компонент значения слова связан с идеей усиления и подчёркивания. По мнению И. В. Арнольд, экспрессивность передаёт смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление. Приравнивать экспрессивность и эмоциональность неправильно, т. к. наличие эмоциональной коннотации, как правило, влечёт за собой экспрессивность, но экспрессивность совсем необязательно

⁴ Иванова Е. А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 169 с.

зательно сопряжена с эмоциональными реакциями или состояниями. Различают экспрессивность образную (например, основанную на метафорическом переносе) и увеличительную. Увеличительная экспрессивность достигается за счёт использования интенсификаторов¹.

Иногда интенсификаторы служат не столько для выражения высокой степени признака, сколько для выражения субъективных впечатлений и ощущений говорящего, т. е. могут использоваться в качестве ДМ.

Исследователи отмечают сложный характер категории интенсивности, представляющей собой синтез качественности, количественности и меры [20, с. 217]. Следовательно, экспрессивным компонентом значения обладают языковые единицы, выражающие выделение, ограничение, количественную или качественную оценку отдельных фрагментов высказывания: *above all, in fact, particularly, at least, by no means, в особенности, главное, в частности, по крайней мере, самое меньшее* и др.

Смысловое и логическое усиление осуществляется посредством присоединения, заключающегося во введении специальных дополнительных речевых компонентов². Таким образом, экспрессивный компонент значения присутствует в семантике языковых единиц, выражающих присоединение или обособление отдельных частей сообщения: *moreover, in addition, вместе с тем, кстати, кроме того, более того, мало того* и др.

Функцию логических акцентивов выполняют также языковые сигналы очерёдности: *first of all, finally, first, second, initially, во-первых* и др. Такие лексические единицы используются для порядка изложения мыслей.

Акцентивами выступают средства адресации, подчёркивающие важность информации и привлекающие внимание к конкретному аспекту разговора: *As you know, if you remember, imagine* и др.

В слове содержится *стилистический компонент* значения, если оно типично для определённых функциональных стилей и сфер речи, с которыми оно ассоциируется.

Рассмотренные коннотативные компоненты лексического значения могут выступать вместе или в разных комбинациях, смешиваясь в речи³.

Результаты исследования

Эмфатические дискурсивные маркеры в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо»

Отталкиваясь от концепции И. В. Арнольд, отнесём ЭДМ к коннотативным по своей сути и предположим, что их можно типологизировать на тех же основаниях, что и коннотативные компоненты лексического значения слова, т. е. выделим группы ЭДМ, в которые входят ДМ, выражающие эмоциональное освещение событий, ДМ оценки, ДМ-акцентивы / -интенсификаторы (экспрессивные ДМ) и ДМ, сигнализирующие о принадлежности к определённому функциональному стилю.

Обратимся к примерам употребления ЭДМ в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо» для подтверждения выдвинутой гипотезы.

ЭДМ манифестации эмоций

В исследуемом романе выявлены примеры употребления ЭДМ наречного происхождения, указывающих на уверенность в достоверности происходящего / произошедшего при вербализации эмоциональных состояний / реакций героев произведения.

1) *When I came to the place my very blood ran chill in my veins, and my heart sunk within me, at the horror of the spectacle; indeed, it was a dreadful sight*

¹ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. С. 100, 158–160.

² См.: Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1993. С. 10.

³ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. С. 153.

На берегу моим глазам предстала такая страшная картина, что у меня замерло сердце и кровь застыла в жилах. В самом деле, зрелище было ужасное.

ЭДМ “indeed” подтверждает пережитый Робинзоном всепоглощающий страх. Обращает на себя внимание тот факт, что ЭДМ не является единственным средством, передающим эмоциональное состояние героя. В анализируемом фрагменте автор разнообразными лексическими способами описывает проявление эмоции страха.

2) *And now being about to enter into a melancholy relation of a scene of silent life, such, perhaps, as was never heard of in the world before, I shall take it from its beginning, and continue it in its order.*

И теперь, приступая к печальному повествованию об отшельнической жизни, быть может, самой удивительной из когда-либо описанных, я начну с самого начала и буду рассказывать по порядку.

В примере выше ЭДМ “perhaps”, относящийся к классу эпистемических наречий, вербализует эмоциональное предположение Робинзона о том, что он прошёл самые невероятные жизненные испытания. В этом фрагменте романа, кроме ЭДМ, также используются другие лексические средства для создания эмоциональной окраски речи героя. По-видимому, можно заключить, что для контекстов, содержащих ЭДМ манифестации эмоций, характерны серии приёмов, создающих эмоциональную окрашенность высказывания. Приведём ещё один пример:

3) *I know not what to call this, nor will I urge that it is a secret overruling decree, that hurries us on to be the instruments of our own destruction, even though it be before us, and that we rush upon it with our eyes open. Certainly, nothing but some such decreed unavoidable misery, which it was impossible for me to escape, could have pushed me forward against the calm reasonings.*

Не знаю, как это назвать, и не стану настаивать, но какое-то тайное веление всемогущего рока побуждает нас быть

орудием собственной своей гибели, даже когда мы видим ее перед собой, и бросаться ей навстречу с открытыми глазами, но несомненно, что только моя злая судьба, которой я был не в силах избежать, заставила меня пойти наперекор трезвым доводам...

Эмоциональную убежденность Робинзона в существовании рокового предназначения подчёркивает ЭДМ “certainly”.

Анализ романа показал, что в манифестации эмоциональных состояний героев участвуют ЭДМ, представляющие собой перформативные высказывания (эквивалентные поступку / действию):

1) *I was dreadfully frightened, I must acknowledge, when I perceived him run my way; and especially when, as I thought, I saw him pursued by the whole body ...*

Сознаю, я страшно перепугался, когда увидел, что он бежит ко мне, тем более что мне показалось, будто вся ватага бросилась его догонять.

2) *... I say, nothing but a revelation from Heaven can form these in the soul; and that, therefore, the gospel of our Lord and Saviour Jesus Christ, I mean the Word of God, and the Spirit of God, promised for the guide and sanctifier of His people, are the absolutely necessary instructors of the souls ...*

Ничто, кроме откровения, говорю я, не может запечатлеть всего этого в нашей душе, и потому Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, то есть слово Божие и Дух Святой, предвозвещенные народу для поучения, – это важнейшие наставники душ ... ЭДМ “I say” объективирует глубокую убежденность в истинности учения Христа.

Чувства и эмоции говорящего в связи с сообщаемым, эмоциональную оценку происходящего передают вводные конструкции, функционирующие в роли ЭДМ, в следующих примерах:

1) *It happened, very much to our advantage, that at the entrance into the wood, but a little way from it, there lay some large timber-trees, which had been cut down the summer before ...*

На счастье наше, у опушки леса, немало в стороне от дороги, лежало несколько огромных деревьев, сваленных прошлым летом ...

2) I found, to my unspeakable consolation, a mere natural cave in the earth ...

... в новое помещение, которое я, к несказанной моей радости, нашел в лесу ...

Выявлены фрагменты романа, в которых ЭДМ выделяют важные в смысловом отношении части высказывания, ставя эмоциональный акцент на последующем отрезке. Так, в примере ниже кульминационный момент эмоциональной благодарности Робинзона Всевышнему за защиту и веру создан Д. Дефо за счёт использования ЭДМ "above all":

I looked up with the utmost affection of my soul, and, with a flood of tears in my eyes, gave God thanks, that had cast my first lot in a part of the world where I was distinguished from such dreadful creatures as these; and that, though I had esteemed my present condition very miserable, had yet given me so many comforts in it that I had still more to give thanks for than to complain of: and this, above all, that I had, even in this miserable condition, been comforted with the knowledge of Himself, and the hope of His blessing ...

В глубоком умилении поднял я глаза к небу и, обливаясь слезами, возблагодарил Создателя за то, что он судил мне родиться в иной части света, где нет таких зверей в человеческом образе. Благодарил я его и за то, что он послал мне в моей горькой доле столько утех, с избытком искушавших ее, а главное, за то, что мне дано было познать всю его неизреченную благодать и обрести утешение в надежде на его всепрощение ...

В романе выявлены случаи использования междометий в роли ЭДМ, выражающих эмоции:

1) ... and I resolved not to think of going abroad any more, but to settle at home according to my father's desire. But alas! a few days wore it all off ...

... и твердо решил не думать более об отъезде в чужие края, а остаться на ро-

дине, как того желал мой отец. Но увь! Через несколько дней от моей решимости не осталось и следа ...

В представленном примере междометный ЭДМ "alas" сигнализирует о сожалении относительно принятого решения отправиться в путешествие.

2) 'Oh, joy!' says he; 'Oh, glad! there see my country, there my nation!' I observed an extraordinary sense of pleasure appeared in his face, and his eyes sparkled, and his countenance discovered a strange eagerness ...

– О, радость! О, счастье! – воскликнул он. – Вон там, смотри, отсюда видно ... моя земля, мой народ! Все лицо его преобразилось от радости: глаза блеснули, он весь был охвачен неудержимым порывом ... ЭДМ "Oh" передаёт восторг Пятницы от близости к родине, к землякам.

Нами выявлены случаи использования модальных фразеологизмов в роли ЭДМ с целью объективации чувств и эмоциональных переживаний / реакций героев произведения:

1) ... if you will give me letters, and a procuration in form to me, with orders to the person who has your money in London to send your effects to Lisbon, to such persons as I shall direct, and in such goods as are proper for this country, I will bring you the produce of them, God willing, at my return ...

Напишите, чтобы для вас там закупили товаров, таких, какие находят сбыт в здешних краях, и переслали бы их в Лиссабон, по адресу, который я вам укажу; а я, если Бог даст, вернусь и доставлю вам их в целости.

ЭДМ "God willing" вербализует смиренную надежду говорящего на благополучный исход событий.

2) Upon this Will Atkins cried out, 'For God's sake, captain, give me quarter; what have I done?'

– Капитан, ради Бога, смилуйтесь надо мной! – взмолился Уил Аткинс. – Чем я хуже других? ЭДМ "For God's sake" выражает усиленную, эмоционально окрашенную просьбу.

Обобщим результаты наблюдений над ЭДМ манифестации эмоции в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо» на рис. 1.

ЭДМ оценки

ЭДМ эмоциональной оценки уже были описаны нами в рамках анализа ЭДМ манифестации эмоции, поэтому остановимся на фрагментах романа, содержащих оценочные ЭДМ других типов.

Контекстными иллюстрациями ЭДМ, выражающих оценку достоверности какого-либо факта / события / ситуации, являются следующие фрагменты произведения:

1) *They conveyed them to the cave as to a prison: and it was, **indeed**, a dismal place ...*

*Они отвели этих троих пленных в мою пещеру, как в тюрьму, да она **и в самом деле** имела довольно мрачный вид ...* ЭДМ “indeed” использован Д. Дефо для выражения эмфатической оценки Робинзоном его унылого жилища.

2) *In this condition, like true seamen, who are, **perhaps**, the least of all mankind given to forethought, they gave it over, and away they strolled about the country again ...*

*Тогда они, как истые моряки, – а моряки, **как известно**, самый легкомысленный народ в мире, – бросили лодку и снова разбрелись по острову.* ЭДМ “perhaps” участвует в оценочной характеристике моряков, подтверждая распространённое мнение об их несерьёзности.

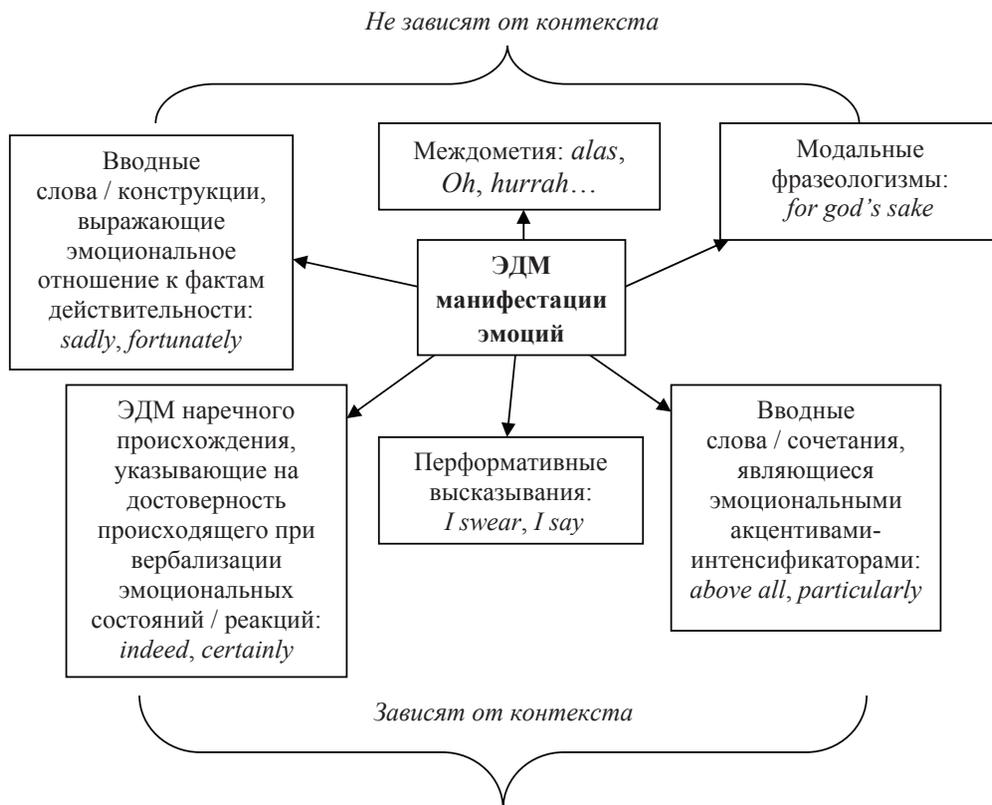

Рис. 1 / Fig. 1. Типы эмфатических дискурсивных маркеров с коннотативным эмоциональным компонентом / Types of emphatic discourse markers with connotative emotional element

Источник: составлено автором.

В романе выявлены примеры ЭДМ, использованных для оценки своей речи героями произведения:

1) ***In a word**, the nature and experience of things dictated to me, upon just reflection, that all the good things of this world are no farther good to us than they are for our use ...*

Одним словом, природа, опыт и размышление научили меня понимать, что мирские блага ценны для нас лишь в той степени, в какой они способны удовлетворить наши потребности ...

2) *... **in short**, I took one hundred of the moidores, and called for a pen and ink to give him a receipt for them ...*

Короче говоря, я взял его сто мойдоров и, спросив перо и чернила, написал ему расписку в получении их ...

Оценку меры / степени передаёт ЭДМ “at least” в примере ниже:

*Here I found a clear piece of land, near three acres, so surrounded with woods that it was almost an enclosure by nature; **at least**, it did not want near so much labour to make ...*

... лес обступал ее со всех сторон почти сплошной стеной, образуя как бы естественную ограду; **во всяком случае**, устройство ограды потребовало от меня гораздо меньше труда ... С помощью ЭДМ “at least” Робинзон оценивает объём усилий, который ему пришлось приложить для возведения ограды.

Представим результаты наблюдений над ЭДМ оценки на следующей схеме (см. рис. 2).

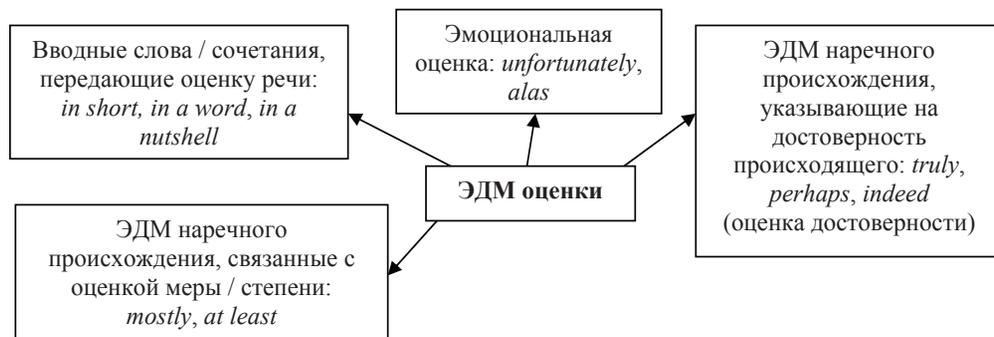

Рис. 2 / Fig. 2. Типы эмфатических маркеров оценки / Types of assessment discourse markers

Источник: составлено автором.

глаза. **Главное**, я остерегался стрелять, чтобы не привлечь внимания дикарей ...

К примерам употребления ЭДМ, осуществляющих смысловое усиление, можно отнести следующие фрагменты романа, содержащие элементы присоединения:

1) ... I was obliged to creep upon all-fours as I have said, almost ten yards - which, **by the way**, I thought was a venture bold enough ...

... я вынужден был стать на четвереньки и ползти в таком положении десять ярдов, что было, **к слову сказать**, довольно смелым подвигом с моей стороны ... Исползованный ЭДМ подчёркивает значимость проделанного передвижения в непростых условиях для Робинзона.

2) ... my thoughts being directed, by a constant reading the Scripture and praying to God, to things of a higher nature, I had a great deal of comfort within, which till now I knew nothing of; **also**, my health and strength returned, I bestirred myself to furnish myself with everything that I wanted ...

Постоянное чтение Библии и молитва направляли мои мысли к вопросам возвышенным, и я познал много душевных радостей, которые до того были совершенно чужды мне. **Кроме того**, как только ко мне вернулись здоровье и силы, я стал энергично работать ... ЭДМ "also" усиливает произошедшие в жизни Робинзона позитивные изменения, затронувшие не только душевное состояние, но и самочувствие.

Выявлены случаи наличия экспрессивного компонента значения у ЭДМ, подчёркивающих противопоставление тому, о чём говорилось ранее:

... and the sea calmer, and I began to be a little inured to it; **however**, I was very grave for all that day ...

... я начал понемногу осваиваться с морем. **Как бы то ни было**, весь этот день я был настроен очень серьезно ...

ЭДМ "however" усиливает противопоставление улучшающегося физического состояния Робинзона, начинающего справляться с морской болезнью, тревожному психологическому настрою.

Во фрагменте романа ниже функцию логических акцентивов выполняют ЭДМ "first of all" и "secondly", являющиеся также языковыми сигналами очерёдности:

First of all, the whole country was my own property, so that I had an undoubted right of dominion. **Secondly**, my people were perfectly subjected - I was absolutely lord and lawgiver ...

Во-первых, весь остров был неотъемлемою моею собственностью, и, таким образом, мне принадлежало несомненное право господина. **Во-вторых**, мой народ был весь в моей власти: я был неограниченным владыкой и законодателем. Робинзон посредством ЭДМ подчёркивает, что ему принадлежали не только земля, но и население острова.

Суммируем наблюдения над эмфатическими маркерами-акцентивами / -интенсификаторами на схеме (см. рис. 3).

Анализ романа не выявил ЭДМ, маркирующих стилевую принадлежность к какому-то функциональному стилю.

Заключение

Обобщая наблюдения над ЭДМ в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо», отметим следующее:

1. В структуре лексического значения ЭДМ присутствуют 4 коннотативных компонента: эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический.

2. Между коннотативными компонентами значений ЭДМ нет чётких границ.

3. Прагматический потенциал ЭДМ связан с совокупностью реализуемых ими функций в дискурсе, которые сводятся к выражению эмоционального состояния / реакции говорящего, оценочному комментарию, выделительному акценту, маркированности стилевой принадлежности.

4. Использование ЭДМ, содержащих эмоциональный компонент, всегда сопровождается оценочно-экспрессивными элементами, однако ЭДМ с оценочно-экспрессивными значениями могут функционировать отдельно от эмоци-

Рис. 3 / Fig. 3. Типы эмфатических маркеров-акцентивов / -интенсификаторов /
Types of accentuating / intensifying discourse markers

Источник: составлено автором.

онального компонента (эмоции всегда влекут оценку и экспрессию, но оценка и интенсификация чего-л. могут быть не связаны с эмоциями).

5. В классе ЭДМ есть единицы, чей эмоциональный компонент значения не зависит от контекста: междометия, модальные фразеологизмы в любом контексте являются маркерами манифестации эмоций.

6. ЭДМ наречного происхождения, указывающие на достоверность происходящего, перформативные высказывания, вводные слова / сочетания, являющиеся акцентивами, могут приобретать эмоциональный компонент в эмоционально окрашенных контекстах. Во всех выявленных фрагментах романа, содержащих ЭДМ с эмоциональным компонентом значения, обнаружены сопутствующие способы выражения эмфазы: инверсия, повторы и пр.

7. Несмотря на то, что ДМ, и ЭДМ в частности, более характерны для диалогической речи, в романе «Робинзон Крузо», значительная часть которого представляет собой монологическую

форму речи, ЭДМ присутствуют в достаточно большом количестве (выявлено более 400 случаев употребления ЭДМ). Таким образом, обращение к ЭДМ зависит не столько от разновидностей речи (монологическая / диалогическая, устная / письменная), сколько от коннотативных особенностей языковых элементов речи. Эмоциональный монолог может включать больше ЭДМ, чем нейтральный, сдержанный диалог.

8. Типология ЭДМ по коннотативному критерию даёт возможность сформировать корпус ЭДМ в английском и русском языках.

К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет остановиться на всех аспектах использования ЭДМ в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо». Закономерности позиционного поведения ЭДМ, изучение вариантов перевода ЭДМ на русский язык и другие вопросы могут стать предметом отдельного внимания в дальнейших исследованиях на материале этого романа и других произведений английского художественного дискурса XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
2. Чернобров А. А. Типы и жанры дискурса в лингвистике и философии языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10. № 2. С. 87–92.
3. Лишова Н. И. Феномен странствия в творчестве М. М. Пришвина. М.: ФЛИНТА, 2019. 152 с.
4. Коваленко А. Г., Лумпова Л. Н. Монологический и диалогический дискурс как две типологических разновидности текста, реализуемые в творчестве Толстого («Война и мир», «Анна Каренина») // STUDIA CULTURAE. 2023. № 57. С. 26–48. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-57-26-48.
5. Сапиева С. К., Малова Н. Е., Шхумишхова А. Р. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 27–36. DOI: 10.15593/2224-9389/2021.4.3.
6. Зинатуллин В. Ш., Чибисова Е. Ю. Эмфаза в англоязычной научной литературе: способы выражения и принципы перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 129–133.
7. Черницкая Л. А. Сопоставительный анализ функциональности выразительных средств в системных структурах коммуникативного и художественного дискурсов // Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2019. № 2 (59). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6918> (дата обращения: 28.08.2024).
8. Гуриенко М. А. Синтаксические эмфатические конструкции в преподавании иностранных языков // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2020. № 2 (70). С. 76–80. DOI: 10.24143/1812-9498-2020-2-76-80.
9. Канафьева А. В. Риторическое высказывание в синтаксическом строе современного русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2021. 170 с.
10. Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>.
11. Викторова Е. Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 18–22.
12. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157–163. DOI: 10.17223/18137083/55/17.
13. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und geschriebenen Deutsch // Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen / hgs. H. Blühdorn, A. Deppermann, H. Helmer, T. Spranz-Fogasy. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2017. S. 49–72.
14. Maschler Y., Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context // The Handbook of Discourse Analysis / ed. D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. Vol. 1. Malden MA: Wiley Blackwell, 2015. P. 189–221. DOI: 10.1002/9781118584194.ch9.
15. Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: Единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 1. С. 10–15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15.
16. Fraser B. An account of discourse markers // International Review of Pragmatics. 2009. Vol. 1. Iss. 2. P. 293–320. DOI: 10.1163/187730909X12538045489818.
17. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.
18. Седых А. П. Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6 (125). С. 108–115.
19. Павленко В. Г. Когнитивные особенности эпистемических наречий в английском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. URL: <https://e-koncept.ru/2016/96237.htm?ysclid=m2ar25hu7o439508206> (дата обращения: 28.08.2024).

20. Сандакова М. В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2009). *Language keys*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
2. Chernobrov, A. A. (2012). Types of discourse in linguistics and philosophy of education. In: *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 10 (2), 87–92 (in Russ.).
3. Lishova, N. I. (2019). *The Phenomenon of Wandering in the Works of M. M. Prishvin*. Moscow: FLINTA publ. (in Russ.).
4. Kovalenko, A. G. & Lumpova, L. N. (2023). Monological and dialogic discourse as two typological types of text realized in Tolstoy's works ("War and Peace", "Anna Karenina"). In: *STUDIA CULTURAE*, 57, 26–48. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-57-26-48 (in Russ.).
5. Sapiyeva, S. K., Malova, N. E. & Shkhumishkhova, A. R. (2021). Literary-and-artistic discourse and its interpretation in modern linguistics. In: *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4, 27–36. DOI: 10.15593/2224-9389/2021.4.3 (in Russ.).
6. Zinatullin, V. Sh. & Chibisova, E. Yu. (2009). Emphasis in English scientific literature: ways of expression and principles of translation. In: *Philology. Theory & Practice*, 2 (4), 129–133 (in Russ.).
7. Chernitskaia, L. A. (2019). The comparative analysis of the expressive means functionality in the communicative and artistic discours system structures. In: *Universum: Philology and Art Criticism*, 2 (59). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6918> (accessed: 28.08.2024) (in Russ.).
8. Gurienko, M. A. (2020). Syntactic emphatic constructions in teaching foreign languages. In: *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2 (70), 76–80. DOI: 10.24143/1812-9498-2020-2-76-80 (in Russ.).
9. Kanafyeva, A. V. (2021). *Rhetorical Statement in the Syntactic Structure of the Modern Russian Language*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
10. Viktorova, E. Yu. (2019). Pragmatic Aspects of TED Talks as a Specific Speech Genre (Through the Lens of Discourse Markers' Use). In: *Speech Genres*, 4 (24), 254–266. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266> (in Russ.).
11. Viktorova, E. Yu. (2014). Pragmatic multifunctionality of discourse words. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 18–22 (in Russ.).
12. Kogut, S. V. (2016). Discourse markers in written scientific discourse. In: *Siberian Journal of Philology*, 2, 157–163. DOI: 10.17223/18137083/55/17 (in Russ.).
13. Imo, W. (2017). Diskursmarker im gesprochenen und geschriebenen Deutsch. In: *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, S. 49–72.
14. Maschler, Y. & Schiffrin, D. (2015). Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. In: *The Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1*. Malden MA: Wiley Blackwell, pp. 189–221. DOI: 10.1002/9781118584194.ch9.
15. Viktorova, E. Yu. (2014). Discursive Words: Uniformity in Diversity. In: *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 14 (1), 10–15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15 (in Russ.).
16. Fraser, B. (2009). An account of discourse markers. In: *International Review of Pragmatics*, 1 (2), 293–320. DOI: 10.1163/187730909X12538045489818.
17. Baranov, A. N., Plungyan, V. A. & Rakhilina, E. V. (1993). *Guide to discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and partners publ. (in Russ.).
18. Sedykh, A. P. (2012). Nature of emotions and their classification in humanities and linguistics. In: *Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities*, 6 (125), 108–115 (in Russ.).
19. Pavlenko, V. G. (2016). Cognitive features of epistemic adverbs in English. In: *Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*, 15. URL: <https://e-koncept.ru/2016/96237.htm?ysclid=m2ar25hu7o439508206> (accessed: 28.08.2024) (in Russ.).
20. Sandakova, M. V. (2020). Trends in the development of the class of lexical intensifiers in the contemporary Russian language. In: *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, 4, 217–226 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малюгина Анна Владимировна (г. Воронеж) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0001-6320-3265>; e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Malyugina (Voronezh) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian and Foreign Languages, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0001-6320-3265>; e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

УДК 81'33

Original research article

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-53-68

THE COGNITIVE ILLUSION AS A MECHANISM OF COMMUNICATIVE ACCOMMODATION (AN ANALYSIS OF THE ENGLISH-LANGUAGE COMMEMORATIVE DISCOURSE)

E. Murashova*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation;**National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russian Federation**e-mail: e.p.murashova@mail.ru**Received by the editorial office 13.11.2024**Accepted for publication 10.12.2024***Abstract**

Aim. To reveal means of verbalizing the cognitive illusion as a mechanism of social consolidation in commemorative discourse, i.e. a combination of language-mediated social practices of collective remembrance.

Methodology. The research material is 800 small-format online texts of English-language commemorative discourse published from 2019 to 2024 by British, American, and Canadian politicians. The methods of the componential, conceptual, categorial, and cognitive-matrix analysis are used to model the "collective memory" as the central conceptual structure of commemorative discourse. The functioning of the mechanism of the cognitive illusion in commemorative discourse is described within the framework of Communication Accommodation Theory (CAT).

Results. It is found that the cognitive illusion is the key mechanism of consolidation in commemorative discourse in that it helps to create and maintain a "virtual museum of collective memory" essential to the social group's identity. The "collective memory" can be represented as a matrix centred around the "otherness – sameness" conceptual opposition. The matrix brings together two main cognitive contexts with a permeable boundary between them – that of "Past/Future" and that of "Present". The cognitive illusion helps to transcend the boundary between the two cognitive contexts through a system of "biases" (perspectives of interpretation), whose functioning gets explained in terms of CAT, in particular convergence and divergence.

Research implications. The article suggests a methodology for a joint cognitive-linguistic and communicative analysis and modeling of a virtual space which facilitates transmission of socially significant ideas in institutional discourse.

Keywords: cognitive illusion, cognitive mechanisms, collective memory, commemorative discourse, Communication Accommodation Theory, heterotopia, paremia

For citation:

Murashova, E. P. (2025). The cognitive illusion as a mechanism of communicative accommodation (an analysis of the English-language commemorative discourse). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 53–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-53-68>

Научная статья

КОГНИТИВНАЯ ИЛЛЮЗИЯ КАК МЕХАНИЗМ КОММУНИКАТИВНОЙ АККОМОДАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОММЕМОРАТИВНОГО ДИСКУРСА)

Мурашова Е. П.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: e.p.murashova@mail.ru*

Поступила в редакцию 13.11.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Аннотация

Цель. Выявить средства вербализации когнитивной иллюзии как механизма консолидации в коммеморативном дискурсе (дискурсе коллективного памятования).

Процедура и методы. На материале 800 англоязычных интернет-текстов с помощью методов компонентного, концептуального, категориального и когнитивно-матричного анализа строится модель «коллективной памяти» как центральной концептуальной структуры коммеморативного дискурса. Функционирование когнитивной иллюзии описывается с точки зрения теории коммуникативной аккомодации.

Результаты. Установлено, что когнитивная иллюзия – это ключевой механизм консолидации в коммеморативном дискурсе, создающий «виртуальный музей» коллективной памяти. Коллективная память представлена как ядерно-периферийная матрица, на элементы которой воздействует система когнитивных «ракурсов» интерпретации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предлагается методика лингвокогнитивного и коммуникативного анализа и моделирования виртуального пространства в институциональном дискурсе.

Ключевые слова: когнитивная иллюзия, когнитивные механизмы, коллективная память, коммеморативный дискурс, теория коммуникативной аккомодации, гетеротопия, паремия

Для цитирования:

Мурашова Е. П. Когнитивная иллюзия как механизм коммуникативной аккомодации (на материале англоязычного коммеморативного дискурса) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 53–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-53-68>

Introduction

In view of the recent sociocultural processes consolidation has risen to prominence as one of the major communicative aims in institutional discourse. The cognitive mechanisms of consolidation usually constitute an object of interdisciplinary political or psychological research (like political semiotics, political communication, memory studies, etc.) [1]. They are yet to be given more attention in linguistics, being primarily studied within research into the cognitive grounds

of time/space representation [1; 2] and the “own – alien” opposition [3].

One of the least scientifically elaborated cognitive mechanisms facilitating consolidation is, to our mind, that of the cognitive illusion. Up to now it has largely been treated as a purely psychological phenomenon akin to the optical illusion (hence the name) and as such falls solely into the realm of psychology, specifically social or cognitive psychology [4]. In linguistics the cognitive illusion has not been terminologized and is usually

equated with the cognitive distortion or the cognitive dissonance. In cognitive linguistics, in particular, illusions are mainly studied within broader research into cognitive patterns and perceptual errors [2; 3; 5; 6; 7; 8; 9]. In both, psychology and linguistics, the cognitive illusion is most often attributed the status of a problem that awaits a solution: being regarded as a deviation from the “norm”, it is proclaimed irrational, delusive and/or error-provoking. Therefore, most of the existing research on cognitive illusions seeks to suggest practical ways of preventing and solving them [4]. Moreover, it is noteworthy that the general approach to the cognitive illusion in either discipline can be described as an entertaining denunciation of cognitive fallacies, rather than a profound analysis of their possible social implications and applicability in institutional discourse. The potential of the cognitive illusion as a tool of socio-communicative impact (be it positive or negative), namely its ability to affect human conduct through shaping (possibly, manipulating) perception of reality, remains understudied, giving way to a more entertaining perspective.

In the current paper we suggest and employ a definition of the cognitive illusion that dissociates from its solely negative connotation and brings out its controllability and dependability on the contextual framework. By the term “cognitive illusion”, which is believed to have been introduced by the mathematician P.-S. marquis de Laplace in the XIX c. [10], we mean a cognitive mechanism that shapes a certain understanding of reality through implementation of contextually motivated bias in its representation. The word “bias” we interpret as a perspective of interpretation rather than a distortion.

The topicality of the research is determined by the necessity to expand the knowledge of the cognitive illusion as a cognitive mechanism of communicative impact to be implemented in institutional discourse.

The novelty of the current research consists in that, first, it looks at the cognitive illusion from the cognitive linguistic perspective

as a separate complex mechanism different from that of cognitive distortion or cognitive dissonance; second, the cognitive illusion is not approached as a harmful impediment to “normal” perception, but rather as a targeted and adjustable tool of communicative impact with the final end of consolidation in society; third, an attempt is made to explain the cognitive illusion through Communication Accommodation Theory (CAT) in treating it as a mechanism of communicative attunement to the recipient.

The present paper aims to reveal means of verbalizing the cognitive illusion as a mechanism which facilitates social consolidation in commemorative discourse within the realm of institutional discourse. Under commemorative discourse hereinafter we understand “a combination of language-mediated social practices of preservation, promotion and transfer of the heritage of the past” [9, c. 31]. To reach the given aim several tasks are to be accomplished: 1) to define the cognitive illusion as a separate cognitive mechanism distinct from related ones like that of cognitive distortion or cognitive dissonance; 2) to model the “collective memory” as the central conceptual structure of commemorative discourse with the help of the cognitive-matrix analysis; 3) to explain the functioning of the cognitive illusion in terms of CAT; 4) to describe and systematize the typical verbal means of the cognitive illusion in commemorative discourse.

The research material is 800 small-format (up to 280 characters) texts of English-language commemorative discourse published online from 2019 to 2024 by British, American, and Canadian politicians. The texts were extracted from the personal digital files of the author of the given article. The choice of commemorative discourse as research material is motivated by its markedly expressed communicative orientation towards consolidation. The term “commemoration” (from Latin *com-* + *memorare* = “together” + “mention”¹) itself manifests that consoli-

¹ Commemoration. In: *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/word/commemoration> (accessed: 28.10.2024).

dation could be a prerequisite as much as a projected result of the practice of collective remembrance it refers to.

The research methods employed in the current paper include the general scientific methods of analysis, synthesis, observation, description, comparison etc. The componential, conceptual, and categorial analysis and the cognitive-matrix types of analysis were used to describe and model the conceptual structure of “collective memory” underlying commemoration. The definitional, contextual, linguopragmatic, linguostylistic, and discourse types of analysis were used to reveal means of verbalizing the cognitive illusion in commemorative discourse. The material was selected with the help of the continuous sampling technique.

Theoretical background

The cognitive illusion: definition and functioning

In psychology the cognitive illusion falls under the umbrella category of perceptual illusions (alongside optical ones), which are objects of the interdisciplinary human judgement and decision-making study. Within its framework one of the key research approaches to explaining cognitive illusions is the so-called “heuristics and biases” programme, suggested by the psychologists A. Tversky and D. Kahneman in the early 1970s [11]. The underlying idea of the programme is that in conditions of uncertainty human judgement and decision-making is guided by a limited number of rules of thumb called “heuristic principles” whose primary aim is to help break down complex thinking tasks into simpler ones. Though generally effective, the heuristic principles can lead to unconscious and systematic distortions of reality, for which the authors for the first time introduced the term “cognitive biases”, now widely used in social psychology [11]. It is knowledge of the heuristics and biases that can help to prevent cognitive errors and rationalize human thinking.

Hailed as trailblazing from its onset, the “heuristics and biases” programme relies on certain ideas anticipated a century and a half before by the mathematician P.-S. marquis de Laplace in his “A Philosophical Essay on Probabilities” of 1825 [10]. Not only did P.-S. Laplace introduce the term “illusion” to refer to errors of judgement, but also described some of them before they were experimentally demonstrated in psychology much later [11; 12].

In accordance with the programme cognitive illusions have the following defining characteristics. They are: 1) errors in that they contradict reality, or the accepted “norm”; 2) systematic, hence predictable; 3) unconscious, hence impossible or hard to avoid or reduce; 4) shared by most members of a culture; 5) appealing despite being recognized as errors [4, p. 7; 12, p. 171]. The fifth characteristic is especially important to the development of the “heuristics and biases” programme, since it is recognition of the “enduring appeal” of an error that made the authors arrive at introspection as a productive mode of testing propositions for possible cognitive illusions [12, p. 171].

In this paper we propose to define the cognitive illusion as a cognitive mechanism that aims to facilitate a certain understanding of reality through a set of generally accepted biases functioning in the given contextual framework. A bias, in its turn, is hereinafter understood by us as an externally set perspective of interpretation rather than a distortion or an error. The reinterpretation of the term “bias” in the current paper is meant to draw a demarcation line between the cognitive illusion and the related terms of “cognitive distortion” and “cognitive dissonance”.

In line with the aim of our research it is essential to emphasize that, unlike a cognitive distortion, generally understood in psychology as a “faulty or inaccurate thinking, perception, or belief”¹, a cognitive illusion as

¹ Cognitive Distortion. In: *APA Dictionary of Psychology*. URL: <https://dictionary.apa.org/cognitive-distortion> (accessed: 28.10.2024).

such is devoid of such negative connotation. It is more accurate to say that it pertains to creating a “virtual reality” through setting a certain perspective of interpretation and, as stated above, can be appealing and sought-for. Thus, the essence of the cognitive illusion can be encapsulated in the “how you look shapes what you see” formula.

Cognitive dissonance, according to L. Festinger’s theory of 1957, is the feeling of unpleasant psychological tension resulting from inconsistency between the elements of a human’s cognitive system, which usually stimulates an individual to search for ways to bring them into correspondence with each other and reality [13, p. 11]. Though cognitive dissonance is not altogether excluded as an effect of the cognitive illusion, the two mechanisms are yet different in that the latter, unlike the former, is, first, generative rather than resultant in character, second, not inherently unpleasant or negative, and, third, often unconscious, hence, sometimes unavoidable. Therefore, the cognitive illusion is mainly different from cognitive dissonance in that it seeks to create a “virtual reality” that, though being inconsistent with the non-virtual one, is not perceived as a problem of cognition, since it is either sought-for or impossible to avoid or both.

Bearing in mind the close association between the cognitive illusion and the optical one, let us explain the functioning of the former through an analogy with the latter. As a concrete example we will be using the famous checker shadow illusion by E. H. Adelson¹. The viewer is offered an image of a checkerboard with a cylinder shadowing its certain area. A square outside the shadow and a square inside are marked “A” and “B” respectively. The task is to determine which of the two is the darker. The illusion is that the A-labeled square appears to be darker than the B-labeled square, though, in fact, they are the same shadow of grey. Within the task the misperception of the colour is

not to be treated as a defect of vision, since the human eye, unlike a photometer, is not by default pre-adjusted to take into account certain parameters, like exposure and the angle of observation. The parameters are set by the task itself and form a context in which a judgement is to be made, which biases the viewer to a certain answer, in this case erroneous. It is noteworthy that even after learning the correct answer the perception of the colour does not change for most people, which evidences the unconsciousness and appeal of cognitive illusions.

To our mind, the checker shadow illusion draws upon the “proximity” bias which leads our brain to predict patterns based on the alignment of objects: if a checkerboard follows a certain pattern, then A is automatically expected to be darker than B [14, p. 13]. The bias would be unfeasible without background knowledge of the survival mechanism underlying the erroneous perception: in the course of the evolution the human brain adapted to single out potential threats hidden in the shadow.

To sum up, the work of the cognitive illusion mechanism consists in that one sets certain parameters to bias the recipient’s perception of reality in the desired direction. The prerequisite for a cognitive illusion is knowledge of the heuristics and biases of human thinking.

A heterotopia as a spatial setting for the cognitive illusion

Research into the cognitive illusion in communication, in our opinion, should be embedded in the recent “**spatial turn**” in the humanities, which found its way into cognitive linguistics as a trend to study discourse in the capacity of “a type of language description in a multidimensional space with a flexible coordinate system, including the parameter of time (translated by author – E. M.)” [6, c. 122]. The idea of space should be commented on since it gives an insight into one of the key notions of human cognition, namely that of categorization. Being closely associated with the basic cognitive functions like

¹ Adelson, E. H. (1995). Checker Shadow Illusion. Perceptual Science Group. MIT. URL: <https://persci.mit.edu/gallery/checkershadow> (accessed: 28.10.2024).

memory, imagination and attention, categorization serves to organize and systematize knowledge of the world into groups based on the criterion of similarity/dissimilarity. As pointed out by E. S. Kubryakova, one of the ways to determine whether objects are similar or different is to compare them as “entireties” (translated by author – E. M.), from which space stands out as the largest-scale and the most vital to world perception and all human activity [7, c. 465]. E. S. Kubryakova believes that the image of space has transformed with time, growing more and more abstract, and gives the following definition to the “initial” cognitive structure behind it, upheld by the archaic human: “a generalized idea of an integrated whole between the sky and the ground (entirety), which is observable, visible and tangible (sensory-based), which a human feels a part of and inside of which they can freely move themselves or move objects within their control; a continuity spread out in all directions, which the human’s eye scans and which is available to them in the form of a field of view when covered panoramically, observed and scrutinized (translated by author – E. M.)” [7, c. 466]. The contemporary conceptual structure denoted by the word “space”, having genetically developed from the “initial” one, does not contradict it, but rather draws upon its concepts, adjusts them to modern reality and adds new concepts, e.g. the idea of multidimensionality, virtuality, flexibility, openness, etc.

Within the framework of postmodernism the present period of time is characterized as “irreferential”, meaning that referentials are being lost and replaced with the so-called “simulacra”, i.e. signs representing something that does not exist in reality [15]. Having replaced the referentials, simulacra produce other simulacra and, all brought together, they form a special kind of “virtual” sign-symbolic space, termed “hyperreality” by J. Baudrillard [15]. A vivid example of “hyperreality” is, to his mind, Disneyland – an artificial space filled with “a play of illusions and phantasms”, which is designed to

make visitors believe that the environment outside is real, though in terms of referentiality it is no longer so [15, p. 12]. The main property of hyperreality consisting in filledness with simulacra we will be calling simulacrativity.

The notion of hyperreality as a simulacrative space is closely associated with the concept of “**heterotopia**”, elaborated by M. Foucault in “The Order of Things” (1966) and “Of Other Spaces” (1967). Heterotopias were contrasted by him to utopias and defined as “places which are absolutely *other* (italicized by M. F.) with respect to all the arrangements that they reflect and of which they speak” [16, p. 332]. The concept of “**otherness**”, implying difference and strangeness¹, is core to heterotopias, since their primary aim is to serve as a “counter-arrangement” to a real arrangement, i.e. at one and the same time to represent, challenge and overturn it [16]. M. Foucault points out that, though being virtual (in the sense of lying outside all the existing places), heterotopias are “localizable” and represent a “mixed experience” pertaining to both, reality and utopias [16]. The simplest example given by him is a mirror, which is at once a utopia in that it represents a “placeless place”, an unreal, virtual space [16, p. 336], and a heterotopia in that it is a real object serving as a “portal” to the unreal, virtual space. Other examples are spaces produced by social institutions like boarding schools, cemeteries, gardens, theatres, museums, libraries, prisons, ships, etc. It is conspicuous that, following the general tendency towards simulacrativity and heightened competition within and between institutions, there is currently an urge for institutional discourse to produce new, heterotopic discourse to serve as a “better” environment to their target audience, thus ensuring higher operational and communicative efficiency and competitiveness.

¹ Otherness. In: *Oxford Learner’s Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/otherness?q=otherness> (accessed: 28.10.2024).

M. Foucault came up with six principles of heterotopias. First, every culture of the world creates heterotopias. Second, each heterotopia has a certain function which can be changed over time to meet the needs of society. Third, a heterotopia can juxtapose several incompatible spaces in one real place. Fourth, heterotopias are linked to “heterochronisms”, i.e. bits of time, and start to fully function only “when men find themselves in a sort of total breach of their traditional time” [16, p. 334]. M. Foucault points out that the modern outlook of Western culture is characterized by the tendency to accumulate time in one place that is itself “outside time”, i.e. not subject to wear and tear, hence the popularity of museums and libraries [Ibid.]. The fifth principle states that “heterotopias always presuppose a system of opening and closing” which, on the one hand, isolates them and, on the other hand, “makes them penetrable” [16, p. 335]. It is mentioned that usually an individual does not get into a heterotopia by their own will – one is either forced into it (like in the case of the prison) or is allowed to enter it after “rites of purification”, meaning a ritualized entrance procedure [Ibid.]. Yet another type of heterotopias is those that appear to be easily penetrable but that are, in fact, illusions since one gets excluded through the sole act of entering. The sixth principle pertains to the two polar functions a heterotopia has in relation to reality. A heterotopia may either aim to create “a space of illusion”, exposing every real space as more illusory, or create a more perfect space, compensating for the flaws in reality, hence the corresponding names – “heterotopias of illusion” and “heterotopias of compensation” [Ibid.].

Commemorative discourse is, to our mind, a vivid example of heterotopic discourse, as it is centred around the abstract topos of “collective memory”, represented as a “virtual museum” of historically and culturally significant signs and symbols (figures, events, objects). The perception of “collective memory” as a place rather than an object or event is reflected in the Cambridge Eng-

lish Corpus: “**the place** (marked in bold by author – E. M.) where knowledge is stored and can be retrieved for team design and collective learning”¹. Since the “exhibited items” usually pertain to different times, bringing together the present, the past and the future, it is possible to speak of a “commemorative heterochronism”. The “virtual museum” has, as a first approximation, two main entrance criteria – a technical one, consisting in the access to the real platform where the commemorative practice takes place, and a sociocultural one, which is having the expected historical, cultural and linguistic background knowledge. The heterotopia of commemoration, in our opinion, performs both possible functions – first, creating an illusion that we term “unity and continuity” and, second, compensating for the gaps in reality, i.e. loss of historical memory and lack of common ground.

In the current paper we deal with how consolidation is communicated through the mechanism of the cognitive illusion within the heterotopia of “collective memory”. As a framework for explanation, we chose Communication Accommodation Theory.

Communication Accommodation Theory

Communication Accommodation Theory (CAT) is a theory of communication developed by H. Giles in 1971 [17]. It proceeds from the idea that in the course of communication interactants adjust, or accommodate, their communicative behaviour to each other to calibrate the social distance between them. CAT, thus, is a framework “aimed at predicting and explaining many of the adjustments individuals make to create, maintain, or decrease social distance in interaction” [17, p. 293]. CAT concerns such aspects of communication as the adjustment strategies and types, the motivation for adjustments and their consequences.

Depending on whether the participants act from their personal or social identities,

¹ The Cambridge English Corpus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/collective-memory> (accessed: 28.10.2024).

communication is studied as either interpersonal or intergroup. Initially a sociopsychological model focusing on linguistic features (esp. accents) in intercultural communication, CAT developed into an interdisciplinary model covering linguistic as well as nonverbal and extralinguistic features like body language, dressing style, eating patterns, etc.

It is noteworthy that CAT largely draws upon Social Identity Theory (SIT) proposed by H. Tajfel and J. Turner in the early 1970s, which seeks to explain how a sense of group membership, or social identity, influences the behaviour of individuals (“interpersonal” behaviour) and groups (“intergroup” behaviour) [18]. SIT posits that based on the feeling of belonging there are two types of social groups – an “in-group”, which an individual identifies with, and an “out-group”, which an individual does not identify with [18]. It is natural for an individual to seek to maintain a positive social image, both individual and collective. Hence, people tend to focus on the positive aspects of the in-group and defocus the negative ones, and vice versa, to focus on the negative aspects of the out-group(s) and to defocus the positive ones. The inclination to place the positive in-group identity over the interests of the out-group(s) is believed to lie at the core of intergroup conflict.

SIT suggests that interpersonal behaviour and intergroup behaviour form a continuum along which social behaviour may vary. One of the dimensions of the “interpersonal-intergroup continuum” is formed by individuals’ two extreme belief systems about “the nature and the structure of the relations between social groups in their society” – “social mobility” and “social change” [18, p. 9]. Social mobility relies on the idea that society is permeable and, if a person is not satisfied with their current standing, it is possible for them to change their social membership by leaving their in-group for an out-group (the “social elevator” effect, the term was first introduced by P. Sorokin). Social change, on the opposite, accentuates “marked social stratification” and implies

that it is hard or impossible to change one’s social membership [18, p. 11]. The two belief systems attribute the role of the agent differently – to an individual and an in-group respectively. While in the social mobility system it is the individual who initiates the change using their talent, connections, hard work, etc., in the social change system it is the in-group that acts collectively to improve its status, e.g. through rights movements.

The two belief systems determine the communicative strategy used by the agent to change their social status, meaning place in the social hierarchy. SIT proposes three of them: individual mobility, social competition, and social creativity [18]. While the first one refers to individual effort, the other two involve group action. Social competition means that a group seeks to positively differentiate itself from an out-group through explicit competition with it along the criteria that are, in fact, set by the out-group. Social creativity, in its turn, suggests that a group tries to achieve positive differentiation by changing its perception of its standing against the out-group: redefining or replacing the comparison criteria, the values, or even finding another out-group for comparative reference.

In both, interpersonal and intergroup communication the salience of in-group distinctive features constituting one’s social identity is important to understanding the extent of communicative accommodation between interactants. As enshrined in one of the basic principles of CAT, an interactant may either move towards others by defocusing his/her in-group features and taking on a varying number of out-group features (up to total assimilation) or move away from others by making his/her in-group features salient. The “movement towards and away from others” constitutes two opposite communication strategies – the **convergence strategy** and the **divergence strategy** respectively [17, p. 295]. The strategies aim to signal, first, interactants’ attitude to each other and, second, the extent of the social distance between them [17, p. 294]. Convergence and

divergence constitute the phenomenon of accommodation itself. They can take on different forms depending on the social value (upward / downward), degree (full / partial), symmetry (symmetrical / asymmetrical), modality (unimodal / multimodal) and duration of behaviour (short-term / long-term) [19, pp. 37–39].

Commemorative discourse, as explicated in the name itself, hinges on convergence as a premise for collective remembrance. What makes it distinct from all other possible sorts of discourse is its central conceptual structure of “collective memory”, which is to be taken into account when analyzing commemorative communication with the help of CAT. It should be pointed out that we find it more accurate to categorize “collective memory” as a conceptual structure, but not a concept, because it contains more particular concepts like “shared”, “past” or “culture”¹ and, thus, is more likely a way of organizing them within one domain.

In online communication convergence is largely determined by two factors – first, the technical mediation through the channel of communication, second, the peculiarities of computer / Internet discourse. As the research material of the current paper is made up of online texts, the convergence in the commemorative discourse under analysis is expected to be mainly asymmetrical (not expecting convergence in response, given the mass character of the audience, the indirectness of communication and the delay in feedback), multimodal (tapping into different tools of the online platform to achieve efficiency, most frequently simultaneous use of verbal text, video and pictures) and short-term (the “here and now” effect of online interaction, taking into account the modern “clip thinking”).

Below we will present some results of research into how convergence and divergence are employed to create a cognitive illusion in online commemorative discourse.

¹ Collective memory. In: *The Free Dictionary*. URL: <https://www.thefreedictionary.com/collective+memory> (accessed: 28.10.2024).

Research results

Analysis of the empirical material yielded that the cognitive illusion is the key mechanism of creating and maintaining the heterotopia of “collective memory” in commemorative discourse. To understand how the cognitive illusion helps to achieve the communicative aim of social consolidation in commemorative discourse, it is necessary, first, to reveal the cognitive components involved in the construction of the final product of the “collective memory” heterotopia. We believe that, since heterotopias are complex discourse formations of secondary order (being mainly created by institutional discourse), it is possible to model them using the relatively new method of cognitive-matrix analysis developed by N. N. Boldyrev.

Based on R. Langacker’s understanding of the matrix as a “collection of cognitive domains” [5, p. 147], the cognitive-matrix analysis aims to explain conceptually complex formats of knowledge, such as complex concepts or discourse. The product of the cognitive-matrix analysis is a cognitive matrix as a model and a complex format of knowledge, “a unit of multi-aspectual cognition” consisting of “a system of connected cognitive contexts” [8, c. 14].

N. N. Boldyrev and V. V. Alpatov distinguish between two structural types of the cognitive matrix depending on its mode of representation – “general” and “particular” (translated by author – E. M.) [8, c. 6–7]. The general matrix seeks to represent cognitive contexts that are complex knowledge in themselves, e.g. the words “human”, “society”, “nature”. The particular matrix usually incorporates the general matrix and is represented as a “core – periphery” model, with “the core” being the object of thought and the different cognitive contexts for its understanding forming “the periphery” (“the components (the cells of the matrix)”) [8, c. 7]. The general matrix usually only incorporates obligatory components, while the particular one has at least two obligatory components from the general one, the rest being optional.

As the authors propose, particular matrices lie at the root of understanding certain culturally marked names (place, dialect, precedent names) [8].

The cognitive context of the “collective memory” structure, to our mind, can be represented as a particular cognitive matrix (Fig. 1). The core is the “otherness – sameness” opposition forming two main mirrored cognitive contexts – that of “Past / Future” and “Present” respectively. The subdivision is grounded in that the past and the future, unlike the present, have the same “unreal” status. The boundary between the contexts is made permeable through the mechanism of the cognitive illusion, which serves as a driving force to facilitate diffusion between the two contexts and, thus, dynamize the matrix. As a result, demarcation between the “real” and “unreal”, “the past” and “the present” gets blurred and the participants of commemoration step into a heterotopia. The two main contexts are subdivided into minor ones, also mirrored, serving as focal

points for the work of the cognitive illusion: “I=We” – “They”, “Here” – “There”, and “Now” – “Then”, referring respectively to the participants, place and time of commemoration.

The cognitive illusion in action is, to our mind, to be called “**unity and continuity**”, the “unity” component representing the horizontal dimension of the matrix and the “continuity” component representing the vertical dimension (the link between the present, the past and the future). The actual functioning of the cognitive illusion is carried out through the focal points via a system of biases which influence certain parts of the matrix where the focal points are “pinned”.

As a result of the research we revealed the following biases associated with the contexts of the matrix, the names mainly derived from works in social psychology [4; 14]: the “proximity” bias – for the borderline between the two main contexts of “Past/Future” and “Present”, the “labeling” bias for either of them, the “association” bias for the

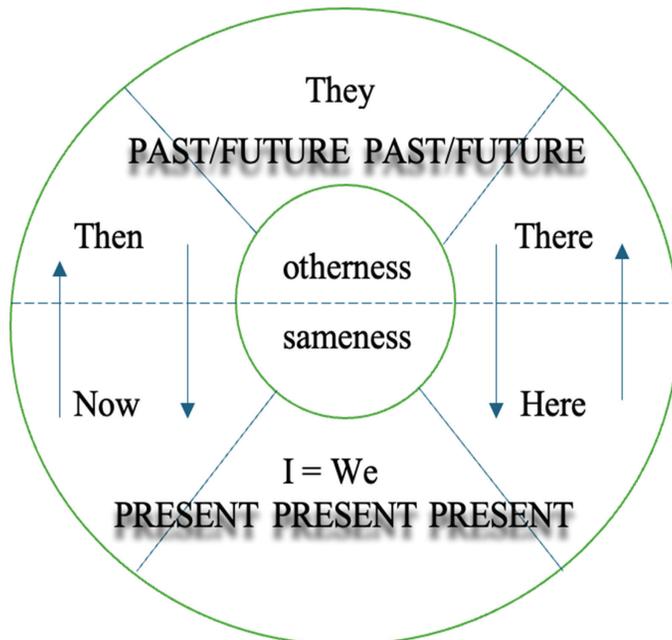

Fig. 1 / Рис. 1. The cognitive matrix of the “collective memory” heterotopia / Когнитивная матрица гетеротопии «коллективная память»

Source: drawn up by the author.

“I=We” – “They” contexts, where the personal gets merged with the collective and “They” refers to the same in-group but existing in the past/the future, the “orientation” bias for the “Here” – “There” contexts, and the “stability or change” bias for the “Now” – “Then” contexts.

The actual application of the biases is guided by the processes of convergence and divergence meant to comply with CAT. Since the main principle of a heterotopia is mirroring reality, the peculiarity of communicative convergence and divergence does not consist in moving towards or away from an objectively existing out-group, but rather in moving towards or away from the same in-group but compartmentalized in the two “realities” (the present-time in-group or the past/future-time in-group). Thus, within the framework of CAT divergence and convergence in commemorative discourse are **introspective** in nature, aimed at the “past or future self”. Having focused on the cognitive illusion as explained through CAT, we will be highlighting the “inward” direction of accommodation (from the “in-group” towards and away from the same “in-group” in the past/future). This is not to say that the “outward” accommodation does not take place in commemorative discourse. For example, convergence is employed to pass commemoration as a celebration to lure more people into the process. Divergence is also possible, esp. through contrasting the in-group in question to some real out-group if there is a need to uphold the in-group’s isomorphism “horizontally”.

Let us demonstrate and illustrate each bias with a special focus on its verbalization.

First, the “**proximity**” bias means that the demarcation lines between the contexts of “Past/Future” and “Present” get blurred because the participants, place and time of commemoration converge through being represented as physically and/or metaphorically close to each other, available for sensory perception, hence real. Convergence is achieved through bringing together the main time planes – the past, the present and

the future. In the following post by US Vice President Kamala Harris of 13.02.2024 the Afro-American heritage is represented as eternal in its contributing to the present, the past and the future. The present-time plane is marked with the adverbial modifier of time in combination with the precedent name *During the Black History Month*, the Present Indefinite verb forms *tell*, *stand*, the noun *present* pertaining to the lexico-semantic group of “present” and the adverbial modifier of time *every day*. The past is verbalized with nouns pertaining to the lexico-semantic group of “past” (*past*, *history*) and the paremia (ethnolinguocultural sententious set expression) *upon whose broad shoulders we stand*. The future is marked by the corresponding noun *future*.

During Black History Month, we tell the stories of the heroes of our past – upon whose broad shoulders we stand – and the heroes of the present, who create history every day while shaping our future¹.

The proximity of the time planes creates an illusion of a vectorized continuum unfolding from the present to the future through the past, which appears to be a widespread pattern of temporal organization in commemorative discourse.

A propping mechanism of the cognitive illusion in conveying proximity is **reification** (Latin *res* – “thing”) understood as a human’s cognitive ability to reconceptualize abstract notions in terms of material objects [20, c. 62]. In the example above reification is achieved through the forms of the verbs of sensory perception *tell* and *shaping*, pertaining to the organs of speech and touch respectively, which creates an illusion of reachability and tangibility of the otherwise abstract notion of heroism.

Another vivid means of verbalization is the use of material symbols of memory accepted in the given culture like monuments, candles, wreaths, poppies, etc. Most often the symbols are not seen as separate material ob-

¹ Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

jects, but are action-related, accompanied by verbs, which again testifies to the tendency to “sensorize” the commemoration procedure. In the following post by the Prime Minister of Canada Justin Trudeau of 05.09.2022 the *flag* and the *Peace Tower* symbols and the dynamic verb *will be flown* constitute a verbalized visualization of the long-established commemorative procedure of flying a flag in memory of the dead, which conveys the feeling of involvement to the reader.

*Today and tomorrow, the flag on the Peace Tower will be flown at half-mast – in memory of those who lost their lives during yesterday’s attacks in Saskatchewan, and in solidarity with everyone affected by this violence. All Canadians are there for you!*¹

The “**labeling**” bias pertains to the axiological sphere of commemorative discourse. The bias consists in attributing certain culturally accepted labels to the figures and events of the past/the future and the present. The labeling can serve both, convergence and divergence, depending on whether the purpose is to associate with or dissociate from the past/future. The most frequent patterns in commemorative discourse are the following: first, to bring up a tragic past event/acknowledge the mistakes of the past by labeling certain events as “evil” and to call for avoiding their repetition in the future by labeling the present as opposingly “good” for the awareness of the “evil” and, possibly, for action towards its prevention; second, to point out/acknowledge the “evil” in the present (a problem or a challenge) and look for a “good” role model in the past; third, the “good” of the past is upheld in the present. The first two patterns are markedly divergent, while the last one is convergent.

For the “labeling” bias one often employs emotionally coloured, expressive and evaluative lexis, including spoken expressions and plemias. In the post of 27.01.2021 by US Secretary of State Anthony Blinken the Holocaust is rightfully labeled as evil with

negatively coloured emotive vocabulary (*murdered, anti-Semitism, hatred*). The evil of the past is juxtaposed by A. Blinken with America’s current effort to be a source of the “good” verbalized by the modified positively coloured plemia *a beacon for hope and good* (originally – *a beacon of hope*).

*Today we honor the memory of 6 million Jews and millions of others murdered during the Holocaust. Honoring them means standing up against anti-Semitism and hatred. America will continue to be a beacon for hope and good in this world.*²

The “**association**” bias is mainly convergent in nature. It seeks to represent an individual as a part of the in-group (“I = We”) and build association with the same in-group of the past. The most frequent verbal means of association are those referring to the “collective past”: the metonymic “we” and “they”, precedent names and plemias.

In the following message of 11.11.2022 David Cameron, the former British Prime Minister, uses a line from the poem “For the Fallen” by L. Binyon³ to commemorate those who fell in the First World War. The line is to be treated as a plemia, frequently cited on Remembrance Day, in which the metonymic pronouns “we” and “they” are used to build intergenerational association. Another plemia used by D. Cameron is the famous “Lest We Forget”⁴ phrase in the form of a hashtag, also containing the metonymic “we”. Originally coined by R. Kipling in his poem titled “Recessional”, the phrase was popularized as an epitaph for Remembrance Day.

At the going down of the sun and in the morning,

We will remember them.”

*#LestWeForget #ArmisticeDay*⁵

¹ Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

² Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

³ Binyon, R. L. For the Fallen. In: *Poetry*. URL: <https://www.poetry.com/poem/113783/for-the-fallen> (accessed: 28.10.2024).

⁴ Kipling, R. Recessional. In: *Poetry*. URL: <https://www.poetry.com/poem/33320/recessional> (accessed: 28.10.2024).

⁵ Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

The “**orientation**” bias sets the spatial coordinates of commemorative discourse. Orientation is often implemented through the simultaneous realization of convergence and divergence. On the one hand, the chosen place is a product of the present in that it is linked to the present-time context (most often because of being set up in the near past for the specific purpose of commemoration), but, on the other hand, it bears a vivid connection to the past, usually through precedent names with a symbolic meaning. Following the tendency towards reification and “sensorization”, the place is usually objectified and localizable.

For example, in the following post of 25.03.2021 by A. Blinken the spatial coordinates for commemoration of the 9/11 attacks are set with an adverbial modifier of place which consists of the proper name of the memorial and the official account tag of NATO (*the World Trade Center Memorial at @NATO*). The convergence of the past and the present is achieved through a combination of the symbolic precedent name of *the World Trade Center* and the abbreviation of NATO, which in the given context stands for the NATO Headquarters. It is through the tag that the localization of the memorial is specified, helping the reader to understand that the place in question is not the 2011 memorial in New York, but the 2017 one in Brussels. The coordinates help to understand from the first line which event is being commemorated. The understanding becomes possible due to the convergent process of addressing the reader’s sociocultural background.

It is an honor to pay my respects today at the World Trade Center Memorial at @NATO. The day after 9/11, NATO Allies stood with us, invoking Article 5 for the first and only time in the Alliance’s history. We will #neverforget¹.

The “**stability or change**” bias represents convergence and divergence respec-

tively, as implied by the name. The work of the bias is encapsulated in the following opposing paremias: “it has always been like this” and “things used to be better”. Stability and change are parts of the same perceptive framework closely related to overgeneralization [4] and the positive value of nostalgia and retro as parts of the cultural-cognitive code.

The “stability” bias can be illustrated with the post of 01.04.2019 by J. Trudeau devoted to the 20th anniversary of Nunavut, the largest Canadian territory. To communicate the feeling of stability J. Trudeau uses a number of words with the “continuity” seme in their meaning: *heritage, identity, continue*.

*Today we celebrate the 20th anniversary of Nunavut and the unique **heritage** of the people who call it home. The North is at the heart of our **identity** as Canadians, and we know that Nunavut **will continue** to play a key role in our country’s future. Happy Birthday, Nunavut!²*

In the following post of 07.08.2022 US President Joe Biden implicitly compares the non-localized “better past” with a “worse” current situation. The “used to” construction, the *to look somebody in the eye* paremia reinforced by the parallel constructions (*It was about ...*) as well as the repeated Past Indefinite verb form *was* serve to refer to the past. The personalization technique (speaking personally) seeks to reduce the social distance in order to evoke a feeling of collective nostalgia.

*My father **used to say** that a job **was** about a lot more than a paycheck. It **was** about your dignity, your respect, your place in the community.*

*It **was** about being able **to look your child in the eye** and say it **was** going to be okay.*

That’s the economy I’m determined to build³.

¹ Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

² Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

³ Source: the digital files of the author of the given paper – E. M.

Conclusions

As a result of the research, the cognitive illusion has been found to be the key mechanism of consolidation in commemorative discourse in that it facilitates creation and maintenance of the heterotopia of “collective memory” essential to constructing the in-group identity.

With the help of the cognitive-matrix analysis the “collective memory” can be modeled as a “core – periphery” matrix, where the core is the “otherness – sameness” conceptual opposition around which two main mirrored cognitive contexts of “Past/Future” and “Present” are centred. The boundary between them is permeable and can be transcended with the mechanism of the cognitive illusion, most often realized as “unity and continuity” in commemorative discourse. The cognitive contexts, in their turn, consist of a number of focal points, also mirrored: “I=We” – “They”, “Here” – “There”, and “Now” – “Then”. The cognitive illusion targets the cognitive contexts through a system of five biases (perspectives of interpretation) which derive from the general principles of human judgement and think-

ing, each reserved for a certain focal point. The “proximity” bias addresses the borderline between the two main contexts, the “labeling” bias works inside either of them, the “association” bias is reserved for the “I=We” – “They” contexts, the “orientation” bias works for the “Here” – “There” contexts, and the “stability or change” bias is valid for the “Now” – “Then” contexts.

The biases are realized in the commemorative discourse with the help of the strategies of convergence and divergence elaborated within the framework of Communication Accommodation Theory (CAT), both aiming inwards, at representing the social group as either similar to or different from its “other” self within the “collective memory” matrix. It is prominent that the precedent name and the paremia (ethnolinguocultural sententious set expression) play a key role in realizing convergence and, thus, communicating the feeling of consolidation in commemorative discourse.

A promising direction for further research, to our mind, could lie in elaboration of a general cognitive model applicable to any heterotopic discourse in institutional contexts.

REFERENCES

1. Lavi, L. (2022). Working on it: The creation of chronological time in political discourse and the democratic meaning of elections. In: Piata, A., Gordejuela, A. & Carrión, D. A., eds. *Time Representations in the Perspective of Human Creativity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, pp. 81–98. (Series: Human Cognitive Processing. Vol. 75). DOI: 10.1075/hcp.75.04lav.
2. Evans, V. (2013). *Language and Time: A Cognitive Linguistics Approach*. New York: Cambridge University Press.
3. Kachmazova, A. U. & Tameryan, T. Yu. (2014). Cognitive mechanisms of ethnic stereotyping of “own people” and “aliens”. In: *Political Linguistics*, 4 (50), 298–305 (in Russ.).
4. Pohl, R. F. (2022). What are cognitive illusions? In: Pohl, R. F., ed. *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory*. London, New York: Routledge, pp. 3–23. DOI: 10.4324/9781003154730-2.
5. Langacker, R. W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
6. Kubryakova, E. S. (2012). In *Search of the Essence of the Language: Cognitive Studies*. Moscow: Znack publ. (in Russ.).
7. Kubryakova, E. S. (2004). *Language and Knowledge: On the Way of Learning about the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
8. Boldyrev, N. N. & Alpatov, V. V. (2008). A cognitive-matrix analysis of English Christian place-names. In: *Issues of Cognitive Linguistics*, 4 (17), 4–14 (in Russ.).
9. Murashova, E. P. (2024). Linguocognitive grounds of commemorative discourse (an analysis of online political texts). In: *Issues of Applied Linguistics*, 55, 29–52. DOI: 10.25076/vpl.55.02 (in Russ.).

10. Laplace, P.-S., marquis de (1902). *A Philosophical Essay of Probabilities*. New York: John Wiley & Sons; London: Chapman & Hall, Limited.
11. Tversky, A. & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: heuristics and biases. In: *Science*, 185 (4157), 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.
12. Kahneman, D. & Bar-Hillel, M. (2020). Comment: Laplace and cognitive illusions. In: *Statistical Science*, 35 (2), 171–172. DOI: 10.1214/19-STS750.
13. Festinger, L. (1957). *Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, California: Stanford University Press.
14. Ditzinger, T. (2021). *Illusions of Seeing: Exploring the World of Visual Perception*. Cham: Springer Nature Switzerland AG.
15. Baudrillard, J. (1994). *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
16. Foucault, M. (2005). Of other spaces: utopias and heterotopias. In: Leach, N., ed. *Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory*. London, New York: Routledge, pp. 329–357.
17. Giles, H. & Ogay, T. (2007). Communication Accommodation Theory. In: Whaley, B. B. & Samter, W., eds. *Explaining Communication: Contemporary Theories and Exemplars*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 293–310.
18. Tajfel, H. & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: Wochel, S. & Austin, W. G., eds. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall Publishers, pp. 7–24.
19. Dragojevic, M., Gasiorek, J. & Giles, H. (2016). Accommodative strategies as Core of the Theory. In: Giles, H., ed. *Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities Across Contexts*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 36–59. DOI: 10.1017/CBO9781316226537.003.
20. Iriskhanova, O. K. (2015). Reification as seen through mono- and multimodality of communication. In: *Cognitive Studies of Language*, 22, 62–64 (in Russ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Lavi L. Working on it: The creation of chronological time in political discourse and the democratic meaning of elections // *Time Representations in the Perspective of Human Creativity* / eds. A. Piata, A. Gordejuela, D. A. Carrión. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2022. P. 81–98. (Series: Human Cognitive Processing. Vol. 75). DOI: 10.1075/hcp.75.04lav.
2. Evans V. *Language and Time: A Cognitive Linguistics Approach*. New York: Cambridge University Press, 2013. 266 p.
3. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 298–305.
4. Pohl R. F. What are cognitive illusions? // *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory* / ed. R. F. Pohl; 3rd ed. London, New York: Routledge, 2022. P. 3–23. DOI: 10.4324/9781003154730-2.
5. Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.
6. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2008. № 4 (17). С. 4–14.
9. Мурашова Е. П. Лингвокогнитивная организация коммеморативного дискурса (на материале политических онлайн-текстов) // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2024. № 55. С. 29–52. DOI: 10.25076/vpl.55.02.
10. Laplace P.-S., marquis de. *A Philosophical Essay of Probabilities*. New York: John Wiley & Sons; London: Chapman & Hall, Limited, 1902. 196 p.
11. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases // *Science*. 1974. Vol. 185. No. 4157. P. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.
12. Kahneman D., Bar-Hillel M. Comment: Laplace and cognitive illusions // *Statistical Science*. 2020. Vol. 35. Iss. 2. P. 171–172. DOI: 10.1214/19-STS750.
13. Festinger L. *Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, California: Stanford University Press, 1957. 291 p.

14. Ditzinger T. Illusions of Seeing: Exploring the World of Visual Perception. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2021. 274 p.
15. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1994. 164 p.
16. Foucault M. Of other spaces: utopias and heterotopias // Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory / ed. N. Leach. London; New York: Routledge, 2005. P. 329–357.
17. Giles H., Ogay T. Communication Accommodation Theory // Explaining Communication: Contemporary Theories and Exemplars / ed. B. B. Whaley, W. Samter. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007. P. 293–310.
18. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. S. Wochel, W. G. Austin; 2nd ed. Chicago, IL: Nelson-Hall Publishers, 1986. P. 7–24.
19. Dragojevic M., Gasiorek J., Giles H. Accommodative strategies as core of the theory // Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities Across Contexts / ed. H. Giles. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 36–59. DOI: 10.1017/CBO9781316226537.003.
20. Ирисханова О. К. Реификация в аспекте моно- и полимодальности коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 62–64.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina P. Murashova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Science, Moscow State Linguistic University; Department of Foreign Languages, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”; <https://orcid.org/0000-0002-2376-4148>; e-mail: e.p.murashova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурашова Екатерина Павловна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»; <https://orcid.org/0000-0002-2376-4148>; e-mail: e.p.murashova@mail.ru

Научная статья
УДК 81'112
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-69-83

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО СЛОВА «НОСТАЛЬГИЯ» И ЕГО АНГЛИЙСКОГО ЭКВИВАЛЕНТА)

Сорокина Э. А., Тарасова О. Д.*

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: tarasovaod@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2024

После доработки 04.12.2024

Принята к публикации 05.12.2024

Аннотация

Цель. Выявить особенности семантических структур слов «ностальгия» / “nostalgia”, функционирующих в русской и английской лингвокультурах.

Процедура и методы. Языковой материал собран по толковым, переводным, этимологическим словарям, по данным корпусов (British National Corpus и Национальный корпус русского языка), при этом была использована и база данных Google Books Ngram Viewer. Применялись сравнительный, сопоставительный, дефинитивный, корпусный, описательный методы анализа.

Результаты. По итогам исследования выявлены сходства и различия в оттенках значений семантических структур русского слова «ностальгия» и его английского эквивалента.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая ценность проведённого исследования связана с потенциальными возможностями использования собранного теоретического и языкового материала в профессиональной деятельности переводчика, лексикографа, терминоведа, лексиколога, учителя иностранных языков.

Ключевые слова: заимствования, интерлексемы, интернационализмы, корпус, ностальгия, эмоции, этимология

Для цитирования:

Сорокина Э. А., Тарасова О. Д. Опыт сравнительно-сопоставительного анализа лексики эмоций (на материале русского слова «ностальгия» и его английского эквивалента) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 69–83. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-69-83>

Original research article

EXPERIENCE OF COMPARATIVE-CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE VOCABULARY OF EMOTIONS (BASED ON THE RUSSIAN WORD “NOSTALGIA” AND ITS ENGLISH EQUIVALENT)

*E. Sorokina, O. Tarasova**

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: tarasovaod@mail.ru*

Received by the editorial office 07.11.2024

Revised by the author 04.12.2024

Accepted for publication 05.12.2024

Abstract

Aim. To identify the features of the semantic structures of the words «ностальгия» / “nostalgia”, functioning in the Russian and English linguistic cultures.

Methodology. The language material was collected from explanatory, translation, etymological dictionaries, the English British National Corpus and the National Corpus of the Russian language, and the Google Books Ngram Viewer database was used. Comparative, contrastive, definitive, corpus, and descriptive methods of analysis were used.

Results. Based on the results of the study, similarities and differences in the shades of meaning of the semantic structures of the Russian word “nostalgiya” and its English equivalent were revealed.

Research implications. The practical value of the conducted research is connected with the potential possibilities of using the collected theoretical and linguistic material in the professional activities of a translator, lexicographer, terminologist, lexicologist, and teacher of foreign languages.

Keywords: loan words, interlexemes, internationalisms, corpus, nostalgia, emotions, etymology

For citation:

Sorokina, E. A. & Tarasova, O. D. (2025). Experience of comparative-contrastive analysis of the vocabulary of emotions (based on the Russian word “nostalgia” and its English equivalent). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 69–83. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-69-83>

Введение

Эмоциональная сфера издревле интересовала учёных. Мировой науке известны многие попытки дать определение понятию «эмоция» и классифицировать данное явление в философии, психологии, социологии, медицине и в других отраслях научного знания. В языкознании внимание к вербализации эмоций было связано с расцветом антропологистики, которая в центр исследования ставит человека, а также любую его деятельность, в том числе психическую реакцию индивида.

Несмотря на довольно широкое освещение темы эмоций в научно-исследовательских трудах, вопрос о соответствии наименований эмоциональных состояний в различных языках по-прежнему остро стоит перед учёными.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена важностью установления этно-специфических и общих черт в способах вербализации понятий в различных лингвокультурах. Сравнительные исследования такого рода способны дополнить сведения по особенностям специфики национальной лингвокульту-

ры. И при этом особую значимость приобретает изучение слов эмоциональной сферы, поскольку известно, что, несмотря на универсальность эмоций как таковых, одно и то же переживание может иметь некоторые отличительные особенности в проявлении у представителей разнотипных лингвокультур. Следует отметить и то, что часто интернациональная лексема, называющая ту или иную эмоцию, может иметь неодинаковое смысловое наполнение в разных лингвокультурах.

В нашей статье предпринята попытка сопоставить понимание интернациональной лексемы «ностальгия» в русской и в английской лингвокультурах, выявить сходства и различия в восприятии понятия, обозначенного данной лексемой.

Даже краткий обзор современной отечественной научной литературы позволяет говорить о том, что понятие, обозначенное словом «ностальгия», вызывает интерес у представителей разных отраслей научного знания. В современных науках накоплен достаточный опыт изучения феномена «ностальгия» в маркетинге (Д. А. Лашков¹, К. И. Шарафадина²), туризме (Е. Г. Мартьянова³), в философии (Л. В. Чеснокова⁴), в качестве

культурного (А. В. Головань⁵), социального (В. В. Кузеванова⁶), психологического явления (М. С. Сороцкий⁷).

При лингвистическом подходе к пониманию понятия *ностальгия* можно выделить следующие направления исследований: *ностальгия по советскому времени* – в пространстве интернета (Ю. А. Говорухина, П. П. Каминский, В. А. Суханов⁸), в медийных текстах (Т. В. Шмелева⁹); *ностальгия в произведениях художественной литературы* – в творчестве И. А. Бунина (Е. А. Попова¹⁰), Дж. Пристли (Ю. В. Чернова¹¹), в литературе, созданной славянскими писате-

ник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (37). С. 65–70. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-37-65-70.

¹ Лашков Д. А. Ностальгический маркетинг как способ привлечения и удержания потенциальных потребителей // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 181–184.

² Шарафадина К. И. Синдром ностальгии по державности в рекламно-номинаторских приоритетах Санкт-Петербурга // Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12 февраля 2015 г.). СПб.: СПбГУП, 2015. С. 78–80.

³ Мартьянова Е. Г. Ностальгический туризм как одно из перспективных направлений этнокультурного туризма (на примере Тульской области) // Развитие туризма и туристской деятельности в России и за рубежом: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 31 октября 2016 г.). Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2016. С. 39–65.

⁴ Чеснокова Л. В. Тоска по дому и тяга к странствиям как два полюса человеческого бытия // Вест-

⁵ Головань А. В. Ностальгия как культурный феномен: дискурсы прошлого в модерне и постмодерне // Научные высказывания. 2024. № 8 (55). С. 14–20.

⁶ Кузеванова В. В. Социологические аспекты социальной ностальгии // Научный журнал Дискурс. 2018. № 11 (25). С. 141–146.

⁷ Сороцкий М. С. Метаморфозы уныния: меланхолия, сплин, хандра, ностальгия // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2016. № 1 (17). С. 48–56.

⁸ Говорухина Ю. А., Каминский П. П., Суханов В. А. Ностальгия по советскому в пространстве Интернета: самоорганизующаяся ностальгия // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Томский государственный университет, 2011. С. 438–448.

⁹ Шмелева Т. В. Ностальгия как культурообразующий смысл современной российской жизни // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Томский государственный университет, 2011. С. 72–82.

¹⁰ Попова Е. А. «Ностальгия» в индивидуально-авторской картине мира И. А. Бунина // VI Семеновские чтения: наследие П. П. Семенова-Тян-Шанского и современная наука: материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, 19–20 мая 2017 г.). Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 334–337.

¹¹ Чернова Ю. В. Ностальгия по «старой доброй Англии» в романах Дж. Б. Пристли «Добрые друзья» и «Дядя Ник и варьете» // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 3 (36). С. 50–56. DOI: 10.24411/2079-1100-2019-00033.

лями-эмигрантами (Л. В. Первушина¹); *ностальгия в разных культурах* – в русской ментальности (З. П. Табакова²), в удмуртской лингвокультуре (Т. Р. Душенкова³), в англоязычном веб-мультсериале (Д. М. Турунов, К. Е. Кузьменкова⁴), в британском прогрессив-роке (Е. А. Савицкая⁵).

Научная новизна данной работы заключается в проведении сравнительно-сопоставительного исследования функционирования слов «ностальгия» / «nostalgia» в русском и английском языках в диахроническом аспекте.

Объектом исследования явились интернациональные лексемы «ностальгия» и «nostalgia» в русской и в английской культурах соответственно. Предметом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры русской и английской лексем «ностальгия» / «nostalgia» с учётом их диахронического развития.

К вопросу о проблеме заимствования

Известно, что взаимодействие народов между собой, контакты стран существенно способствуют развитию лексического фонда языков, обогащая их новыми словами, или заимствованиями. На данный момент однозначной позиции так и не выработано, насколько полезны или вредны заимствования для языка в целом [1, с. 124]. Однако очевидно, что идея крайнего пуризма однозначно бесперспективна, поскольку языковые контакты – это естественный процесс, на который невозможно оказать влияние. Тем не менее защита родного языка и попытка регуляции проникновения чрезмерного количества заимствований является вполне современной задачей лингвоэкологии, в русле которой в настоящее время пишется большое количество научных работ [2, с. 51]. Непрерывная языковая коммуникация между государствами и их представителями приводит к расширению фонда интернационализмов, которые способствуют межъязыковому пониманию, укреплению международных связей и развитию науки и техники.

В настоящее время известны многочисленные определения, которыми объясняется понятие «интернационализм». В качестве рабочего нами используется такое: интернационализмы представляют собой слова единого происхождения (чаще всего греческого или латинского), сосуществующие в разных языках вне зависимости от того, насколько близки или далеки их семантические характеристики. Критериями интернациональных слов являются сходство в графическом и фонетическом оформлении либо в одном из них, совпадение в одном или нескольких из основных значений⁶.

Многими лингвистами отмечается, что интернационализмы характеризуют-

¹ Первушина Л. В. Ностальгия как творческий импульс в произведениях славянских писателей-эмигрантов в США // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2018. № 1 (92). С. 125–132.

² Табакова З. П. Концепт *ностальгия* в русской ментальности // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 18 (4). С. 49–55.

³ Душенкова Т. Р. Ностальгия и тоска в удмуртской лингвокультуре: к постановке вопроса // Национальные культуры Урала. Традиционная народная культура в современном полиэтничном пространстве: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 08 октября 2015 г.). Екатеринбург: Центр традиционной народной культуры Среднего Урала, 2015. С. 30–38.

⁴ Турунов Д. М., Кузьменкова К. Е. Переосмысление концепции ностальгии в веб-мультсериале «Интерфейс» // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы XXII Международного научно-творческого форума (Челябинск, 14–15 ноября 2023 г.). Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2023. С. 260–262.

⁵ Савицкая Е. А. Меланхолия и ностальгия в британском прогрессив-роке // Художественная культура. 2022. № 4 (43). С. 396–427. DOI: 10.51678/2226-0072-2022-4-396-427.

⁶ Интернационализмы. Большой энциклопедический словарь // Портал SLOVARonline. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/25785-ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ> (дата обращения: 27.10.2024).

ся распространённостью более чем в двух языках [см., напр., 3, с. 33].

Известно, что по причинам как лингвистическим, так и экстралингвистическим значения интернационализмов могут претерпевать семантические изменения в принимающих языках: например, такие как расширение и сужение значения, специализация значения и обобщение, метафорический и метонимический переносы, получение новых коннотативных (мелиоративный, пейоративный) оттенков значения. Многие лингвисты усматривают такую тенденцию в связи со «всеобщей переоценкой ценностей»: изменение отрицательной коннотации на нейтральную или положительную. Так, исследователь Л. П. Лобковская считает, что это связано с тем, что при вхождении в язык-акцептор слово априори «чуждо» языку и поэтому обладает отрицательной стилистической окраской вне зависимости от его изначального денотативного значения [4, с. 137–138].

В современной лексикологии установлено, что интернациональной лексике отводится особая роль в языке как словам, номинирующим важнейшие понятия мировой культуры, способствующим межкультурной коммуникации.

Понятие «ностальгия» в русской лингвокультуре

Слово «ностальгия» относится к интернациональной лексике, поскольку присутствует в лексике многих языков, например, *nostalgia* (англ.) – *Nostalgie* (нем.) – *Nostalgie* (фр.) – *nostalgia* (итал.).

Согласно Большому толковому словарю русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, лексема *ностальгия* имеет два значения: 1. *книжн.* тоска по родине, по родному дому; 2. по чему. *разг.* тоска о прошлом, о пережитом, об утраченном¹.

¹ Ностальгия. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=ностальгия&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=ностальгия&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 22.10.2024).

Данная лексема может функционировать как термин. Например, Толковый словарь психиатрических терминов определяет её как «болезненное чувство тоски по родине, принимающее иногда форму тяжелого невротического или психотического состояния, протекающего с гипотимией, бессонницей»².

Обращает на себя внимание тот факт, что часто лексикографические определения даются через другую эмоцию – вербализованную русским словом *тоска*. Необходимо подчеркнуть, что данная русская лексема не имеет полного эквивалента в английском языке. Как замечает А. Д. Шмелев, русскоязычное слово обладает национальной специфичностью [5, с. 31]. Это позволяет предположить, что русская «ностальгия» не может рассматриваться тождественной англоязычной.

Отметим, что в философских словарях «ностальгия» противопоставляется *надежде* и *благодарности*, отличается от *сожаления*³. Это явление трактуется как «комплекс устойчивых долговременных негативных психических переживаний экзистенциального характера» и «сочетается с состоянием одиночества, *грусти*, ощущением взаимной *отчужденности*»⁴. В философском понимании *ностальгия* может быть соотнесена с такими эмоциональными состояниями, как *сожаление*, *грусть*, *отчуждённость*, и имеет отрицательную коннотацию.

Этимологические словари не дают никакой информации, кроме того, что слово происходит от греч. *nostos* – «воз-

² Ностальгия. Толковый словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс] // GUFO: [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/psychiatry_terms/Ностальгия (дата обращения: 10.09.2024).

³ Ностальгия. Философский словарь Спонвиля [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/1243/Ностальгия (дата обращения: 25.09.2024).

⁴ Ностальгия. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/836/НОСТАЛЬГИЯ (дата обращения: 15.10.2024).

вращение домой», algos – «боль». Эти данные позволяют судить об изначальном значении в греческом языке, которое полностью было передано на русский язык через значение «тоска по родине», и можно заключить, что именно оно было первичным при заимствовании.

Для получения дополнительной информации о первых зафиксированных значениях лексемы «ностальгия» обратимся к ресурсу Google Books Ngram Viewer, который представляет собой базу данных оцифрованных печатных изданий с XVI в. по 2020 г. (см. рис. 1).

Полученные результаты анализа ресурса указывают на то, что слово «ностальгия» появилось в русской лексике ближе к 1920 г., и присутствие его отмечено небольшим количеством примеров. Самое раннее доступное к просмотру печатное издание датируется 1937 г. Это журнал «Театр», где «ностальгия» имеет значение «тоска по прошлому»: «грызет

их ностальгия о юности этого театра», «ностальгия по старой оперетте»¹.

Скорее всего, появление слова «ностальгия» в печатных изданиях связано с первой волной эмиграции интеллигенции (в том числе – писателей) после известных событий 1917 г. Находясь за рубежом, представители русской культуры обрели свободу самовыражения, с одной стороны, а с другой стороны – чувство тоски по Родине и невозможность вернуться усложнили их жизнь. Всё это воплотилось в многочисленных произведениях, что повлияло на подъём русской литературы зарубежья.

Но с 70-х гг. XX в. начался резкий рост числа употреблений рассматриваемой лексемы вплоть до 2004 г. После чего произошло падение числа словоупотреблений; повторный подъём начался примерно в 2015 г.

Дальнейший резкий подъём 1970-х гг. использования слова, возможно, связан с

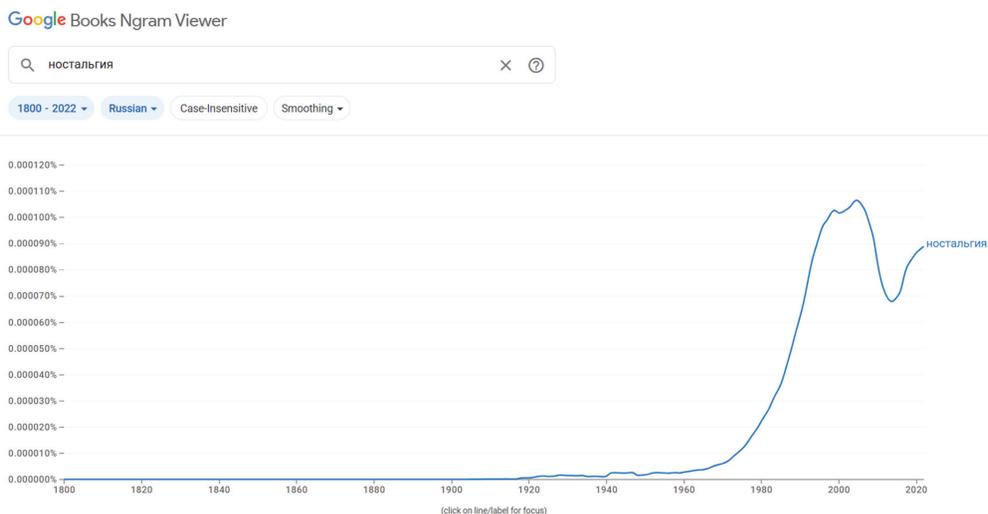

Рис. 1 / Fig. 1. График фиксации лексемы «ностальгия» в оцифрованных печатных изданиях с XVI в. по 2020 г. / Graph of the fixation of the lexeme “ностальгия” (nostalgiya) in digitalized printed publications from the 16th century to 2020

Источник: Google Books Ngram Viewer: [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 01.10.2024).

¹ Театр. Ежемесячный журнал театрального творчества и критики [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LxFAC> (дата обращения: 02.10.2024).

третьей волной эмиграции. Известно, что этот период в русской литературе характеризуется строгой цензурой, и использование слова «ностальгия» в значении «тоска по Родине», по всей видимости, соответствовало советской идеологии, повышало ценность России в глазах читателя. Так, например, в базе данных ресурса имеется упоминание фильма «Ностальгия» Андрея Тарковского, который был снят в 1983 г. в Италии, и в котором режиссёр попытался раскрыть понятие *самобытной русской ностальгии*.

Знаменательно, что во многих источниках 1970–1980-х гг. происходят попытки дать определение понятию «ностальгия», проследить изменения в его значении. Так, в журнале «Русская речь» (1976) указано, что традиционно *ностальгия* – «тоска по родине», но в связи с недавними семантическими изменениями «новоприобретенный показатель синтаксической связи “по” таит в себе в конечном счете и возможность присоединения самых разных слов и словосочетаний»¹.

В книге «Трудности русского языка (справочник журналиста)» (1981) ставится вопрос о соотношении понятий *тоска* и *ностальгия*: «слово “ностальгия”, обозначающая видовое понятие, не синонимично слову *тоска*»².

В справочном пособии по произношению, ударению и словоупотреблению «Правильно ли мы говорим по-русски?» (1980) Л. И. Скворцов дефинирует *ностальгию* прежде всего как тоску по Родине и указывает на переносное значение «печаль по прошлому»³.

Впрочем, в изданиях данного периода «ностальгия» в первом значении также

встречается. Так, в книге воспоминаний «Человек с двойным дном» А. Глезера (1979) находим: «Уже заранее в их сердцах, как у автора этих строк, возникает, рождается злая, как мачеха, *ностальгия*. Но уезжают. *Ностальгия* по России. *Ностальгия* у еврея»⁴.

При обращении к последним изданиям, доступным для просмотра в данной базе, обнаруживается, что лексема в настоящее время часто используется в заголовках книг: «*Ностальгия* (Записки детдомовца)» (Н. М. Николаев, 2019)⁵, «*Ностальгия* по самому себе» (Э. Арзунян, 2021)⁶, «*Ностальгия* по двадцатым» (Ю. Елисеев, 2020)⁷, «*Ностальгия* по моей Родине на материке. ГУЛАГ. Воркута и моя Родина» (В. Герун, 2022)⁸.

В данном ресурсе нами были отмечены такие значения у лексемы *ностальгия*, как «тоска по родине», «тоска по прошлому». Отметим, что первые употребления данной лексемы в русскоязычных источниках не были связаны с психологией и психиатрией, т. е. специального терминологического (профессионального) значения не обнаружено.

Понятие “nostalgia” в английской лингвокультуре

Для уточнения значения английского эквивалента “nostalgia” обратимся к толковым словарям. Заметим, что нас интересует британский вариант английского языка.

¹ Читатели обсуждают и уточняют. *Ностальгия* // Русская речь. 1976. № 1. С. 144–145.

² Трудности русского языка (справочник журналиста) / под ред. Л. И. Рахмановой; авт.-сост. В. Н. Вакуров, Л. И. Рахманова, И. В. Толстой, Н. И. Формановская. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 220.

³ Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски? М.: Знание, 1980. С. 163.

⁴ Глезер А. Человек с двойным дном (книга воспоминаний). Париж: Третья волна, 1979. С. 209.

⁵ Николаев Н. М. *Ностальгия* (Записки детдомовца). М.: Прометей, 2019. 110 с.

⁶ Арзунян Э. *Ностальгия по самому себе*: сборник эссе. СПб.: Реноме, 2021. 372 с.

⁷ Елисеев Ю. П. *Ностальгия по двадцатым* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/uriy-eliseev-22882091/nostalgiya-po-dvadcatym-57337813/chitat-onlayn> (дата обращения: 25.09.2024).

⁸ Герун В. *Ностальгия по моей Родине на материке*. ГУЛАГ. Воркута и моя Родина. Екатеринбург: Ridero, 2019. 82 с.

Словарь английского языка Collins English Dictionary даёт следующие дефиниции: 1. сильное желание вернуть прошлые обстоятельства, события и т. д. (*a yearning for the return of past circumstances, events, etc*); 2. пробуждение этой эмоции, как в книге, фильме и т. д. (*the evocation of this emotion, as in a book, film, etc*); 3. тоска по дому или семье (*longing for home or family; homesickness*)¹.

Установлено, что в сравнении с русским словом «ностальгия» у англоязычного “nostalgia” появляется ещё одно значение (2) – это вызов чувства *ностальгии*, и акцент сделан на объектах, которые могут стать источником этого переживания. Думается, что данное значение соотносится с американским: “something that evokes nostalgia” (что-то, что вызывает ностальгию)². Примерами могут послужить “an evening of TV nostalgia” (вечер телевизионной ностальгии), “the books are not nostalgia” (книги – не ностальгия).

Другие англоязычные толковые словари дают более краткие определения: «чувство удовольствия, а также лёгкая грусть, когда думаешь о вещах, произошедших в прошлом» (*a feeling of pleasure and also slight sadness when you think about things that happened in the past*)³, «грустное чувство, смешанное с удовольствием, когда вы думаете о счастливых временах в прошлом» (*a sad feeling mixed with pleasure when you think of happy times in the past*)⁴.

¹ Nostalgia [Электронный ресурс] // Collins English Dictionary: [сайт]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/nostalgia> (дата обращения: 25.09.2024).

² Nostalgia [Электронный ресурс] // Merriam-Webster dictionary: [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/nostalgia> (дата обращения: 20.09.2024).

³ Nostalgia [Электронный ресурс] // Cambridge dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/nostalgia> (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ Nostalgia noun [Электронный ресурс] // Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/nostalgia?q=nostalgia> (дата обращения: 17.10.2024).

Обращает на себя внимание тот факт, что в обоих случаях наряду с негативным чувством грусти (*sadness, a sad feeling*) появляется положительное чувство – удовольствие (*pleasure*).

В первом определении *грусть* становится лёгкой и светлой (*slight sadness*), значение слова “nostalgia” приобретает более позитивный оттенок. В английской языковой картине мира «ностальгия» дефинируется через *yearning* (томление), *longing* (тоска), *sadness* (грусть) и *pleasure* (удовольствие), что указывает на достаточно сложную эмоцию, включающую в себя смешанные и противоречивые переживания.

Заметим, что эмоциональное переживание «ностальгия» в русском языке не относится к положительному, в отличие от английского языка. Впрочем, объект *ностальгии* в значении «тоска по прошлому», действительно, связан с выдвиганием позитивных моментов на передний план и умалением негатива прошлого [6, с. 209–210].

Сопоставительный анализ лексем по корпусам

Обратимся к Национальному корпусу русского языка⁵ и Британскому национальному корпусу (BNC)⁶.

В основном корпусе НКРЯ нами были обнаружены следующие значения:

– Тоска по прошлому и по Родине как негативное переживание: «белые генералы и офицеры, которые, измученные *ностальгией* и нуждой, подписали пропагандистско-покаянные письма», «Советский стиль, искусственно поддерживающий в обществе губительную в моральном плане *ностальгию* по Совдепии», «в которой я играю немку-эмигрантку в Америке, играю безысходную

⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

⁶ British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 25.09.2024).

ностальгию», «в самый раз показать, как жалка участь беглеца, как терзает душу *ностальгия*». В предложенных примерах прилагательные и глаголы, находящиеся в окружении исследуемого слова, обладают негативной коннотацией.

– Тоска по прошлому как частично позитивное переживание (редкие примеры): «в аптечных дозах *ностальгия* вдохновляет, как это было с “Бегом”, в больших – уничтожает, как мышьяк, тому примеров масса», «Штрихи его карандаша легли тонкой вуалью и создали атмосферу светлой печали и *ностальгии* о минувшем». Понятие «светлой печали», которое ставится автором в один ряд с *ностальгией*, говорит нам о том, что эти переживания могут быть схожи в данном контексте. Светлая печаль указывает на наличие семы радости, так как согласно словарю Д. Н. Ушакова «светлый» имеет переносное значение «радостный, веселый, ничем не омраченный, приятный (книжн., поэт.)»¹.

Толковые словари русского языка односторонне рассматривают *ностальгию* как негативное переживание. В текстах были отмечены примеры употребления данной лексемы в частично положительном ключе. Возможно, это связано с большим влиянием английского языка на другие и проникновением не только слов, но и мировоззрения в русскую культуру. Также это может быть обусловлено тем, что изучаемые лексемы являются интернациональными, отсюда и понимание их сути как идентичных.

Были отмечены случаи употребления изучаемой лексемы в абсолютно положительном ключе в статьях, посвящённых маркетингу. В статье «Как чувство *ностальгии* помогает бренду продвигать свой продукт» в блоге компании Тинькофф утверждается, что *ностальгия* вызывает «приятные воспоминания о прошлом, улыбку на лице и желание по-

чувствовать давно забытые ощущения», и рассказывается об эффективности «ностальгического маркетинга»².

В другой статье «Ностальгия как способ воздействия на потребителей в дизайне рекламы» авторы определяют *ностальгию* как сентиментальное чувство стремления к несбыточному счастью. Несмотря на то, что в статье признаётся, что *ностальгия* – это *тоска* по прошлому, тем не менее предлагается «стимулировать тоскливое желание», привлекая аудиторию на «сентиментальном и эмоциональном уровнях». Наблюдается влияние зарубежного опыта: приводятся цитаты из работы английского исследователя, который говорит о позитивном влиянии *ностальгии* на человека: *ностальгия* вызывает положительные эмоции счастья, уверенности и оптимизма, способна улучшить настроение, когда человек подавлен. Таким образом, можно сделать вывод о влиянии английского понимания *ностальгии* на русскую языковую картину мира [7, с. 72].

Исследуя аудиорекламу и её языковые возможности влияния и манипулирования слушателями, Л. В. Судина, обращаясь к эмоциям, вызванным у потенциальных потребителей, ставит в один ряд с *ностальгией* такие положительные эмоции, как *радость, уверенность, гордость, воодушевление*, что даёт основание сделать вывод о мелиоративной коннотации исследуемой лексемы [8, с. 556].

А. С. Чикишева, рассматривая феномен *ностальгии* в культурологии многоаспектно, выделяет шесть возможных определений, одно из которых сводится к пониманию данного явления как «эстетической метафоры». В подобном взгляде на *ностальгию* наблюдаются высокая оценка прошлого как чего-то красивого и противопоставление традиций новиз-

¹ Светлый [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68310> (дата обращения: 10.09.2024).

² Голенкова М. Как чувство ностальгии помогает бренду продвигать свой продукт [Электронный ресурс] // Бизнес-секреты: [сайт]. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/blogi-kompanij/nostalgiya-i-brening> (дата обращения: 15.10.2024).

не, новаторству [9]. Именно этот подход применяется в маркетинге: образы прошлого используются для придания большей привлекательности товарам и услугам.

Помимо очевидной семантической связи *ностальгии* с другими эмоциями (*тоска*), также отмечается её соотношение с желанием, мечтой, с одной стороны, с памятью и воспоминаниями и, соответственно, рефлексией (от лат. «возвращение назад»), с другой [10, с. 699].

На наш взгляд, в современном значении изучаемой лексемы именно эта ассоциация с воспоминаниями акцентируется, привнося положительную коннотацию. Подтверждение находим в работе Махмуда Ага Мунира [11, с. 84], посвящённой российской интернет-рекламе, где автор пишет об эпитетах, «вызывающих *ностальгию / воспоминания*», давая данные лексемы через косую черту.

Обратившись к словарям, находим, что для русской лексемы «ностальгия» в качестве синонима предложено словосочетание «тоска по родине»¹, в то время как для английского “nostalgia” синонимичный ряд представлен гораздо многочисленнее: *reminiscence, longing, regret, pining, yearning, remembrance, homesickness, wistfulness, regretfulness, bittersweet memory, languishing, remorse*².

Английские синонимы могут быть распределены по группам согласно оттенкам их значения. Наблюдается связь “nostalgia” с *воспоминанием* (*reminiscence, remembrance, bittersweet memory*), с *тоской, томлением* (*longing, pining, yearning, homesickness, languishing, wistfulness*), с *сожалением* (*regretfulness, remorse, regret*).

Заметим, что общим синонимом является «тоска», а значения «воспомина-

ние» и «сожаление» присущи английской лингвокультуре, что вновь даёт нам возможность сделать вывод о влиянии английского языка на русский: значение воспоминания в упомянутых выше примерах привнесено в маркетинг из другого языка. Следует обратить внимание, что в английском языке все синонимы обладают либо нейтральной коннотацией (*reminiscence, remembrance*), либо смешанной (*bittersweet memory* – горько-сладкое воспоминание), но в большинстве своём отрицательной (*wistfulness, remorse* и пр.).

В Британском национальном корпусе представлены примеры, в которых отмечены значения лексемы “nostalgia” как положительного, так и отрицательного переживания.

– Тоска по прошлому и по Родине как негативное переживание: *She paused, surprised by the wave of pain and nostalgia that passed through her at the mention of the name, leaving her weak and trembling; what kind of programme could be derived from their aching nostalgia for a working-class world that was slipping away?; America was built on this kind of distress and its culture was enriched by literature and songs full of nostalgia, yearning and grief.* Здесь можно заметить сближение *ностальгии* с болью (*pain*), тоской (*yearning*), горем (*grief*).

– Тоска по прошлому как полностью позитивная эмоция (встречается реже): *It was a magical evening of pure nostalgia enjoyed by an audience from nine to 90 years of age.*

– Тоска по прошлому как частично позитивное переживание: *The fall, identified for so long with a sweet, sad nostalgia, a magnificence of gold and crimson under startling blue skies, became for us a nightmare; You don't realize that nostalgia is addictive. The pleasure it gives is rapidly subsumed by emotions that squeeze the heart.*

Следует заметить, что в английском языке наблюдается примерно одинаковое использование изучаемой лексемы как в негативном, так и в позитивном значении (частично или полностью), в то время как

¹ Ностальгия // Словарь синонимов русского языка: практический справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/fc/slovar-205-8.htm#zag-16507> (дата обращения: 22.10.2024).

² См. ранее: Nostalgia // Cambridge dictionary; Nostalgia // Collins English Dictionary.

в русском языке преобладает отрицательная коннотация.

Тем не менее ощущается тенденция к пониманию данного переживания как положительного, о чём свидетельствует статья из англоязычной Википедии, утверждающая, что *ностальгия* (*nostalgia*) – это независимая и даже положительная эмоция, имеющая важные психологические функции, такие как улучшение настроения, увеличение социальных связей, повышение самоуважения, предоставление экзистенциального смысла, сохранение культурного наследия, содействие психологическому росту¹.

Подобное отношение к изучаемому явлению находим и в других современных источниках, а именно в английских статьях из области психологии. В одном из подобных трудов признаётся, что *ностальгия* способна вызвать как положительные чувства, так и отрицательные: “contain strong themes of belonging and reference positive emotions like happiness and joy, but also negative emotions like sadness and yearning”. Однако утверждается, что в целом влияние на эмоциональное состояние в основном положительное [12].

Авторы другой статьи “Nostalgia, reflection, brooding: Psychological benefits and autobiographical memory functions” выражают схожую точку зрения, описывая *ностальгию* (*nostalgia*) как смешанную эмоцию, при этом более положительную (влекущую за собой нежность, теплоту, удовлетворение и радость), чем отрицательную (влекущую за собой тоску и печаль): “a sentimental longing or wistful affection for the past, a bittersweet emotion, albeit more positive (entailing tenderness, warmth, contentment, and joy) than negative (entailing missing and sadness)”. Отмечается, что *ностальгия* оказывает позитивный эффект, вызывая чувство собственного достоинства, чувство связи между прошлым и настоящим «я», опти-

мизм, чувство принадлежности и принятия [13].

По данным исследования М. П. Мурашовой, в русском языке существует закономерность использования лексемы «ностальгия» в сочетании с прилагательным «русский» и с местоимением первого лица множественного числа, что отличает её от английского эквивалента «nostalgia». Вслед за автором мы считаем, что этот показатель позволяет отнести её к коллективным эмоциям. Интересно, что в английских примерах использования лексемы «nostalgia» отмечается чувство общности нации, но это происходит большей частью за счёт обращения к прецедентным именам, которые формируют культурную память народа [14, с. 111].

В отличие от русскоязычной лексемы, этимологический словарь английского языка Online etymology dictionary² позволяет проследить судьбу её английского эквивалента “nostalgia”.

Слово впервые было упомянуто в 1688 г. в диссертации учёным Иоганном Хофером в качестве перевода немецкого *heimweh* «тоска по дому» (*home + woe*).

В 1726 г. лексема появилась в английском языке в качестве медицинского термина и обозначала болезнь: “morbid longing to return to one's home or native country, severe homesickness” (болезненное желание вернуться домой или в родную страну, сильная тоска по дому).

С 1745 г. французское слово *nostalgie* вошло в медицинские руководства французской армии в качестве термина, и первоначально болезнь считалась свойственной швейцарским военным. К 1830 г. слово использовалось в английском языке для обозначения любой сильной тоски по дому: у моряков, каторжников, африканских рабов и пр. Это был в основном военно-медицинский диагноз, который считался серьёзной медицинской проблемой во время Гражданской войны в США.

¹ Nostalgia [Электронный ресурс] // Wikipedia: [сайт]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Nostalgia> (дата обращения: 25.09.2024).

² Nostalgia // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/nostalgia> (дата обращения: 22.09.2024).

Переносный смысл, который в настоящее время является основным, “wistful yearning for the past” (тоскливое томление по прошлому) зафиксирован к 1920 г., возможно, из-за такого использования слова во французской литературе. Тоска по далёкому месту обязательно подразумевала разделение во времени.

График употребления слова “nostalgia”, построенный ресурсом Google Books Ngram Viewer, указывает на то, что лексема существовала с начала XIX в., но использовалась редко (см. рис. 2). Рост использования наблюдается с 1920 г. и стабильно идёт до 2018 г. Далее до настоящего времени подъём не наблюдается, и употребление сохраняется на том же уровне.

По всей видимости, до 1920 г. использовался медицинский термин в узкоспециальной литературе, отсюда и низкие показатели на графике; после этого в английском языке слово начинает использоваться в общепотребительном

значении и, вероятно, поэтому растёт его употребление в печатных источниках.

Первые печатные издания, доступные для просмотра в Google Books Ngram Viewer, относятся к XIX в. (в основном середина-конец XIX в.) и дают множество примеров использования “nostalgia” в качестве медицинского термина: “the *nostalgia*, or that longing desire for particular places which affects the mind and the health of the patient” (1855), “In the Army of the Moselle, and in Napoleon's Alpine Army, the terrible ravages of suicide among the young Bretons affected with *nostalgia* have been recorded” (1898), “a very singular malady, *nostalgia*, or homesickness” (1874).

Исследуемый материал показывает, что исследуемая лексема описывается как заболевание, которое воздействует на здоровье и сознание пациента и может стать причиной суицида.

Говоря о новейших печатных источниках, в которых наблюдается употребление слова, можно заметить схожую с

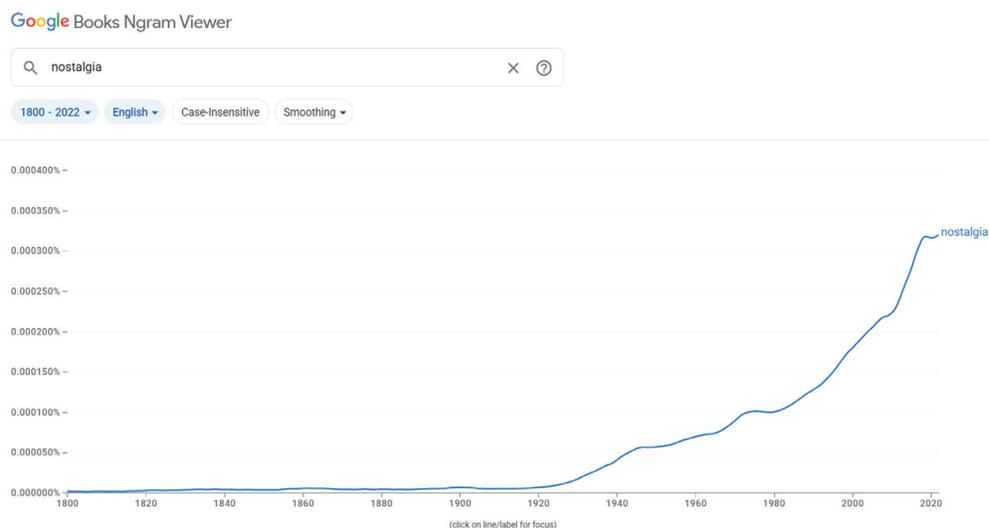

Рис. 2 / Fig. 2. График фиксации лексемы “nostalgia” в оцифрованных печатных изданиях с XVI в. по 2020 г. / Graph of the fixation of the lexeme “nostalgia” in digitalized printed publications from the 16th century to 2020

Источник: Google Books Ngram Viewer: [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 01.10.2024).

русским языком тенденцию – использование лексемы в названиях книг: “Screening American Nostalgia, Essays on Pop Culture Constructions of Past Times” (2021)¹; “Nostalgia. Notes on Love, Heartbreak, & Hope.” (2020)²; “Netflix Nostalgia. Streaming the Past on Demand” (2019)³.

На наш взгляд, подобное использование лексем «ностальгия» и “nostalgia” в XXI в. позволяет говорить о высокой значимости данного эмоционального переживания (с аксиологической точки зрения) для представителей лингвокультур.

Заключение

Проведённое сопоставительное исследование позволяет сделать выводы об общих и специфических чертах понятия «ностальгия» в русском и английском языках.

К чертам сходства можно отнести следующие:

1. Одинаковая значимость эмоционального переживания «ностальгия» для русской и английской лингвокультур в XXI в., на что указывают многочисленные книги с заголовками *ностальгия – nostalgia*.

2. Сходство проявляется и в том, что первая фиксация слов *ностальгия – nostalgia* по времени совпадает: лексемы появляются в начале XX в. Согласно графикам ресурса Google Books Ngram Viewer, в обеих лингвокультурах заметный рост использования лексем наблюдается с 1920 г.

3. В обоих языках отмечается прямая связь между понятиями «ностальгия» и «тоска», но при этом данные лексемы (а значит – и сами понятия) не являются тождественными.

4. В обоих языках и культурах наблюдается постепенное формирование восприятия «ностальгии» как положительного чувства.

В качестве специфических особенностей выделяем:

1. В русском языке первое зафиксированное значение лексемы «ностальгия» как «тоска по Родине» отличается принадлежностью к общеупотребительному языку. В английском языке лексема “nostalgia” первоначально использовалась в значении «болезненное состояние, способное привести к страданиям и смерти», и этим характеризуется отношение к специальной, профессиональной лексике (язык медицины).

2. У английской лексемы отмечается дополнительное значение «вызов ностальгии» (в книге, фильме и т. п.).

3. В английском языке, в отличие от русского, понятие “nostalgia” часто соотносится с «воспоминанием» и «сожалением».

4. Согласно данным толковых словарей, лексемы «ностальгия» и “nostalgia” имеют различия в описании эмоций. В русском языке понятие «ностальгия» понимается в основном как негативная эмоция. А в английском языке эмоциональное переживание, связанное с этим понятием, чаще трактуется как смешанное чувство.

5. В русской культуре «ностальгия» соотносится с негативной эмоцией «тоска». А её английский эквивалент “nostalgia” имеет корреляцию как с отрицательными эмоциями “yearning” / “longing” (тоска), “grief” (горе), “sadness” (грусть), так и с положительными “joy” (радость), “happiness” (счастье), “pleasure” (удовольствие).

Проведённое исследование и его результаты имеют теоретическое значение прежде всего для лексикологии и лексикографии, поскольку уточняют и расширяют уже имеющиеся сведения о понятии «интернационализм», вносят определённый вклад в развитие семасиологии и стилистики, терминоведения и

¹ Screening American Nostalgia: Essays on Pop Culture Constructions of Past Times / ed. S. Flynn, A. Mackay. Jefferson, North Carolina: McFarland, 2021. 217 p.

² Karsen L. Nostalgia. Notes on Love, Heartbreak, & Hope. Seattle: Amazon Digital Services LLC – Kdp. 2020. 118 p.

³ Netflix Nostalgia. Streaming the Past on Demand / ed. K. Palliste. London: Lexington Books. 2019. 268 p.

переводоведения. Методика анализа интернационализма, созданная на примере *ностальгия / nostalgia*, может быть использована при изучении функционирования в национальных лингвокультурах других интернациональных лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокина Э. А. Основы языкознания: учебник для студ. филол. спец. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 217 с.
2. Васильев М. В. Эмотивный компонент в политическом Twitter-дискурсе // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 апреля 2020 г.). М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 50–55.
3. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 273 с.
4. Лобковская Л. П. К проблеме изменения оценочной коннотации заимствований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7 (41). С. 136–139.
5. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 25–36. (Серия: Язык. Семиотика. Культура).
6. Мустайоки А. Ностальгия по советскому прошлому // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Т. 2. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2009. С. 209–220.
7. Ажгихин С. Г., Грицык Е. И. Ностальгия как способ воздействия на потребителей в дизайне рекламы // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 1 (76). С. 71–74.
8. Судина Л. В. Специфика функционирования концепта семья в рекламном дискурсе на радио // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2 (86). С. 551–559. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-551-559.
9. Чикишева А. С. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании // Культурологический журнал (электронный научный журнал). 2012. № 3 (9). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11 (дата обращения: 15.09.2024).
10. Михайлова О. А. Слово ностальгия в современном русском языке: к вопросу о семантической эволюции // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета (Екатеринбург, 19–20 апреля 2011 г.): в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. С. 697–699.
11. Махмуд Ага М. Языковые средства создания образа в интернет-рекламе (на материале веб-версии меню ресторанов) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18. № 1. С. 82–86. DOI: 10.14529/ling210113.
12. Abeyta A. A., Pillarisetty S. Nostalgia supports a meaningful life // *Current Opinion in Psychology*. 2023. Vol. 49. Article ID 101520. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101520.
13. Nostalgia, reflection, brooding: Psychological benefits and autobiographical memory functions / T. Jjiang, W.-Y. Cheung, T. Wildschut, C. Sedikides // *Consciousness and Cognition*. 2021. Vol. 90. Article ID 103107. DOI: 10.1016/j.concog.2021.103107.
14. Мурашова Е. П. The dynamics of the semantic changes of the term “nostalgia” as a key component of retro (Динамика семантических изменений термина «ностальгия» как ключевого компонента ретро) // Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 103–122. DOI: 10.25076/vpl.41.06.

REFERENCES

1. Sorokina, E. A. (2012). *Fundamentals of linguistics*. Moscow: MRSU Ed. Office publ. (in Russ.).
2. Vasiliyev, M. V. (2020). Means of expressing emotions in political twitter-discourse. In: *Current issues in variantology, communication science and cognitive science: Proceedings of the International scientific and practical conference (Moscow, April 24, 2020)*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 50–55 (in Russ.).

3. Skuratov, I. V. (2006). *Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
4. Lobkovskaya, L. P. (2009). To the problem of changing evaluative connotation. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 7 (41), 136–139 (in Russ.).
5. Shmelev, A. D. (2005). Lexical composition of the Russian language as a reflection of the “Russian soul”. In: *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury publ., pp. 25–36 (in Russ.).
6. Mustajoki, A. (2009). Nostalgia for the Soviet Past. In: *Soviet Past and Culture of the Present: in 2 vols. Vol. 2*. Ekaterinburg: Ural State University named after M. Gorky publ., pp. 209–220 (in Russ.).
7. Azghikhin, S. G. & Gritsyk, Y. I. (2020). Nostalgia as a method of impact on consumers in advertising design. In: *Cultural Studies of Russian South*, 1 (76), 71–74 (in Russ.).
8. Sudina, L. V. (2021). The Concept of Family in Advertising Discourse: Linguistic and Pragmatic Aspects. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 23 (2), 551–559. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-551-559 (in Russ.).
9. Chikisheva, A. S. (2012). Phenomenon of nostalgia and its problematisation in contemporary cultural research. In: *Journal of Cultural Research (electronic scientific journal)*, 3 (9). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11 (accessed: 15.09.2024) (in Russ.).
10. Mikhailova, O. A. (2011). The word nostalgia in the modern Russian language: on the issue of semantic evolution. In: *20 years of post-Soviet Russia: crisis phenomena and modernization mechanisms: materials of the XIV All-Russian scientific and practical conference of the Humanitarian University (Ekaterinburg, April 19–20, 2011): in 2 vols. Vol. 1*. Ekaterinburg: University for Humanities publ., pp. 697–699 (in Russ.).
11. Mahmoud Agha, M. (2021). Linguistic Means to Create an Image via Online Advertising (the Case of Online Restaurant Menu). In: *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 18 (1), 82–86. DOI: 10.14529/ling210113 (in Russ.).
12. Abeyta, A. A. & Pillarisetty, S. (2023). Nostalgia supports a meaningful life. In: *Current Opinion in Psychology*, 49, article ID 101520. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101520.
13. Jiang, T., Cheung, W.-Y., Wildschut, T. & Sedikides, C. (2021). Nostalgia, reflection, brooding: Psychological benefits and autobiographical memory functions. In: *Consciousness and Cognition*, 90, article ID 103107. DOI: 10.1016/j.concog.2021.103107.
14. Murashova, E. P. (2021). The dynamics of the semantic changes of the term “nostalgia” as a key component of retro. In: *Issues of Applied Linguistics*, 41, 103–122. DOI: 10.25076/vpl.41.06.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сорокина Эльвира Анатольевна (г. Химки) – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>; e-mail: ellazor@mail.ru

Тарасова Ольга Дмитриевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0000-0003-2549-023X>; e-mail: tarasovaod@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elvira A. Sorokina (Khimki) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology, Federal State University of Education;
<https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>; e-mail: ellazor@mail.ru

Olga D. Tarasova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Federal State University of Education;
<https://orcid.org/0000-0003-2549-023X>; e-mail: tarasovaod@mail.ru

Original research article

УДК 81'367.32

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-84-100

THE USE OF IMPERATIVES BY PUBLIC TRANSPORTATION (*ANGKOT*) DRIVERS IN BANDUNG CITY, INDONESIA

Supian^{1*}, Ladinata¹, R. Dallyono², R. S. Yudistira²

¹ Padjadjaran University, Jatinangor, Indonesia

² Indonesia University of Education, Bandung, Indonesia

* Corresponding author, e-mail: supian@unpad.ac.id

Received by the editorial office 09.10.2024

Revised by the author 29.11.2024

Accepted for publication 30.11.2024

Abstract

Aim. This research aims to investigate the variation of imperative mood in dialogic scenes between passengers and drivers in *Angkot*, a popular mode of public transportation in Bandung, Indonesia, by applying syntax and speech act approaches to identify communicative strategies and understand the imperative power of public transportation (*Angkot*) drivers in Bandung City.

Methodology. A qualitative approach was applied in this research. The data were collected through audio recordings (with the driver's permission) while traveling on the specified route.

Results. This study reveals that *Angkot* drivers predominantly use directive-imperative sentences, with commands (56.84%), advice (14.73%), and invitations (12.63%). These imperative sentences used by public transportation (*Angkot*) drivers play a crucial role in regulating and guiding their passenger behavior in the vehicle.

Research Implications. The research findings provide valuable insights into the dynamics of imperative sentences in the context of public transportation (*Angkot*) in Bandung City. It offers a comprehensive analysis of the communicative strategies used by drivers, classifying and identifying the types of imperative power, thereby enriching our understanding of discourse in public transportation interactions.

Keywords: imperative sentences, public transportation, *Angkot* drivers, communicative strategies, and speech acts

For citation:

Supian, Ladinata, Dallyono, R. & Yudistira, R. S. (2025). The use of imperatives by public transportation (*Angkot*) drivers in Bandung city, Indonesia. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 84–100. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-84-100>

Научная статья

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМПЕРАТИВОВ ВОДИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА («АНГКОТ») В ГОРОДЕ БАНДУНГ (ИНДОНЕЗИЯ)

Супиан^{1*}, Ладината¹, Далионо Р.², Юдистира Р. С.²

¹ Университет Паджаджаран, г. Джатинангор, Республика Индонезия

² Индонезийский университет образования, г. Бандунг, Республика Индонезия

* Корреспондирующий автор, e-mail: supian@unpad.ac.id

Поступила в редакцию 09.10.2024

После доработки 29.11.2024

Принята к публикации 30.11.2024

Аннотация

Цель. Данное исследование направлено на изучение вариации императивного наклонения в диалогических сценах между пассажирами и водителями «Ангкот», популярного вида общественного транспорта в городе Бандунг (Индонезия), с применением синтаксического и речевого подходов для выявления коммуникативных стратегий и понимания императивной силы водителей общественного транспорта в городе Бандунг.

Процедура и методы. В этом исследовании был применён качественный подход. Данные были собраны с помощью аудиозаписи (с разрешения водителя) во время поездки по указанному маршруту.

Результаты. Данное исследование показало, что водители «Ангкот» преимущественно используют директивно-императивные предложения, среди которых команды (56,84%), советы (14,73%) и приглашения (12,63%). Эти императивные предложения, используемые водителями общественного транспорта, играют важную роль в регулировании и направлении поведения пассажиров в транспортном средстве.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования представляют ценные сведения о динамике императивных предложений в контексте общественного транспорта «Ангкот» в городе Бандунг. Исследование предлагает всесторонний анализ коммуникативных стратегий, используемых водителями, классифицируя и идентифицируя типы императивной силы, что обогащает наше понимание дискурса во взаимодействиях в общественном транспорте.

Ключевые слова: императивные предложения, общественный транспорт, водители «Ангкот», коммуникативные стратегии, речевые акты

Для цитирования:

Использование императивов водителями общественного транспорта («Ангкот») в городе Бандунг (Индонезия) / Супиан, Ладината, Р. Далионо, Р. С. Юдистира // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 84–100. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-84-100>

Introduction

In practical implementation, utterances are not only used to convey information. However, its function is to express and achieve particular communication goals in conversation (Savolainen, Klippi, Tykky-

läinen & Launonen [1]; Bhatti & Kharitonova [2]; Dubrovchenko [3]). Furthermore, in a conversation, two or more individuals exchange words, sentences, expressions, information, thoughts, and ideas on a particular topic. The conversation between passengers

and a driver in public transportation is the focus of this research. This phenomenon is attributed to the fact that the interaction between passengers and a driver serves as a manifestation of the dynamic aspects of discourse in practical scenarios.

The communication between passengers and a driver on public transportation is not just about exchanging words. In addition, the role of a driver extends beyond being merely a driver or a provider of transportation services. Instead, a driver also plays a crucial role as a mediator who manages the dynamics of interaction within the vehicle. Communication between passengers and a driver involves sensitivity to individual needs and preferences. Therefore, an analysis of imperative sentences produced by drivers not only about the aspect of commands but also reflects their role as communication mediators in an often dynamic and complex environment. This phenomenon can be found in a public transportation in Indonesia, namely *Angkot*.

Angkot is one of the most popular modes of public transportation in Indonesia, especially in Bandung. In fact, *Angkot* is widely used as public transportation for urban or suburban residents in some parts of Indonesia. As a service provider, *Angkot* drivers emerge as a potential party to produce imperative sentences to regulate the situation inside of *Angkot*. Biryulin and Khrakovski [4], in a typologically significant work on imperatives, define imperative sentences as semantically conveying the idea that the speaker is telling the hearers that they intend some action (by a particular agent) to be produced by this information. Its definition incorporates the imperative directive function into its semantic framework, as exemplified by Hamblin [5], Barker [6], Han [7], and Jary & Kissine [8]. Theoretically, the imperative function tends to have a simple definition. We often use imperative sentences to ask or direct others to behave in a certain way, i.e. using directive speech acts (Faisal Septiaji, Safina, Sumarlam [9]). The examples of overtly directive speech acts are

commands and orders. However, it is generally recognized that the category of directive speech acts also includes more conciliatory requests, suggestions, and conciliatory appeals, as well as warnings and advice, prohibitions, and permissions (Haugh & Chang [10]).

Subsequently, imperative sentences are approached with a theoretical analysis of conventionalized indirect requests as demonstrated by Ruytenbeek [11]. His research argues that imperative utterances, where the request is presented as an explicature, should involve an additional inferential stage. For instance, Jary and Mikhail [12], based on their analysis, believe that imperatives have a potential to be considered as comparative concepts. Therefore, having a prototypical sentence types helps in forming a holistic concept of directive speech acts. The ability to perform communicative moves (in terms of getting the hearer to act) is possessed by both linguistic and non-linguistic features.

The syntactic representation itself creates a broader perspective on how imperatives are structured and function in achieving imperative power. Clark, Khaled, Kohn, and Armoskaite [13] stated that based on the forms 'let's talk x' and 'let's talk about x', argue that the choice of one form is an example of the affective domain intersecting with grammar. Moreover, imperatives have no direct relationship with non-linguistic aspects of communication, (such as orientation, micro-expressions, or gestures). Scarrantino [14] has highlighted that emotional expressions (compared to speech acts) have a less significant contribution to effective and robust communication. In this definition, imperative characteristics can be analyzed independently as a complete character of linguistic elements.

Several scholars have conducted research on the use of imperative in a specific situation (for instance, Auwera, Dobrushina & Goussev [15]; Nurmisliah, Otkariza, & Asridayani [16]; Szeteli, Dóla & Alberti [17]; Amral & Ulfah [18]; Yuniarsi, Supriadin, & Rahmawati [19]; Hariadi, Rahayu, & Hi-

dayat [20]; Rosmalia, Febrianti, Masduqi, & Zen [21]). The data, aims, methods, and objects used in these studies are different. Amral and Ulfah [18], for instance, identified the use of imperative sentence in utterances used by the people from Teluk Raya village, Jambi. The researchers revealed that there are five imperative sentences used by the people from Teluk Raya village: imperative sentence, request imperative, granting permit imperative, ask and order imperative. Moreover, there are also three kinds of speech acts occur in their daily communication: locutionary, illocutionary, and perlocutionary.

Meanwhile, Hariadi, Rahayu, and Hidayat [20] investigated the use of imperative sentences in transaction activities in shopping center in Langsa Town Square. They found that the dominant imperative sentence used by people in shopping center is the imperative sentence of request which indicates that the *Langsa* community has the value of politeness. The third study was conducted by Yuniarsi, Supriadin, and Rahmawati [19]. They revealed that Sumbawanese used several type of imperative sentences: command, request, invitation, suggestion, advice, prohibition, and compulsion. However, the participants frequently used the commands imperative sentences in their conversation.

Another study was conducted by Nurmisliah, Oktariza, and Asridayani [16] who analyzed imperative sentences in the *Jangkat Isolek* community. This study shows that each *Isolek* community uses specific conjunctions and particles to indicate imperative sentences in certain contexts. The researcher used three different methods: distributional method, translational method, and referential method. On the other hand, Szeteli, Dóla & Alberti [17], they explain that the use of imperative phrases in Hungarian are able to lead to further applicability as they can be read as instructions and declarations of the speaker's definite position, which is usually motivated by moral considerations.

Although there have been many studies on imperative sentences on a specific situa-

tion. However, the previous studies on imperative sentences mostly only focused on the description of imperative types in particular language (Supian, Ladinata & Dallyono [22]). Additionally, this object and situation of the current research are slightly different from the previous studies. The current research focused on an analysis of imperative sentences used by public transportation (*Angkot*) drivers. This research is worth analyzing since *Angkot* is the famous transportation used by Indonesian. Therefore, to fill the gap in the previous studies, this research aims to outline some general and specific forms of imperative power produced by public transportation (*Angkot*) drivers in Bandung City. Additionally, syntax and speech act approaches was applied in this research. Therefore, communicative strategies in delivering imperatives can be clearly identified. Hopefully, well-constructed imperatives can effectively create communicative events understood by both parties. This study also seeks to investigate the classification and types of imperative power and dominant actual discourse expressed by public transportation drivers in Bandung City.

Literature Review

Imperative

Imperatives make the recipient of the message take an action (Aikhenvald [23]; Biryulin & Khrakovski [4]; Searle [24]). In daily usage, imperatives are considered similar to commands. Theoretically, imperatives are linguistic categories, while commands serve as parameters; thus, the structure of imperatives often extends beyond mere commands.

The necessity of public transportation (*Angkot*) drivers in giving instruction to passengers is the focus of this study. Based on the perfunctory analysis, the driver uses a type of speech that is oriented to make passengers perform actions. It has become a common method that speech with performative aspects using imperatives creates obligations for the recipient (Alston [25]; Kamp [26];

Searle [27]; Truckenbrodt¹). Besides, modal verbs can be used to strengthen warning statements and also to create a less forceful directive force in warnings and requests.

It should be noted that semantic composition will determine the content or propositions that need to be actualized for imperatives to be fulfilled. The use of a specific composition (syntax or semantic structure) in certain clause type systems will operate three main features. These features, as universal considerations, form a closed system and are always categorized as specific forces (Sadock & Zwicky [28]). The concept of force in imperatives is not appropriate to be referred to as illocution. In terms of clause types, it is better to adopt terms, such as sentential force (Chierchia & McConnell-Ginet [29]) or, in other terms, referred to as sentence mood (Reis [30]).

Imperative Power

The previous studies (Baker [31]; Cheng [32]; Han [33]; Rivero & Terzi [34]; Rizzi [35]) have proven that the power of clauses is formally represented in syntax. The function of imperative power is to add properties to the recipient's set of requirements. Therefore, the first requirement for claiming that theory is some explanation on how grammar supports sentences to form specific speech acts. Sometimes, imperative power is not directly represented in syntax and is not implemented through specific morphemes or certain elements (Zanuttini, Pak & Portner [36]). This research conducted from that assumption.

Jary and Mikhail [12] believe that the imperative has the potential to be considered as a comparative concept, therefore it has a prototypical sentence type for performing a holistic concept of directive speech acts. The ability to perform communicative moves (in terms of making the recipient act) is possessed by both linguistic and non-linguistic features. The syntactic representation itself

creates a broader perspective on how imperatives are structured and function in achieving imperative power. Clark, Khaled, Kohn, and Armoskaite [13], based on the forms 'let's talk x' and 'let's talk about x', argue that the choice of one form is an example of the affective domain intersecting with grammar. Moreover, imperatives have no direct relationship with non-linguistic aspects of communication (such as orientation, micro-expressions, or gestures). Scarantino [14] has highlighted that emotional expressions (compared to speech acts) have a less significant contribution to effective and robust communication. Based on this definition, imperative characteristics can be analyzed independently as a complete feature of linguistic elements.

Imperatives in Speech Act

The theory of speech acts is well-known in the field of linguistics. According to Formanovskaya [37], within the framework of linguistic philosophy, speech act focuses on the goals and motives of speakers. Austin [38] in her book entitled *How to do Things with Words* considered speech act as a concept that has three levels: locative, illocutionary, and perlocutionary. Locative act (locution) is a stage of linguistic expression by directly uttering words, phrases, and sentences in accordance with their meaning.

The illocutionary act is a part of pragmatic component that reflect the communicative purpose or intention of the speaker when expressing a statement. This type of action involves various utterances; for instance, statements, orders, questions, suggestions, and commands. In speech act theory, the illocutionary act refers to the communicative purpose that the speaker wants to achieve through his utterance, which often has more meaning.

Lastly, the perlocutionary act serves to intentionally influence the addressee to achieve an outcome. For example, the result of uttering a warning such as "Be careful, the dog is aggressive" will be a perlocution – the conclusion: "We will not go there because the dog

¹ Truckenbrodt, H. (2009). *Performatives and agreement*. Berlin: ZAS(Unpublished manuscript).

seems dangerous” (Austin [38]). Another example is “It will rain tomorrow” will make the addressee conclude that “We should bring an umbrella or rain coat tomorrow”. It is important to note that the three personal actions occur simultaneously, not successively, and the distinction between them is necessary for methodological purposes.

Speech act theory provides a comprehensive framework for understanding the complex dynamics of communication. By understanding the different layers of locutionary, illocutionary, and perlocutionary acts, scholars and linguists gain insight into the intentional aspects of linguistic expression. Moreover, this theoretical foundation encourages a nuanced exploration of how speakers convey not only literal meaning but also underlying motives and communicative goals.

Materials and Methods

Participants

The participants reported on this research were eight public transportation (*Angkot*) drivers in Bandung City. The *Angkot* drivers were male with an age range of 30–40 years old. They have experienced being *Angkot* drivers for more than 10 years.

Data Collection Method

The data for this research were collected through audio recording (with the driver’s permission) while traveling on the specified route. The recording duration of each driver is different, as seen in the following table 1.

The table 1 above shows the recording duration of each driver in a different situation in public transportation (*Angkot*). The recording process has been done from March 6th – July 3rd in 2022. The shortest recording duration was on March 11th, lasting only 00:02:32 minutes. Meanwhile, the longest recording duration was on May 13th, lasting for 00:16:46 minutes.

The recording duration varied for each public transportation (*Angkot*), depending on the situation inside the vehicle. If the atmosphere inside the vehicle was conducive; for instance, the absence of disruptive noise and the driver frequently communicate with their passengers, the recording duration would be extended. On the other hand, if the atmosphere inside the vehicle is not conducive; for instance, a high level of background noise and lack of communication between the driver and passengers, the audio recording will be terminated.

Table 1 / Таблица 1

Duration of audio recording data with *Angkot* drivers / Продолжительность аудиозаписей с водителями *Анγκота* (маршрутка)

Number	Date	Duration	Code
1	March 6 th 2022	00:02:50	Data_A
2	March 9 th 2022	00:13:24	Data_B
3	March 11 th 2022	00:02:32	Data_C
4	March 22 th 2022	00:03:35	Data_D
5	April 21 th 2022	00:13:20	Data_E
6	May 13 th 2022	00:16:46	Data_F
7	June 6 th 2022	00:15:24	Data_G
8	July 3 rd 2022	00:10:38	Data_H

Source: Compiled by the author based on the results of travel by *angkot* (minibus) from Terminal Ledeng to Terminal Cicaheum in Bandung, West Java.

Источник: Составлено авторами по итогам поездок на *анγκоте* (маршрутке) от остановки Ledeng до остановки Cicaheum в г. Бандунг, провинция Западная Ява

Data Analysis Technique

The data were initially transcribed to identify imperative statements from public transportation (*Angkot*) drivers. The identification aimed to discover the strength of variables by grouping imperatives into specific characteristics. The identification is based on Condoravdi and Lauer [39], who categorize the strength of variables into Group I: Directives (commands, warnings, requests, advice, and pleas); Group II: Use of desire type (well-wishes, curses, address-less wishes, absent wishes); Group III: Permission and invitation (permission/concession, offers, invitations); Group IV: Disintegrated advice.

Furthermore, the syntactic approach towards imperative started by defining the type of imperative clauses. Therefore, clause-type analysis was applied for defining imperative clause. It is in line with Bach and Harnish [40] and Sadock and Zwicky [28]. This is undertaken to obtain the specific illocutionary force from the actual speech produced by public transportation (*Angkot*) drivers.

Lastly, the imperative power was analyzed by conducting an analysis of surface structure and examining the abstract elements of imperative clauses. This analysis was done to complement the syntactic approach used in this research. The use of surface structure analysis for imperatives has been done by Downes [41]. This research follows the respective stages. The analysis of the abstract elements of imperative clauses is done by using two analyses of imperative clause structure: the CP hypothesis (Chomsky [42]; Koopman [43]; Koster [44]) and the FP hypothesis (Flagg [45]; Pollock [46; 47]; Rupp¹).

Results

In this research, we discuss a multilayered analysis of the imperative power variables from the speech of public transportation (*Angkot*) drivers in Bandung City. Impera-

tive forms are categorized based on their function and structural approach. There is a common understanding that imperative can take the form of straightforward statements in which a speaker asks or directs the interlocutor to perform or take a specific action. This research departs from the analysis of the strength of variables from the data that has been collected. The analysis of these findings is presented in the subtopics below.

Imperative Power Variable

In this context, public transportation (*Angkot*) drivers play a dominant role as instructors to passengers. Therefore, the discourse sequence will always involve instructions from the driver to the passengers to perform certain actions and to call for actions in specific situations. Public transportation (*Angkot*) drivers tend to produce imperatives that consist of illocutionary force. Categories and frequencies of variable strengths in driver statements have been identified. Table 2 below has provides a tabulation of the distribution of each category.

The table above indicates the pattern of occurrences of the imperative power variable. The imperative power is divided into four categories: Directives, Wish-type uses, Permission and Invitation, and Disintegrated advice. The most frequently occurring utterances are in Group I: Directives, accounting for 76 utterances. The second common occurring utterances are in Group III: Permission and invitation, accounting for 16 utterances. Followed by Group II: Wish-type uses with only 3 utterances. Meanwhile, for Group IV: Disintegrated advice, there is no identifiable data.

Discussion

From the analysis data, it can be seen that there are three forms of imperatives are most frequently used: commands (56.84%), advice (14.73%), and invitations (12.63%). The frequency of each imperative group is as follows: Group I (76 utterances), Group II (3 utterances), Group III (16 utterances), and Group IV (no identifiable data). The direc-

¹ Rupp, L. (1999). *Aspects of the Syntax of English Imperative* [PhD dissertation]. Essex (Unpublished).

Table 2 / Таблица 2

Pattern of Occurrence of Imperative Power Variables / Модель возникновения императивных переменных власти

	Data								Total	Percentage (%)
	A	B	C	D	E	F	G	H		
Group I: Directives										
• Command		3	2	2	17	16	8	6	54	56.84%
• Warning				1	2	3			6	6.31%
• Request		1							1	1.05%
• Advice					4	3	4	3	14	14.73%
• Plea		1							1	1.05%
Group II: Wish-type uses										
• Well-wish	1		1						2	2.10%
• Curse										
• Addressee-less wish				1					1	1.05%
• Absent wish										
Group III: Permission and invitation										
• Permission/concession		3		1					4	4.21%
• Offer										
• Invitation					5	2	3	2	12	12.63%
Group IV										
• Disintegrated advice										
Total	1	8	3	5	28	24	15	11	95	100%

tive-imperative form is the most dominantly expressed by public transportation (*Angkot*) drivers.

The dominance of Group I (comprising commands (56.84%), advice (14.73%), warnings (6.31%), and requests (1.05%)) accounts

for a total percentage of 78.93%. This data indicates that the speaker intends to make the recipient to perform specific actions related to the services or use of public transportation (*Angkot*). Examples of each form can be illustrated as follows:

Data_E (3)	<i>tutup pantona teh!</i> [close the door ma'am!]	command
Data_D (2)	<i>tong waka kaluar eta tanganna, bahaya</i> don't take your hands out, it's dangerous	warning
Data_E (12)	<i>turunna di payun wae meh teu macet</i> [Wait a few minutes before getting off so you won't be stuck at the traffic]	advice
Data_B (1)	<i>tiasa geser teh?</i> [please, can you move a bit miss?]	request
Data_B (4)	<i>punten pisan, pengker tiasa hiji deui</i> [I apologize, one more person can be at the back]	plea

As we can see above, the predominant use of directive-imperative indicates a specific pressing manner. It is not fair to define

the pressing manner solely as an expression of commands. Regarding to this manner, this research confirms the previous research con-

ducted by Osipchuk [48] that the construction most frequently used to highlight easily performed specific information by the interlocutor is a command. However, the data patterns showed that it can be also identified that public transportation (*Angkot*) drivers attempt to demonstrate variable imperative power proportionally.

This research finding contradicts with the previous research conducted by Rahayu, Hariadi, and Hidayat [20]. They revealed that people in *Langsa* Town Square often used the imperative sentence of request which suggests that the *Langsa* community has the value of politeness. On the other hand, the current research validates the research conducted by Yuniarsi, Supriadin, and Rahmawati [19]. They disclosed that Sumbawanese people frequently used the imperative sentences as command in their conversation.

The difference in results between these studies may be attributed to various factors, including variations in research object, research participants, the location of the research, and changes in societal lifestyles over time. Therefore, despite the different results, the previous research can provide an

overview of the use of imperative sentences in different occasions. It is important to recognize the dynamic nature of language use and consider the evolving context that can contribute to variations in research findings over time.

This heterogeneity is combined with complementary forms that indirectly refer to the characteristics of imperatives and propositions. It is important to balance the content and dynamic effects of updated information and instructions to be followed by individuals. It has become a common phenomenon that the use of directives is the speaker's attempt to make the interlocutor perform a specific action or represents the speaker's desires; but it can also be a combination of both elements. Public transportation (*Angkot*) drivers can be considered to apply a combination of the two fundamental considerations of directives as introduced by Searle [24].

We also need to discuss the use of imperatives categorized as Wish-type uses. This type imperatives type include well-wishes, curses, addressee-less wishes, and absent wishes.

Data_C (2)	... <i>sing ati-ati, salamet di jalan teh</i>	well-wish
	... be careful, take care on the road miss	
Data_D (5)	... <i>eta kegiatan saya mah, mudah-mudahan mangpaat</i>	addressee-less wish
	that's my activities, hopefully it will be useful	

According to the data, public transportation (*Angkot*) drivers also use Group II (Wish-type uses) in their speech. There are only two types of wish-type uses that can be identified: well-wishes and addressee-less wishes. In practical uses, wish-type uses are set aside as the main imperative construction. However, the forms of wish-type uses can be derived from the concept of imperatives (see Kaufmann [49]; Schmerling [50]).

From the examples above, we can see that the imperative nature in these forms does not force the interlocutor or recipient to perform or act upon something. The recipient is treated as someone who does not have the power to do anything about the wishes ex-

pressed by the speaker. Well-wishing forms, as indicated by the data, have a specific to have a good situation. The recipient is asked (not explicitly stated) to accept the wish because it is generally acknowledged as a positive gesture in society. On the other hand, wishes without a recipient are not directed at any specific interlocutor. **Data_D (5)** indicates that the information is intended to be understood by a particular party. We can assume that it is a general or public consideration, so the speaker has no obligation to specify the intended party.

Theoretically, these findings are in line with research conducted by Auwera, Dobrushina & Goussev [15]. This is support

that expressions of wishes have a future feel. For instance, "... [hopefully it's useful]" is conveyed by the recipient to make a future situation a reality. It is a wish, but the recipient is indirectly expected to make it true. Therefore, considering the wish-imperative patterns identified in the data, this research indicates that it is crucial to stigmatize wish-

type uses a directive force by disregarding the literal meaning of the word 'wish'. It is conceivable that if someone ignores expressions as shown by **Data_C (2)**, then they will be socially sanctioned. Hence, once a wish expression is produced, the recipient has an obligation to consider it as propositional content.

Data_B (3)	... <i>teu nanaon turun di dieu tapi bahaya loba motor</i>	permission
	... you can get off here , but there are many motorcycles, so be careful	
Data_E (15)	... <i>hayu bade ka Ledeng?</i>	invitation
	... let's go , want to go to Ledeng?	

In order to provide information, public transportation (*Angkot*) drivers also use variable power which categorized as group III (permission / concession, offers, and invitations). The analysis showed that there are only two structures: permission and invitation. Meanwhile offering could not be identified in the data. Permission and invitation in the data indicate that the spokesperson is not actually presenting something to happen. The nuance is more related to communicating the expectations of the recipient of the message. **Data_B (3)** is a manifestation of what most people in Indonesia are asking. By giving permission, the recipient is allowed to do or act something, as there has been a potential desire of the recipient before (see Condoravdi & Lauer [39]).

In the context of the variable power of the imperative, this research emphatically states that in trying to provide information and direct passengers to do something are mostly realized through directive constructions.

The directive aspects is not implemented by using offers, absent-wishes, and disintegrated wishes in the speech of public transportation (*Angkot*) drivers.

Clause Type and Form of Imperative Type System

In grammar, it is common to categorize utterances into interrogatives, exclamations, declaratives, imperatives, and so on. Since this research focuses on imperative utterances, the clause-type system of the imperative always considered independent of its particular usage. The previous analysis has shown that group I (directive) is the dominant variable force in the data. However, there are three types of actual speech that are dominantly spoken by public transportation (*Angkot*) drivers: commands (56.84%), advice (14.73%), and invitations (12.63%).

The analysis of the clause type system in the actual speech types can be showed as follows.

• ... <i>kurang ongkosna !</i>	
... The payment is insufficient!	
... Sorry, but your payment is insufficient!	order
• ... <i>cek abdi mah turunna di payun we!</i>	
... I think it's better to get off in front!	
... My suggestion is to get off in front!	advice
• ... <i>hayu ka Ledeng !</i>	
... Let's go to Ledeng !	
• ... Let us take this <i>Angkot</i> to Ledeng!'	invitation

Each actual realization of particular form type in actual speech has a specific functional problem. Based on their form types, all utterances are categorized as sequences. Mostly, the actual type of utterance will be based on the semantic characteristics of the sentence. The usage without a verb (as indicated by the first sentence above) and without a subject is a typical imperative construction.

Conclusion

In this context, public transportation (*Angkot*) drivers have a dominant role as instructors to their passengers. Therefore, the conversational sequences will always include commands from the driver to the passengers to do or act something and call for action in certain situations. The imperative sentences used by public transportation (*Angkot*) drivers play a crucial role in regulating and guiding their passenger behavior in the vehicle. Therefore, this research explores some general considerations and specific ideas about the variable imperative power of public transportation (*Angkot*) drivers in Bandung City.

As stated in the findings, the predominant use of directive-imperative indicates a specific sense of urgency. It is not fair to define urgency solely as an expression of command. The sense of urgency is situated within the core-context of related information. This analysis emphasizes that imperative sentences serve not only as explicit commands but also convey urgency within a broader context, highlighting the interconnected nature of linguistic expressions and the underlying information dynamics in the communication between public transportation (*Angkot*) drivers and passengers.

It is a common phenomenon that the use of directives in the speaker's attempt to make the interlocutor conduct a specific action or represents the speaker's desire; however, it can also be a combination of both elements. Public transportation (*Angkot*) drivers can be considered to apply a combination of the two fundamental consideration of directives. Additionally, these *Angkot* drivers utilize Group

II (wish-type uses) in their speech, featuring only two wish-type uses in their speech: well-wishes and addressee-less wishes.

In conclusion, public transportation (*Angkot*) drivers tend to use directive-imperative sentences which indicate a specific and pressing manner to their passengers. These imperative sentences of command frequently prompt passengers to perform specific actions according to the driver's wishes. Simultaneously, *Angkot* drivers also prioritize the comfort and safety of their passengers by uttering imperative sentences of advice. The interaction phenomenon between *Angkot* drivers and their passengers highlights the significant role of imperative sentences in shaping the dynamics of interaction in actual discourse. It also emphasizes that the diverse nature of communication that is able to occur within the context of public transportation (Eslami, Larina & Pashmforoosh [51]).

There are both theoretical and practical significant points of this current study as follows.

Theoretical Significance

This study contributes to extending the knowledge of the imperative mood with regard to speech acts. The interpretation of the findings in the light of existing theories of language use and pragmatics provides a valuable insight into the fact that the orientation toward imperative sentences within a particular sociolinguistic context can be explained.

In addition, the results of this research provide a unique perspective on discourse dynamics in public transportation settings. It reveals the linguistic intricacies of how imperative sentences function as communicative tools. It thereby enriches the field of discourse analysis and its applications in everyday interactions.

Meanwhile, this study also underscores the importance of cultural context in language use. They demonstrate how local practices and social norms influence the deployment of imperatives, contributing to the broader understanding of language variation in diverse cultural settings.

For future researchers, this study offers significant insights and a new groundwork for future investigations into the use of imperatives in other public transportation systems or different cultural contexts. It opens a different landscape for comparative studies that could further explore the implications of imperative usage across various languages and societies globally.

Practical Significance

The insights gained from this study can inform public transportation authorities and drivers to reform the city's regulations for more effective and convenient traffic and transportation in Bandung and might be replicated elsewhere. In addition, such in-

formation is expected to facilitate smoother interactions can lead to improved passenger experiences.

In addition, the findings can serve as a basis for developing training programs for *Angkot* drivers. By focusing on effective use of language, drivers can be equipped with communicative skills to enhance passenger engagement and compliance with safety regulations.

Finally, the research highlights the need for policies that consider the communicative practices of public transportation drivers. Such policies could promote better interaction between drivers and passengers, fostering a more cooperative and respectful travel environment.

REFERENCES

1. Savolainen, I., Klippi, A., Tykkyläinen, T. & Launonen, K. (2020). Linguistic and temporal resources of pre-stored utterances in everyday conversations. In: *Child Language Teaching and Therapy*, 36 (3), 195–214. DOI: 10.1177/0265659020950388.
2. Bhatti, N. V. & Kharitonova, E. Yu. (2024). Means of expressing politeness in speech acts in Indo-European languages (based on Russian, English, German and Urdu). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 6–17. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-6-17 (in Russ.).
3. Dubrovchenko, E. M. (2023). Reactions to changes in communicative distance in English communication. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 53–62. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62 (in Russ.).
4. Biryulin, L. A. & Xrakovski, V. S. (2001). Imperative sentences: theoretical problems. In: Xrakovski, V. S., ed. *Typology of imperative constructions*. Munich: Lincom, pp. 3–50.
5. Hamblin, C. L. (1987). *Imperatives*. Oxford: Basil Blackwell.
6. Barker, S. J. (2004). *Renewing meaning: a speech-act theoretic approach*. Oxford: Clarendon Press.
7. Han, C.-H. (2000). *The structure and interpretation of imperatives: mood and force in universal grammar*. New York: Garland.
8. Jary, M. & Kissine, M. (2014). *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Faisal Septiaji, Safina Rihhadatul'aisy Sudibiyo & Sumarlam (2023). Analisis Bentuk dan Fungsi Kalimat Imperatif Dalam Film Top Gun: Maverick. In: *Translation and Linguistics (Transling)*, 3 (1), 38–48. DOI: 10.20961/transling.v3i01.67783.
10. Haugh, M. & Chang, W. M. (2019). Indexical and Sequential Properties of Criticisms in Initial Interactions: Implications for Examining (Im) Politeness across Cultures. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 904–929. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-929.
11. Ruytenbeek, N. (2019). Indirect requests, relevance, and politeness. In: *Journal of Pragmatics*, 142, 78–89. DOI: 10.1016/j.pragma.2019.01.007.
12. Jary, M. & Mikhail, K. (2016). When terminology matters: the imperative as a comparative concept. In: *Linguistics*, 54 (1), 119–148. DOI: 10.1515/ling-2015-0039.
13. Clark, M., Khaled, N., Kohn, M. & Armoskaite, S. (2019). Let's talk emotions: a case study on affective grammar. In: *Glossa: a journal of general linguistics*, 4 (1), article no. 20. DOI: 10.5334/gjgl.678.
14. Scarantino, A. (2017). How to do things with emotional expressions: the theory of affective pragmatics. In: *Psychological Inquiry*, 28 (2-3), 165–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
15. Auwera, J. van der, Dobrushina, N. & Goussev, V. (2005). Imperative-hortative systems. In: Haspelmath, M., ed. *The World Atlas of language Structures*. Oxford: Oxford University Press, pp. 286–289.

16. Nurmisliah, Oktariza, D. & Asridayani (2017). Syntactic analysis of imperative sentence in Jambi Malay Language Jangkat isolect. In: *Krinok: Jurnal Linguistik Budaya*, 2 (2), 15–22. DOI: 10.36355/krinok.v2i2.138.
17. Szeteli, A., Dóla, M. & Alberti, G. (2019). Pragmasemantic analysis of the Hungarian inferential: evidential expression *szerint*. In: *Studies in Polish Linguistics*, Special Volume 1, 207–225. DOI: 10.4467/23005920SPL.19.013.10993.
18. Amral, S. & Ulfah, S. D. (2020). Analisis Kalimat Imperatif Pada Tuturan Masyarakat Desa Teluk Raya Kecamatan Kumpeh Kabupaten Muaro Jambi (Kajian Pragmatik). In: *Aksara: Jurnal Ilmiah Pendidikan Bahasa dan Sastra Indonesia*, 3 (2), 232–242.
19. Yuniarsi, N., Supriadin, S. & Rahmawati, R. (2020). An Analysis of Imperative Sentences in Sumbawane. In: *Linguistics and ELT Journal*, 7 (1), 1–9. DOI: 10.31764/leltj.v7i1.999.
20. Hariadi, J., Rahayu, T. & Hidayat, M. T. (2022). Analisis Pemakaian Kalimat Imperatif Dalam Proses Jual Beli Di Pusat Perbelanjaan (Langsa Town Square). In: *Jurnal Samudra Bahasa*, 5 (2), 39–48. DOI: 10.33059/jsb.v5i2.6411.
21. Rosmalia, R., Febrianti, Y., Masduqi, H. & Zen, E. L. (2023). An Analysis of Imperative Sentences Uttered by The Education Office in Indonesia. In: *JoLLA: Journal of Language, Literature, and Arts*, 3 (2), 311–322. DOI: 10.17977/um064v3i22023p311-322.
22. Supian, Ladinata & Dallyono, R. (2024). *Russian Imperative: Semantic, Structural and Pragmatic Features*. Bandung: CV Balatin Putera Puteri.
23. Aikhenvald, A. Y. (2010). *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press.
24. Searle, J. R. (1975). A taxonomy of illocutionary acts. In: Gunderson, K. (ed.). *Language, mind and knowledge*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, pp. 344–369. (Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. 7).
25. Alston, W. P. (2000). *Illocutionary acts and sentence meaning*. Ithaca: Cornell University Press.
26. Kamp, H. (1974). Free choice permission. In: *Proceedings of the Aristotelian Society*, 74 (1), 57–74. DOI: 10.1093/aristotelian/74.1.57.
27. Searle, J. R. (1964). How to derive “ought” from “is”. In: *Philosophical Review*, 73 (1), 43–58. DOI: 10.2307/2183201.
28. Sadock, J. & Zwicky, A. (1985). Speech act distinctions in syntax. In: Shopen, T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 155–196.
29. Chierchia, G. & McConnell-Ginet, S. (2000). *Meaning and Grammar: An Introduction to Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press.
30. Reis, M. (1999). On sentence types in German: An enquiry into the relationship between grammar and pragmatics. In: *Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis*, 4 (2), 195–236.
31. Baker, C. L. (1970). Notes of the description of English questions. In: *Foundations of Language*, 6 (2), 197–219.
32. Cheng, L. (1991). *On the Typology of wh-questions: PhD Dissertation*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics and Philosophy.
33. Han, C. H. (1998). *The structure and interpretation of imperatives: mood and force in Universal Grammar: PhD Dissertation in Linguistics*. Philadelphia.
34. Rivero, M. L. & Terzi, A. (1995). Imperatives, V-movement and logical mood. In: *Journal of Linguistics*, 31 (2), 301–322. DOI: 10.1017/S0022226700015620.
35. Rizzi, L. (1990). Speculations on verb-second. In: Mascaró, J. & Nespór, M., eds. *Grammar in Progress*. Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 137–152.
36. Zanuttini, R., Pak, M. & Portner, P. (2012). A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects. In: *Natural Language & Linguistic Theory*, 30, 1231–1274. DOI: 10.1007/s11049-012-9176-2.
37. Formanovskaya, N. I. (2007). *Speech interaction: communication and pragmatics*. Moscow, IKAR (in Russ.).
38. Austin, J. L. (1962). *How To Do Things With Words*. Oxford, Clarendon Press.
39. Condoravdi, C. & Lauer, S. (2012). Imperatives: meaning and illocutionary force. In: Piñón, Ch., ed. *Empirical Issues in Syntax and Semantics*. Vol. 9. Paris: Université Paris, pp. 37–58.
40. Bach, K. & Harnish, R. M. (1979). *Linguistic communication and speech acts*. Cambridge: M.I.T. Press.
41. Downes, W. (1977). The imperative and pragmatics. In: *Journal of Linguistics*, 13 (1), 77–97.

42. Chomsky, N. (1986). *Barriers*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
43. Koopman, H. (1984). *The syntax of verbs: from verb-movement rules in the Kru Languages to universal grammar*: Doctoral Thesis. Dordrecht: Foris.
44. Koster, J. (1975). Dutch as an SOV language. In: *Linguistic Analysis*, 1 (2), 111–136.
45. Flagg, E. (2001). “You” can’t say that: restrictions on overt subjects in the English imperative. In: Andronis, M., Ball, Ch., Elston, H. & Neuvel, S. (eds.). *CLS 37: The main session. Papers from the 37th meeting of the Chicago Linguistic Society. Vol. 1*. Chicago: Chicago Linguistic Society, pp. 161–174.
46. Pollock, J.-Y. (1989). Verb movement, universal grammar, and the structure of IP. In: *Linguistic Inquiry*, 20 (3), 365–424.
47. Pollock, J.-Y. (1997). Notes on clause structure. In: Haegeman, L., ed. *Elements of Grammar: Handbook in Generative Syntax*. Dordrecht: Kluwer, pp. 237–279.
48. Osipchuk, A. E. (2020). Grammatical Means of Expressing the Semantics of Imperative in the Speech Genre “Command”. In: *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, 1, 141–157. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-141-157 (in Russ.).
49. Kaufmann, M. (2012). *Interpreting imperatives*. New York: Springer. (Series: Studies in Linguistics and Philosophy. Vol. 88). DOI: 10.1007/978-94-007-2269-9.
50. Schmerling, S. (1982). How imperatives are special and how they aren’t. In: Robinson, S., Kevin, T. & Robert, C., eds. *Papers from the Parasession on Nondeclaratives: Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Press, pp. 202–218.
51. Eslami, Z. R., Larina, T. V. & Pashmforoosh, R. (2023). Identity, politeness and discursive practices in a changing world. In: *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), 7–38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.

ЛИТЕРАТУРА

1. Linguistic and temporal resources of pre-stored utterances in everyday conversations / I. Savolainen, A. Klippi, T. Tykkyläinen, K. Launonen // *Child Language Teaching and Therapy*. 2020. Vol. 36. Iss. 3. P. 195–214. DOI: 10.1177/0265659020950388.
2. Бхатти Н. В., Харитоновна Е. Ю. Способы выражения вежливости в речевых актах в индоевропейских языках (на материале русского, английского, немецкого и урду) // *Вопросы современной лингвистики*. 2024. № 4. С. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-6-1.
3. Дубровченко Е. М. Реакции на изменение коммуникативной дистанции в англоязычном общении // *Вопросы современной лингвистики*. 2023. № 4. С. 53–62. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62.
4. Biryulin L. A., Xrakovski V. S. Imperative sentences: theoretical problems // *Typology of imperative constructions* / ed. V. S. Xrakovski. Munich: Lincom, 2001. P. 3–50.
5. Hamblin C. L. *Imperatives*. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 262 p.
6. Barker S. J. *Renewing meaning: a speech-act theoretic approach*. Oxford: Clarendon Press, 2004. 325 p.
7. Han C.-H. *The structure and interpretation of imperatives: mood and force in universal grammar*. New York: Garland, 2000. 263 p.
8. Jary M., Kissine M. *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 336 p.
9. Faisal Septiaji, Safina Rihhadatul’aisy Sudibiyo, Sumarlam. Analisis Bentuk dan Fungsi Kalimat Imperatif Dalam Film Top Gun: Maverick // *Translation and Linguistics (Transling)*. 2023. Vol. 3. No. 1. P. 38–48. DOI: 10.20961/transling.v3i01.67783.
10. Хо М., Чанг В. М. Индексальные и последовательные свойства критических замечаний в начале коммуникации: подходы к изучению (не)вежливости в кросс-культурном аспекте (Indexical and Sequential Properties of Criticisms in Initial Interactions: Implications for Examining (Im) Politeness across Cultures) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. № 4. С. 904–929. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-929.
11. Ruytenbeek N. Indirect requests, relevance, and politeness // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 142. P. 78–89. DOI: 10.1016/j.pragma.2019.01.007.
12. Jary M., Mikhail K. When terminology matters: the imperative as a comparative concept // *Linguistics*. 2016. Vol. 54. Iss. 1. P. 119–148. DOI: 10.1515/ling-2015-0039.
13. Let’s talk emotions: a case study on affective grammar / M. Clark, N. Khaled, M. Kohn, S. Armoskaite // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4 (1). Article no. 20. DOI: 10.5334/gjgl.678.

14. Scarantino A. How to do things with emotional expressions: the theory of affective pragmatics // *Psychological Inquiry*. 2017. Vol. 28. Iss. 2-3. P. 165–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
15. Auwera J. van der, Dobrushina N., Goussev, V. Imperative-hortative systems // *The World Atlas of language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 294–296.
16. Nurmisliah, Oktariza D., Asridayani. Syntactic analysis of imperative sentence in Jambi Malay Language Jangkat isolect // *Krinok: Jurnal Linguistik Budaya*. 2017. Vol. 2. Iss. 2. P. 15–22. DOI: 10.36355/krinok.v2i2.138.
17. Szeteli A., Dóla M., Alberti G. Pragmasemantic analysis of the Hungarian inferential: evidential expression *szerint* // *Studies in Polish Linguistics*. 2019. Special Volume 1. P. 207–225. DOI: 10.4467/23005920SPL.19.013.10993.
18. Amral S., Ulfah S. D. Analisis Kalimat Imperatif Pada Tuturan Masyarakat Desa Teluk Raya Kecamatan Kumpeh Kabupaten Muaro Jambi (Kajian Pragmatik) // *Aksara: Jurnal Ilmiah Pendidikan Bahasa dan Sastra Indonesia*. 2020. Vol. 3. No. 2. P. 232–242.
19. Yuniarsi N., Supriadin S., Rahmawati R. An Analysis of Imperative Sentences in Sumbawanese // *Linguistics and ELT Journal*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.31764/leltj.v7i1.999.
20. Hariadi J., Rahayu T., Hidayat M. T. Analisis Pemakaian Kalimat Imperatif Dalam Proses Jual Beli Di Pusat Perbelanjaan (Langsa Town Square) // *Jurnal Samudra Bahasa*. 2022. Vol. 5. No. 2. P. 39–48. DOI: 10.33059/jsb.v5i2.6411.
21. An Analysis of Imperative Sentences Uttered by The Education Office in Indonesia / R. Rosmalia, Y Febrianti, H. Masduqi, E. L. Zen // *JoLLA: Journal of Language, Literature, and Arts*. 2023. Vol. 3. No. 2. P. 311–322. DOI: 10.17977/um064v3i22023p311-322.
22. Supian, Ladinata, Dallyono R. Russian Imperative: Semantic, Structural and Pragmatic Features. Bandung: CV Balatin Putera Puteri, 2024. 224 p.
23. Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010. 520 p.
24. Searle, J. R. A taxonomy of illocutionary acts // *Language, mind and knowledge* / ed. K. Gunderson. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1975. P. 344–369. (Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. 7).
25. Alston W. P. Illocutionary acts and sentence meaning. Ithaca: Cornell University Press, 2000. 352 p.
26. Kamp H. Free choice permission // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1974. Vol. 74. Iss. 1. P. 57–74. DOI: 10.1093/aristotelian/74.1.57.
27. Searle J. R. How to derive “ought” from “is” // *Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. No. 1. P. 43–58. DOI: 10.2307/2183201.
28. Sadock J., Zwicky A. Speech act distinctions in syntax. In: *Language Typology and Syntactic Description* / ed. T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 155–196.
29. Chierchia G., McConnell-Ginet S. *Meaning and Grammar: An Introduction to Semantics*; 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 573 p.
30. Reis M. On sentence types in German: An enquiry into the relationship between grammar and pragmatics // *Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis*. 1999. Vol. 4. No. 2. P. 195–236.
31. Baker C. L. Notes of the description of English questions // *Foundations of Language*, 1970. Vol. 6. No. 2. P. 197–219.
32. Cheng L. On the Typology of wh-questions: PhD Dissertation. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics and Philosophy, 1991. 237 p.
33. Han C. H. The structure and interpretation of imperatives: mood and force in Universal Grammar: PhD Dissertation in Linguistics. Philadelphia, 1998. 237 p.
34. Rivero M. L., Terzi A. Imperatives, V-movement and logical mood // *Journal of Linguistics*. 1995. Vol. 31. Iss. 2. P. 301–322. DOI: 10.1017/S0022226700015620.
35. Rizzi L. Speculations on verb-second // *Grammar in Progress* / J. Mascaró, M. Nespór (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 1990. P. 137–152.
36. Zanuttini R., Pak M., Portner P. A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2012. Vol. 30. P. 1231–1274. DOI: 10.1007/s11049-012-9176-2.
37. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.

38. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 168 p.
39. Conдоравди С., Лauer S. Imperatives: meaning and illocutionary force // *Empirical Issues in Syntax and Semantics*. Vol. 9 / ed. Ch. Piñón. Paris: Universite Paris, 2012. P. 37–58.
40. Bach K., Harnish R. M. *Linguistic communication and speech acts*. Cambridge: M.I.T. Press, 1979. 327 p.
41. Downes W. The imperative and pragmatics // *Journal of Linguistics*. 1977. Vol. 13. No. 1. P. 77–97.
42. Chomsky N. *Barriers*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986. 102 p.
43. Koopman H. *The syntax of verbs: from verb-movement rules in the Kru Languages to universal grammar*: Doctoral Thesis. Dordrecht, 1984. 242 p.
44. Koster J. Dutch as an SOV language // *Linguistic Analysis*. 1975. Vol. 1. Iss. 2. P. 111–136.
45. Flagg E. “You” can’t say that: restrictions on overt subjects in the English imperative // *CLS 37: The main session. Papers from the 37th meeting of the Chicago Linguistic Society*. Vol. 1 / ed. M. Andronis, Ch. Ball, H. Elston, S. Neuvel. Chicago: Chicago Linguistic Society, 2001. P. 161–174.
46. Pollock J.-Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 3. P. 365–424.
47. Pollock J.-Y. Notes on clause structure // *Elements of Grammar: Handbook in Generative Syntax* / ed. L. Haegeman. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 237–279.
48. Осипчук А. Е. Грамматические средства выражения семантики императивности в речевом жанре «приказание» // *Научный диалог*. 2020. № 1. С. 141–157. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-141-157.
49. Kaufmann M. *Interpreting imperatives*. New York: Springer, 2012. 272 p. (Series: Studies in Linguistics and Philosophy. Vol. 88). DOI: 10.1007/978-94-007-2269-9.
50. Schmerling S. How imperatives are special and how they aren’t // *Papers from the Parasession on Nondeclaratives: Chicago Linguistic Society* / ed. S. Robinson, T. Kevin, C. Robert. Chicago: Chicago Press, 1982. P. 202–218.
51. Эслами З. Р., Ларина Т. В., Пашмфоруш Р. Identity, politeness and discursive practices in a changing world (Идентичность, вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире) // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 1. С. 7–38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Supian (Bandung, Indonesia) – Ph.D in Linguistics, Faculty of Cultural Science; Lecturer, Russian Language and Literature Study Program, Padjadjaran University;
<https://orcid.org/0000-0003-2774-0685>; e-mail: supian@unpad.ac.id

Ladinata (Bandung, Indonesia) – M.A. in Linguistics, Faculty of Cultural Science; Lecturer, Russian Language and Literature Study Program, Padjadjaran University;
<https://orcid.org/0009-0002-8775-5109>; e-mail: ladinata@unpad.ac.id

Ruswan Dallyono (Bandung, Indonesia) – Doctor in Linguistics, Department of English Literature, Faculty of Language and Literature Education; Lecturer, English Language and Literature Study Program, Indonesia University of Education;
<https://orcid.org/0000-0002-5345-1230>; e-mail: ruswan.dallyono@upi.edu

Renaldy Serby Yudistira (Bandung, Indonesia) – Bachelor Degree Holder, Department of English Literature, Faculty of Language and Literature Education; Student, English Language and Literature Study Program, Indonesia University of Education;
<https://orcid.org/0009-0004-0658-1165>; e-mail: yudistirarenaldyserby@upi.edu

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Супиан (г. Бандунг, Индонезия) – кандидат филологических наук, преподаватель по русскому языку и литературе факультета гуманитарных наук Университета Паджаджаран;
<https://orcid.org/0000-0003-2774-0685>; e-mail: supian@unpad.ac.id

Ладината (г. Бандунг, Индонезия) – магистр, преподаватель по русскому языку и литературе факультета гуманитарных наук Университета Паджаджаран;
<https://orcid.org/0009-0002-8775-5109>; e-mail: ladinata@unpad.ac.id

Даллионо Русван (г. Бандунг, Индонезия) – доктор лингвистики кафедры английской литературы факультета образования в области языка и литературы, преподаватель программы по английскому языку и литературе Университета педагогического образования Индонезии;
<https://orcid.org/0000-0002-5345-1230>; e-mail: ruswan.dallyono@upi.edu

Юдистира Ренальди Серби (г. Бандунг, Индонезия) – бакалавр кафедры английской литературы факультета образования в области языка и литературы, студент программы по английскому языку и литературе Университета педагогического образования Индонезии;
<https://orcid.org/0009-0004-0658-1165>; e-mail: yudistirarenaldyserby@upi.edu

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-101-113

СИТУАТИВНЫЕ КЛИШЕ В ВОЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ

Суркова Е. В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.03.2025

Принята к публикации 18.03.2025

Аннотация

Цель. Классификация ситуативных клише военной сферы коммуникации в соответствии с их коммуникативно-прагматическим потенциалом.

Процедура и методы. Ситуативные клише отобраны методом корпусного анализа из военных уставов России и США. Ключевым исследовательским методом стал фразеологический анализ. В работе также нашли применение сопоставительный метод, методы лингвокультурологического, контекстуального, историко-этимологического и дискурсивного анализа.

Результаты. Создана классификация ситуативных клише военной сферы коммуникации по функциональному критерию. Установлена полифункциональность ситуативных клише в военной коммуникации и выявлена диспропорция в представленности единиц различной функциональной направленности. Доказан градуальный характер идиоматичности военных ситуативных клише. Выявлено национально-культурное своеобразие военных ситуативных клише на уровне языковой репрезентации при единстве прагматических функций.

Теоретическая и практическая значимость заключаются в разработке функциональной типологии ситуативных клише военной коммуникации. Результаты исследования могут быть использованы в теории и практике военного перевода, межкультурной коммуникации, а также в лексикографической практике.

Ключевые слова: военная фразеология, идиоматичность, институциональный дискурс, национально-культурная специфика, ситуативные клише

Для цитирования:

Суркова Е. В. Ситуативные клише в военной коммуникации: функциональный аспект и идиоматичность // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 101–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-101-113>

Original research article

SITUATIONAL CLICHÉS IN MILITARY COMMUNICATION: FUNCTIONAL ASPECT AND IDIOMATICITY

E. Surkova

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

Received by the editorial office 14.03.2025

Accepted for publication 18.03.2025

Abstract

Aim. To classify situational clichés of the military sphere of communication according to their communicative-pragmatic potential.

Methodology. Situational clichés were selected by corpus analysis from Russian and US military manuals. Phraseological analysis was a key research method. The comparative method, methods of linguocultural, contextual, historical-etymological and discourse analysis were also used in the work.

Results. The classification of situational clichés of the military sphere of communication by functional criterion was created. The polyfunctionality of situational clichés in military communication is established and the disproportion in the representation of units of different functional orientation is revealed. The degree character of idiomaticity of military situational clichés is proved. The national and cultural uniqueness of military situational clichés at the level of linguistic representation at the unity of pragmatic functions is revealed.

Research implications. Theoretical and practical significance lies in the development of a functional typology of situational clichés of military communication. The results of the study can be used in the theory and practice of military translation, intercultural communication, as well as in lexicographic practice.

Keywords: military phraseology, idiomaticity, institutional discourse, national-cultural specificity, situational clichés

For citation:

Surkova E. V. (2025). Situational clichés in military communication: functional aspect and idiomaticity. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 101–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-101-113>

Введение

Военная коммуникация представляет собой особую сферу речевого взаимодействия, характеризующуюся высокой степенью формализации и ритуализации [1; 2]. Исследование специфики коммуникации в военной среде невозможно без обращения к особой группе слов и словосочетаний, использование которых регламентируется текстами официально-деловой документации, составляющей основу ежедневного общения военнотру-

жащих, – этикетных формул и военных команд.

Цель данного исследования заключается в классификации ситуативных клише военной сферы коммуникации в соответствии с их коммуникативно-прагматическим потенциалом. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) выявить и систематизировать ситуативные клише в военной коммуникации русского и английского языков; 2) классифицировать отобранные

единицы по функциональному критерию; 3) определить степень идиоматичности военных ситуативных клише; 4) установить национально-культурные особенности военных ситуативных клише.

Анализ научной литературы по проблеме показывает, что фразеология военной сферы традиционно изучается преимущественно в аспекте терминологической номинации [3; 4; 5], что обуславливает актуальность изучения коммуникативно-прагматического потенциала устойчивых выражений, реализующих определённые речевые интенции. Актуальность работы также определяется необходимостью преодоления методологической фрагментарности исследований военной фразеологии посредством разработки интегративного подхода, синтезирующего достижения фразеологии, прагмалингвистики, лингвокультурологии и дискурсивного анализа для изучения полифункциональных единиц военного дискурса.

Теоретико-методологическую базу исследования составили концепции отечественных и зарубежных учёных, разрабатывающих проблемы теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Н. И. Формановская) и фразеологии (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, И. А. Мельчук, В. Н. Телия, Р. Глэсер, Ф. Кулмас, Х. Люгер).

Материалом исследования послужили ситуативные клише, отобранные методом корпусного анализа из текстов воинских уставов России и США, а также из исторических документов для анализа эволюции клише. Ключевым исследовательским методом стал фразеологический анализ, позволивший выявить особенности компонентного состава и семантики анализируемых единиц. Сопоставительный метод применялся для выявления универсальных и национально-специфических черт ситуативных клише в русском и английском военных подъязыках. Для определения источников происхождения и эволюции клише использовался исто-

рико-этимологический анализ. Функциональный анализ позволил классифицировать клише на основе выполняемых ими коммуникативно-прагматических функций. Лингвокультурологический подход применялся для выявления национально-культурных особенностей ситуативных клише как отражения этнической языковой картины мира. Дискурсивный анализ помог рассмотреть клише в контексте институционального военного дискурса. Прагмалингвистический анализ обеспечил изучение коммуникативного потенциала устойчивых выражений в военной коммуникации.

Динамично развивающееся направление фразеологических исследований представляет изучение т. н. «повседневных формул» (*routine formulae*, от англ. *routine* 'рутина, повседневность, обыденность, заведённый порядок, обычный порядок') – синтаксически автономных словосочетаний, связанных с определённой ситуацией взаимодействия [6; 7, S. 445].

В концепции И. А. Мельчука в рамках теории «Смысл ↔ Текст» всё множество фразеологизмов разделяется на семантические и прагматические фраземы [8]. В основе типологии лежит параметр вовлечённости прагматики во фразеологизацию (ситуация обязывает / не обязывает к употреблению данного выражения [9, с. 301]).

В. Н. Телия, хотя и отмечает «внефразеологичную» природу различного рода «речевых заготовок», или клише, объясняемую скорее исключительным, а не регулярным характером представленности в их составе семантически переосмысленных компонентов [10, с. 71–72], относит анализ словосочетаний данного типа к сфере исследования Фразеологии-3 – раздела лингвистики, изучающего клишированность речи во взаимодействии с теорией речевых актов и культурой речи [10, с. 75].

Делая акцент на зависящей от ситуации устойчивости, определяющей включение словосочетаний в состав фра-

зеологизмов, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют в своей типологии ситуативные клише [11, с. 91]. Авторами отмечается ритуализованный, определяемый традицией, этикетом и формальными установлениями характер ситуативных клише – «слабоидиоматичных или неидиоматичных словосочетаний, фразеологичность которых определяется устойчивостью и прежде всего прямой зависимостью от правил, действующих в конкретной ситуации» [11, с. 92].

Функциональная типология ситуативных клише в военной коммуникации

Ситуативные клише в военной коммуникации устанавливаются воинскими уставами, являются обязательным элементом воинской дисциплины во всех армиях мира, характеризуются высокой степенью конвенциональности и строгой функциональной направленностью.

Идиоматичность ситуативных клише сомнительна и в лучшем случае сильно ослаблена [11, с. 91]. Применительно к военной коммуникации к слабоидиоматичным клише можно отнести этикетную формулу *служу России*, представляющую собой ответную реплику военнослужащего на поздравление или благодарность, значение которой не идентично сумме значений входящих в неё слов, т. е. отличается некоторой идиоматичностью.

Рассмотрим ситуативные клише военной коммуникации по типологии, предложенной Р. Глэсер. В своём исследовании английской фразеологии лингвист классифицирует «рутинные» формулы на основании выполняемых высказываниями функций – фатической, экспрессивной, когнитивной и директивной [12].

Фатическая функция ситуативных клише предполагает установление, поддержание и завершение контакта между участниками ситуации общения и включает формулы приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, осведомления о состоянии дел.

Так, например, фатическая функция в русском и английском военных подъязыках реализуется в ситуативных клише-запросах на коммуникацию *Разрешите обратиться? Permission to speak?* Состав высказывания строго регламентирован и не допускает изменения компонентов.

Рассмотрим примеры из воинских уставов Российской Федерации и США, регламентирующие употребление в военной коммуникации ситуативных клише, выполняющих фатическую функцию приветствия и прощания:

На приветствие начальника или старшего («Здравствуйте, товарищи») все военнослужащие, находящиеся в строю или вне строя, отвечают: «Здравия желаем»; если начальник или старший прощается («До свидания, товарищи»), то военнослужащие отвечают: «До свидания». При этом добавляются слово «товарищ» и воинское звание без указания слов «юстиции» или «медицинской службы»¹;

The junior person shall salute first. Accompanying the rendering of the hand salute with an appropriate greeting such as, “Good Morning, Sir” or “Good Morning, Ma’am” is encouraged².

В военном дискурсе как виде институционального дискурса, характеризующегося статусно-ролевыми отношениями коммуникантов [13; 14], ситуативные клише отражают строгую иерархичность военной коммуникации. Как в русском, так и в английском военном подъязыке к формулам приветствия / прощания добавляются принятые в армейском со-

¹ Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8 (дата обращения: 12.02.2025). Далее – Устав внутренней службы ВС РФ.

² Army Regulation 600–25. Salutes, Honors, and Courtesy / Headquarters Department of the Army (Washington, DC, 10 September 2019) [Электронный ресурс]. URL: https://alu.army.mil/officers/bold/docs/AR_600-25.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

циуме формы обращения базовой пары статусно-неравных участников коммуникации «командир – подчинённый» – рус. *товарищ*, англ. *sir / mam*.

При единстве прагматических функций военные ситуативные клише демонстрируют национально-культурное своеобразие на уровне языковой репрезентации. Это объясняется тем, что формулы, с одной стороны, отражают универсальные принципы организации военной службы, а с другой – несут отпечаток этнической языковой картины мира и культурных традиций конкретного народа.

Так, если в английском военном подязыке клише приветствия и прощания не отличаются от общепринятых в социуме и включают лишь добавление выражения иерархических отношений (*Good morning / afternoon / evening, sir / mam!*), то в русских формулах прослеживаются давние исторические традиции.

Этнически русские военные ситуативные клише приветствия и прощания сохраняют и традиции Российской империи. Так, формула приветствия *здравия желаю* регламентируется ещё «Правилами воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд» 1884 г.¹ и, в отличие от отменённых после Февральской революции 1917 г. клише прощания *счастливо оставаться* и благодарности *рад стараться, покорно благодарю*, до сих пор используется в русской военной коммуникации, отражая её историческую преемственность.

Интерес представляет ситуативное клише прощания, принятое в современной российской армии: «*В повседневной жизни офицерам ... при прощании друг с другом допускается вместо слов "до свидания" говорить "честь имею"*»².

Клише *честь имею* представляет собой нестандартное «заимствование» XVIII–XIX вв. в современной военной

коммуникации: выражение не встречается в текстах воинских уставов и наставлений тех лет, однако активно употреблялось в официально-деловой речи военными в сочетании с глаголами (*честь имею представить / сообщить / донести* и т. д.), доказательством чему служат многочисленные примеры из писем, докладов и рапортов:

«*При сем же донести **честь имею**, первая партия с рекрутами на сих днях пришла в Севастополь, которые и распределены мною по судам*»³;

«*При сем **честь имею** представить ведомость о потере нашей в сей кровопролитный день и списки всем отличившимся чиновникам, представленные ко мне от корпусных командиров*»⁴.

В военной среде комплексное морально-этическое понятие чести, включающее личное достоинство, верность долгу, благородство поступков и безупречную репутацию, приобрело характер профессионально-этической доминанты, определяющей поведение офицера как в служебной, так и в частной жизни.

О центральном положении понятия «честь» в русской языковой картине мира свидетельствуют как концентрация фразеологизмов с компонентом «честь» (*отдавать честь, поле чести, быть (не) в чести, в честь, выйти с честью, делать честь, оказать честь, пора и честь знать, считать за честь* и др.), так и сохранение ситуативного клише-прощания *честь имею* в современной военной коммуникации, отражающее самоидентификацию военнослужащего как носителя особых морально-этических качеств.

Критически важным для военной коммуникации является обеспечение точности передачи информации и под-

¹ Правила воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1884. 29 с.

² Устав внутренней службы ВС РФ.

³ Ушаков Ф. Ф. Письмо Г. А. Потемкину о вероятных намерениях турок и о предполагаемых действиях черноморского флота (1789.07.27) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.02.2025). Далее – НКРЯ.

⁴ Барклай-де-Толли М. Б. Донесение М. И. Кутузову (1812) // НКРЯ.

тверждение её получения, что обуславливает употребление в речи и закрепление в уставах ситуативных клише, выполняющих когнитивную функцию согласия / несогласия и подтверждения.

Когнитивные формулы в военном дискурсе характеризуются высокой степенью однозначности и чёткости выражения позиции говорящего. Выражению согласия и несогласия служат ситуативные клише, имеющие общую прагматическую основу и специфическое языковое воплощение. Так, в английском военном подъязыке согласие / несогласие выражается формулами *Yes, Sir/Ma'am / No, Sir / Ma'am, Affirmative*, в русском – *точно / никак нет*.

Ситуативные клише в военной коммуникации обеспечивают обратную связь и верификацию понимания приказов и распоряжений. Для подтверждения получения приказа в США и Великобритании используются формулы *wilco!* и *roger that!* Оба клише возникли в военной радиокommunikации, в которой требуется максимальная краткость передаваемых сообщений: *wilco* является результатом сокращения английского выражения *will comply* ('будет исполнено'), *Roger that* – от принятого в фонетическом алфавите НАТО обозначения буквы R (*received* 'получено'). Стоит отметить, что в современной массовой культуре, особенно в кинематографе и компьютерных играх, эти формулы стали своеобразными маркерами военного дискурса, часто используемыми для создания атмосферы профессиональной военной коммуникации.

Функцию подтверждения и беспрекословного перехода к исполнению приказа в русском военном дискурсе выполняет клише *есть*:

*Приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Военнослужащий, получив приказ, отвечает: «Есть!» – и затем выполняет его*¹.

¹ Устав внутренней службы ВС РФ.

Клише представляет собой заимствование петровской эпохи из английского языка (*Есть!* от англ. *Yes, sir!* как готовность к немедленному выполнению приказа²). Н. М. Шанский переформлирование английского *yes* в русское *есть* связывает с употреблением в русском языке XVI–XVII вв. устойчивого выражения *есть будет* и приводит пример цитаты из документов посольства стольника Толочанова и дьяка Иелева в Имеретию 1650–1652 гг.: «... И митрополит сказал: **Есть будет** *ц-ое в-во. К Олександру царю и к католикосу отпишет, и тое ц-го в-ва повеление исполнят*»³. Таким образом, междометие *есть* представляет собой скрещение английского заимствования *yes* и русского *есть* из устойчивого сочетания *есть будет* 'хорошо, согласен'.

Преимственность традиций в русских военных ситуативных клише прослеживается и в следующем выражении: «В повседневной жизни офицерам разрешается применять утвердительное выражение “слово офицера”»⁴.

Выражение *слово офицера* представляет собой ещё один пример традиционного для российской армии периода XVIII–XIX вв. клише, отражающего специфику национального понимания офицерской чести и морально-этических норм военного сословия. В русской военной культуре «слово офицера» приравнивалось к священной клятве и рассматривалось как абсолютная гарантия истинности сказанного. Нарушение данного слова влекло за собой не только моральные, но и социальные санкции, вплоть до исключения из офицерского сообщества. Формула функционировала как маркер принадлежности к офицерскому корпусу и под-

² См.: *Есть!* // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 / пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева; под ред., предисл. проф. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1968. С. 29.

³ См.: Шанский Н. М. В мире слов: пособие для учителей; 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1978. С. 195–196. Далее – Шанский Н. М. В мире слов.

⁴ Устав внутренней службы ВС РФ.

чёркивала особый статус офицера как носителя высших морально-этических качеств:

«Хорошо, поезжай, но, смотри, только с родными ... – сказал князь. Слово офицера, ваша светлость ... Хорошо, говорю, поезжай, но если ...»¹;

«Ну, слово лицеиста, должно быть, вам не менее свято, как нашему брату слово офицера: Бог вам на сей раз судья – расходитесь!»².

В коммуникативном плане формула выполняла функцию максимального усиления достоверности высказывания и, в отличие от других формул заверения, не требовала дополнительных подтверждений или свидетелей.

В современном русском языковом сознании данная формула сохраняет коннотацию высшей степени обязательности и честности, хотя и утратила свою изначальную институциональную функцию. Она остаётся значимым элементом культурной памяти, отражающим представления о чести, долге и моральных обязательствах в русской военной традиции.

Экспрессивную функцию выполняют ситуативные клише, представляющие собой формулы извинения, удивления, восторга, сожаления, упрёка, проклятия и т. д. К примерам таких клише в военной коммуникации, принимая во внимание полифункциональность многих формул, можно отнести ответ на поздравление российских военнослужащих, находящихся в строю, протяжным троекратным *Ура!*

В воинских уставах наблюдается значительная диспропорция в представленности ситуативных клише различной функциональной направленности. Минимальное количество формул, реализующих экспрессивную функцию, обусловлено рядом институциональных и прагматических факторов, среди которых нежелательность эмоциональной

окрашенности военной коммуникации, которая может препятствовать чёткому выполнению служебных задач, приоритет объективности и нейтральности в передаче информации над выражением личного отношения или эмоционального состояния коммуникантов, необходимость минимизации субъективного фактора для обеспечения единообразия понимания и исполнения приказов и институциональный характер военного дискурса, предполагающий деперсонализацию коммуникации и редукцию личного начала.

Наиболее представленными в военной сфере коммуникации выступают ситуативные клише, выполняющие директивную функцию, – команды и приказы.

Директивные ситуативные клише в военной коммуникации

С позиции теории речевых актов военные команды – это особый тип директивных (побудительных) высказываний с высокой степенью перлокутивной эффективности. Их иллокутивная сила характеризуется безусловным и немедленным выполнением приказа, чёткой регламентацией действий подчинённого и минимизацией вербальной и когнитивной нагрузки. С прагматической точки зрения военные команды представляют собой категорический императив, они максимально лаконичны, жёстко структурированы и исключают двусмысленность.

С лингвистической точки зрения военные команды – неоднословные устойчивые конструкции, характеризующиеся семантической спаянностью компонентов. На основании функции, выполняемой словосочетаниями данного типа в военной коммуникации, обозначим их *директивными ситуативными клише*.

На первый взгляд, директивные ситуативные клише в военной коммуникации представляют собой неидиоматичные словосочетания, фразеологичность которых определяется прежде всего устойчивостью. Действительно, ряд во-

¹ Гейнце Н. Э. Князь Тавриды (1898) // НКРЯ.

² Авенариус В. П. Юношеские годы Пушкина (1888) // НКРЯ.

енных команд не обладает признаками идиоматичности – их значение мотивировано и не вызывает трудностей с интерпретацией (например, команда *Стать в строй!*, которая подаётся для возвращения военнослужащего в строй, команды *К торжественному маршу...!*, *Предохранитель – ставь!*, *Штык-нож отомкнуть / примкнуть!* Ср. англ. – *fix bayonets* ‘примкнуть штыки’, *open ranks* ‘разомкнись’, *right step* ‘шаг вправо’, *at my command* ‘слушай мою команду’).

В ряде случаев определённые затруднения в интерпретации могут быть вызваны лаконичностью военных команд, детерминированной комплексом объективных факторов военной деятельности: необходимостью минимизации временных затрат на передачу информации в условиях боевых действий, корректного восприятия команды адресатом в условиях повышенного шумового фона, характерного для боевой обстановки, стандартизации и унификации, исключающей возможность многозначности.

Так, военные команды для строевых приёмов с оружием включают выражения, в которых редуцирована, но подразумевается часть высказывания «взять оружие» *на грудь, на ремень, к ноге, на плечо, за спину*. Сходным образом команда *к бою* подразумевает целый комплекс мероприятий по подготовке к ведению стрельбы (ср. *По команде «К БОЮ!» взять оружие в правую руку, сделать полный шаг правой ногой вперед и немного вправо, одновременно наклонить корпус вперед, опуститься на левое колено и поставить левую руку на землю впереди себя пальцами вправо; затем, опираясь последовательно на бедро левой ноги и предплечье левой руки, лечь на левый бок и быстро перевернуться на живот; ноги слегка раскинуть в стороны носками наружу и изготовиться для ведения огня*¹).

Отнесение всех военных команд к неидиоматичным выражениям военного дискурса оказывается отнюдь не бесспорным при детальном анализе языкового материала. Директивные клише в военной коммуникации обнаруживают признаки, по которым можно говорить об их слабой, а в ряде случаев и высокой степени идиоматичности.

Так, команда *eyes right / left* (рус. *равнение направо / налево*) предполагает поворот головы, поэтому значение этого выражения не идентично простой сумме значений входящих в него слов, т. е. отличается некоторой идиоматичностью.

Американская военная команда *double time, march* представляет собой усложнение способа указания на денотат – выражение, существующее в языке наряду с более простым и стандартным наименованием той же сущности [15, с. 12]. Команда *Double time, march!*, дословно обозначающая «Двойным шагом, марш!», подразумевает бег трусцой (англ. *to jog*) в темпе около 180 шагов в минуту. Таким образом, несмотря на существование в языке лексических средств для обозначения того же явления, в военной коммуникации используется усложнённая дескрипция с расширенной формой. В британских ВС используется похожая команда, представляющая собой усложнение способа указания на денотат, но уже в форме редукции: *Double, march!*

Ряд военных команд образованы переинтерпретацией, под которой подразумевается понимание выражения с прямым значением в переносном, связанном с прямым определённым отношением, правилом [15, с. 12]. Например, в предлодениях *«Мы лишились Генерал-Майора Окулова, убитого на месте сражения, а 14-го числа Граф Кутайсов ранен пулей в ногу»*² и *«Итак, могу похвастать, что*

¹ Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103092/f2f6c343b059b2

bb07e11c2fce01ccd3e38ca56f/?ysclid=m9dzkd3xs93611157 (дата обращения: 12.02.2025). Далее – Строевой устав ВС РФ.

² Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году (1839) // НКРЯ.

я первый обучал великих князей ходить в ногу с солдатами по барабану»¹ нога в первом случае используется в прямом значении, а во втором – переинтерпретируется по правилу метонимического переноса и обозначает синхронное движение военнослужащих в строю, при котором все одновременно делают шаг одной и той же ногой, соблюдают одинаковую длину шага, поддерживают единый ритм движения. Образ строится на метонимии: часть тела (нога) представляет всё действие марширования в строю. При этом важно, что внутренняя форма фразеологизма остаётся прозрачной – прямое значение легко считывается и понимается. Вероятно, именно прозрачная внутренняя форма позволила фразеологизму в последующем вторично развить переносное значение, в котором синхронность физического движения стала метафорой для согласованности действий в любой сфере (ср. «В этом смысле “Атомэкспо” идет в ногу с современными европейскими тенденциями»²) и делает возможным образное употребление фразеологизма («Трудно идти в ногу со временем, стоя на коленях»³).

Среди военных команд встречаются выражения, в которых идиоматичность возникает в результате усечения полной формы высказывания. Так, команда *As you were!* ‘отставить’, предполагающая приказ отменить или прекратить выполнение действия, образована редукцией и подразумевает “Return to how you were before I got here!”.

К непрозрачности выражения приводят пропущенные составляющие, которые семантически не исчезают и определяют необходимость проведения дополнительных когнитивных опера-

ций для его интерпретации [15, с. 23]. В русском военном подязыке примером непрозрачности редуцированной формы служит команда «В ружье!»: Для разбора оружия с земли подаются команды «Отделение – К ОРУЖИЮ» и затем «В РУЖЬЕ»⁴.

Выражение образовано в результате редукции фразеологизма *стоять в ружье* ‘стоять в строю с оружием в руках’ (ср. «Все солдаты должны **стоять в ружье**, кроме третьей шеренги, которой приказано будет срубать все близ стоящих деревья ...»⁵), в свою очередь, идиоматичного по фактору переинтерпретации. Отметим, что и в данном случае прозрачная внутренняя форма выражения способствовала его вторичному переосмыслению до обозначения ‘находиться в полной боевой готовности’ (ср. «На отъезде карауле неприятель ночью подъезжал, отчего учинена тревога и вся армия чрез то всю ночь **стояла в ружье**»⁶).

Анализ идиоматичных военных команд открывает их высокую степень национально-культурной специфичности. Идиоматичные директивные клише, в отличие от имеющей универсальный характер военной терминологии при общей тенденции к стандартизации военного дела в современном мире, отличаются национально-культурным своеобразием, отражающим многовековые традиции военной службы.

Причина такого речевого разнообразия, вероятно, кроется в источнике происхождения. Военные команды представляют собой уникальное языковое явление, демонстрирующее редкий пример трансформации разговорных конструкций в строго регламентированные формулы официально-делового стиля. Изначально стихийно сформирован-

¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни. Части 1–2 (1788–1822) // НКРЯ.

² Хализева М. В интересах энергетической стабильности // Наука в России. 2014. № 6. С. 41.

³ Мацанов А. Мастер и подмастерье / Ковчег, № 49 // НКРЯ.

⁴ Строевой устав ВС РФ.

⁵ Радищев А. Н. Офицерские упражнения [перевод книги А. Л. Эльсница с немецкого] (1773–1774) // НКРЯ.

⁶ Волконский М. Н. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского (1752) // НКРЯ.

ные в разговорной речи, отражающие естественные потребности в быстрой и чёткой передаче приказов в боевых условиях, военные команды выступают примером успешной кодификации живой речи без потери её базовых коммуникативных преимуществ.

В России команды были впервые закреплены в Строевом уставе для пехоты армии Петра I, действовавшем на протяжении почти всего XVIII в. без изменений. Например, «приемы ружейной экзерциции» того времени включали команды *подвысь мушкет, мушкет на караул, бери за дуло, выступи правой ногой, мушкет на плечо* и т. д.¹ Для перестроения использовались команды *заходи, стройся*, для стрельбы – *прикладывайся, пали* (глагол в повелительном наклонении образован от рус. *палить* ‘стрелять’ и впоследствии трансформирован в военную команду *пли!*²).

В Пехотном строевом уставе, изданном в 1768 г. в период царствования императрицы Екатерины II, военные команды приводятся курсивом и выступают неотъемлемым элементом регламентирующего документа³. Анализ устава демонстрирует высокую степень национально-культурной специфичности военных команд в сравнении с остальными фразеологическими единицами военной коммуникации. Так, в основе военной команды «на караул» – тюркское заимствование *караул* ‘стража’ (от *кара-* ‘смотреть, беречь’) как свидетельство первых столкновений с тюркскими народностями в эпоху Киевской Руси, конфликтов с печенегами и половцами, периода татаро-монгольского нашествия и последовавших за развалом Золотой орды взаимодействий Московской Руси с Казанским,

Астраханским, Сибирским и Крымским ханствами.

Заимствованная лексема использовалась в составе фразеологического оборота *сделать на караул* ‘салютовать кому-либо особым ружейным приёмом’: «Солдат разцел, что ежели ему надобно будет одеться, то он не уснѣет *сдѣлать* Государю ружьем *на караул*»⁴.

Выражение до настоящего времени используется в русском военном подъязыке как команда к выполнению воинского приветствия с карабином: *Выполнение воинского приветствия по команде «Для встречи справа (слева, с фронта), на кра-УЛ» с карабином из положения «к ноге» осуществляется в два приема...⁵*

Национально-культурная специфика выражения очевидна при сопоставлении с аналогичной командой в американском военном подъязыке *present arms!*, которая так же имеет давнюю традицию и была кодифицирована в первом армейском полевом уставе 1779 г. *The Regulations for the Order and Discipline of the Troops of the United States*, составленном американским генералом прусского происхождения бароном Фридрихом фон Штойбеном (Friedrich Wilhelm von Steuben) для систематизации строевых приёмов в армии США.

По данным этимологических словарей, фразеологизм *present arms* (досл. ‘представить, предъявить оружие’) к 1759 г. получил переосмысленное значение для номинации строевого приёма, при котором оружие держится перпендикулярно положению тела стволом против середины груди⁶.

Американский вариант обозначения приёма основан на описании самого дей-

¹ См.: Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: в 2 т. / сост. К. В. Татарников. Т. 1. М.: Русская панорама, 2010. С. 128–133.

² См.: Шанский Н. М. В мире слов С. 198.

³ Пехотный строевой устав. Ч. 1–3. Третьим тиснением. СПб.: Государственная военная коллегия, 1768. 180 с.

⁴ См.: Караул, краул // Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.: Ю. С. Сорокин [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/11/sl1825402.htm> (дата обращения: 14.02.2025).

⁵ Строевой устав ВС РФ.

⁶ См.: Present arms // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=present%20arms> (дата обращения: 14.02.2025).

ствия, и его значение частично мотивировано, в то время как русский полностью идиоматичен на основании переинтерпретации, непрозрачности и усложнения способа указания на денотат. Сопоставительный анализ открывает, что общая прагматическая функция директивного ситуативного клише имеет различное языковое воплощение в американском и русском военных подъязыках, и эти различия национально и культурно детерминированы.

Заключение

Проведённое исследование ситуативных клише военной коммуникации позволяет сделать следующие выводы:

1. В результате анализа военной коммуникации русского и английского языков выявлен и систематизирован корпус ситуативных клише, характеризующихся высокой степенью конвенциональности, устойчивостью и строгой функциональной направленностью.

2. Проведённый анализ ситуативных клише военной коммуникации позволяет констатировать их полифункциональность и высокую степень прагматической обусловленности. Фатические, когнитивные, экспрессивные и директивные функции данных фразеологических единиц в военном дискурсе реализуются с различной степенью интенсивности, что обусловлено спецификой институциональной коммуникации в военной среде.

3. Анализ идиоматичности военных ситуативных клише продемонстрировал их градуальный характер: от неидиоматичных и слабоидиоматичных клише до высокоидиоматичных единиц. Идиоматичность директивных ситуативных клише обусловлена факторами переинтерпретации значения, непрозрачности

выводимости и усложнения способа указания на денотат.

4. Сопоставительное исследование ситуативных клише в русском и английском военных подъязыках выявило их национально-культурное своеобразие на уровне языковой репрезентации при единстве прагматических функций, что свидетельствует об их двойственной природе как универсальных средств военной коммуникации и одновременно носителей этнокультурной специфики.

Предложенный интегративный подход к анализу ситуативных клише способствует развитию теории фразеологии, прагмалингвистики и лингвокультурологии. Результаты исследования вносят вклад в изучение институционального военного дискурса и его языковых особенностей. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в теории и практике военного перевода, в процессе межкультурной коммуникации военнослужащих разных стран, а также в лексикографической практике при составлении специализированных словарей военной фразеологии. Материалы исследования могут найти применение в образовательном процессе при разработке учебных курсов по военному переводу, стилистике военного подъязыка и межкультурной коммуникации в военной сфере.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении языкового материала и привлечении данных других языков для выявления универсальных и национально-специфических особенностей военных ситуативных клише, а также в более детальном изучении диахронического аспекта их функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суркова Е. В. Военная фразеология в трактате «О войне» К. фон Клаузевица // Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108). С. 178–185.
2. Суркова Е. В. Когнитивные основы военной фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 583–587.
3. Бойко Б. Л. Военная лексика и фразеология сетевой информации об учениях “Defender Europe 2021” (на материале немецкого языка) // Военно-филологический журнал. 2021. № 2. С. 14–22.
4. Гиляева Э. Н., Базарова Л. В., Хайруллина Д. Л. Профессионально маркированные фразеологизмы (терминологизмы) как результат процесса детерминологизации (на примере немецкоязычного научного дискурса) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 146–149.
5. Королева М. Ю. Способы образования сложнопроизводных военных терминов в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 71–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83.
6. Coulmas F. Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1981. 262 S.
7. Lüger H. Pragmatische Phraseme – Routineformeln // Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / hrsg. H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N. R. Norrick. Vol. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. S. 444–459.
8. Melčuk I. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // Idioms: structural and psychological perspectives / eds. M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, & R. Schreuder. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 167–232.
9. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
11. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии: краткий курс. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 307 с.
12. Gläser R. Phraseologie der englischen Sprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. 201 s.
13. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
14. Саниева А. Ю., Сидорова Н. А. Исследование конфликтного военно-политического дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53.
15. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: ЯСК, 2024. 280 с.

REFERENCES

1. Surkova, E. V. (2024). Military Phraseology in C. von Clausewitz’s Treatise “On War”. In: *Political Linguistics*, 6 (108), 178–185 (in Russ.).
2. Surkova, E. V. (2024). Cognitive foundations of military phraseology. In: *Cognitive Studies of Language*, 5 (61), 583–587 (in Russ.).
3. Boyko, B. L. (2021). Military vocabulary and phraseology of online media covering the defender-Europe 2021 (as exemplified in German). In: *Journal of Military Philology*, 2, 14–22 (in Russ.).
4. Gilyaeva, E. N., Bazarova, L. V. & Khayrullina, D. L. (2021). Professionally marked phraseological units (phraseological terminological units) as the result of determinologization (based on the German scientific discourse). In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (155), 146–149 (in Russ.).
5. Koroleva, M. Yu. (2023). The ways of compound derivative military terms formation in the English language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 71–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83 (in Russ.).
6. Coulmas, F. (1981). *Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik*. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion.

7. Lüger, H. (2007). Pragmatische Phraseme – Routineformeln. In: *Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Vol. 1*. Berlin: Walter de Gruyter, S. 444–459.
8. Mel'čuk, I. (1995). Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 167–232.
9. Iordanskaya, L. N. & Melchuk, I. A. (2007). *Meaning and compatibility in the dictionary*. Moscow: Ya-zyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.)
10. Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury" publ. (in Russ.).
11. Baranov, A. N. & Dobrovolsky, D. O. (2013). *Fundamentals of Phraseology: a short course*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (in Russ.).
12. Gläser, R. (1986). *Phraseologie der englischen Sprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
13. Karasik, V. I. (1998). On the categories of discourse. In: *Language personality: sociolinguistic and emotive aspects*. Moscow: Peremena publ., pp. 185–197 (in Russ.).
14. Sanieva, A. Yu. & Sidorova, N. A. (2025). The research of the conflict military and political discourse implemented in the communicative space of different linguistic cultures. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S 1, 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53 (in Russ.).
15. Baranov, A. N. & Dobrovolsky, D. O. (2024). *Essays on General and Russian Phraseology*. Moscow: YaSK publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суркова Екатерина Вячеславовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка (основного) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0001-8497-1215>; e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Surkova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dr. Sci. degree-seeking candidate, Department of English (first language), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0001-8497-1215>; e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 811.133.1/811.134.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-114-122

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЦЕЛИ В ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА КАРЛОСА РУИСА САФОНА «ТЕНЬ ВЕТРА»)

Макарова А. И.

Российский государственный университет туризма и сервиса, Московская обл.,

Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, Российская Федерация

e-mail: alexia90@rambler.ru

Поступила в редакцию 22.01.2025

После доработки 24.03.2025

Принята к публикации 07.04.2025

Аннотация

Цель. Выявление сходства и различия в употреблении сослагательного наклонения в придаточных предложениях цели в испанском и французском языках.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели в статье применяются описательный метод, метод компонентного анализа. Ключевыми исследовательскими методами стали также метод сплошной выборки и сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты. Выявлены спорные вопросы относительно употребления сослагательного наклонения в придаточных предложениях цели, а также дискуссионная проблема корреляции времён в придаточных предложениях цели в близкородственных языках. Употребление сослагательного наклонения является стабильным в придаточных предложениях цели в двух романских языках, но употребление временных форм в испанском языке представлено разнообразнее.

Теоретическая и практическая значимость. Проведённый анализ является актуальным для сравнительной типологии двух близкородственных языков (испанского и французского). Полученные результаты могут быть использованы в различных курсах теории и практики преподавания романских языков: теоретической и практической грамматики, сравнительной типологии.

Ключевые слова: испанский язык, придаточные предложения цели, синтаксис, сослагательное наклонение, французский язык

Для цитирования:

Макарова А. И. Придаточные предложения цели в испанском и французском языках (на примере романа Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра») // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 114–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-114-122>

Original research article

SUBORDINATE CLAUSES OF PURPOSE IN SPANISH AND FRENCH (ON THE EXAMPLE OF CARLOS RUIZ ZAFÓN “THE SHADOW OF THE WIND”)

A. Makarova

*Russian State University of Tourism and Service, dp. Cherkizovo, Urban district Pushkinsky,
Moscow region, Russian Federation*

e-mail: alexia90@rambler.ru

Received by the editorial office 22.01.2025

Revised by the author 24.03.2025

Accepted for publication 07.04.2025

Abstract

Aim. To reveal similarities and differences in the use of the subjunctive mood in subordinate clauses of purpose in Spanish and French.

Methodology. To achieve this aim, the article uses a descriptive method, the method of component analysis. In addition, the key research methods used in the article are the continuous sampling method, as well as comparative analysis.

Results. Controversial issues regarding the use of the subjunctive mood in subordinate clauses of purpose are identified, as well as the debatable problem of correlation of tenses in subordinate clauses of purpose in closely related languages. The use of the subjunctive mood is stable in subordinate clauses of purpose in two Romance languages, but the use of tenses in Spanish is more diverse than in French.

Research implications. The analysis is relevant for the comparative typology of two closely related languages (Spanish and French). The results obtained can be used in various courses of theory and practice of teaching Romance languages: theoretical and practical grammar, comparative typology.

Keywords: the Spanish language, subordinate clauses of purpose, syntax, subjunctive mood, the French language

For citation:

Makarova, A. I. (2025). Subordinate clauses of purpose in Spanish and French (on the example of Carlos Ruiz Zafón “The Shadow of the Wind”). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 114–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-114-122>

Введение

Сослагательное наклонение в придаточных предложениях является сложным многокомпонентным вопросом в рамках как испанского языка, так и французского. Наряду с общепринятыми правилами употребления сослагательного наклонения и его временных форм возникает ряд отклонений от нормы. Их часто можно встретить как в художественной литературе, так и в публицистических текстах и разговорной речи. Таким образом, становится очевидным, что употребление со-

слагательного наклонения остаётся актуальным объектом для сопоставительного изучения языков, в нашем случае испанского и французского.

При изучении данного вопроса в рамках сопоставительной лингвистики прослеживается ряд общих теоретических вопросов относительно данного грамматического явления в языке. Однако наибольший интерес вызывает вопрос расхождений в употреблении одного и того же грамматического явления в двух близкородственных языках.

Основным дискуссионным моментом обсуждаемого вопроса можно считать, на наш взгляд, определение статуса сослагательного наклонения и понятия модальности. Тема модальности и её выражение формами *Sudjonctif* во французском языке и *Sudjuntivo* в испанском языке обсуждалась и вызывала много споров. Так Л. П. Пицкова в своих трудах придерживается точки зрения, согласно которой *Sudjonctif* во французском и *Sudjuntivo* в испанском являются амодальными формами, выполняя прежде всего функцию грамматического подчинения [1, с. 76]. В данной статье за основу берётся точка зрения, представленная многими исследователями в области романской филологии, согласно которой сослагательное наклонение имеет модальное значение, а употребление изъявительного наклонения вместо сослагательного и наоборот имеет разницу в семантике, которая зависит от ряда грамматических и морфологических факторов [2].

В статье предпринимается попытка выявить расхождение в употреблении сослагательного наклонения в испанском и французском языках на примере придаточных предложений цели с союзами *pour que* и *para que*. Для достижения поставленной цели методом сплошной выборки были отобраны примеры сложноподчинённых предложений в испанском языке и их перевод на французском языке. Для дальнейшего анализа применялись описательный метод и метод компонентного анализа.

Аналитической базой послужили примеры из романа испаноязычного писателя Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» и его литературного перевода на французский язык.

Результаты исследования показывают, что употребление сослагательного наклонения в придаточных цели имеет ряд особенностей в двух близкородственных языках. Рассмотрим подробнее.

Придаточные предложения цели в теоретических трудах

Изучение сложных предложений с обстоятельственным придаточным поднимает ряд теоретических вопросов, связанных с несколькими аспектами грамматики.

Следует прежде всего подробнее рассмотреть вопрос статуса сослагательного наклонения в романских языках. Согласно исследованиям Л. П. Пицковой главной функцией сослагательного наклонения является грамматическое подчинение. Исследователь придерживается данной точки зрения, основываясь на ряде факторов: глагол в форме сослагательного наклонения, вырванный из контекста, лишь называет действие и указывает лицо и число; главным условием употребления сослагательного наклонения является придаточное предложение, сослагательное наклонение употребляется в придаточных предложениях после определённых управляющих конструкций; сослагательное наклонение интерпретирует действие с позиции главной конструкции; грамматическое подчинение обусловлено отмиранием системы согласования времён в сослагательном наклонении [1, с. 76–77].

Существует и другая точка зрения, согласно которой сослагательное наклонение имеет статус модальной формы. Такой точки зрения, например, придерживались Ж. Дамурет и Е. Пишон. В своём исследовании они сравнивают употребление изъявительного и сослагательного наклонений и приходят к выводу, что употребление *Subjonctif* несёт дополнительное модальное значение в зависимости от глагола, который употребляется в главном предложении [3]. Так, исследователи выделяют следующие значения: подтверждения факта, предположения, желания, намерения и мн. др. Н. А. Катагощина в своём исследовании также утверждает: «Отсутствие твердого определенного мнения или суждения

всегда связано с наличием оттенков сомнения, неуверенности, предположительности, гипотетичности» [4, с. 27]. Такой «оттенок», по мнению исследователя, даёт употребление сослагательного наклонения. При этом, как отмечают и Ж. Дамурет, Е. Пишон, и Н. А. Катагощина, употребление форм сослагательного наклонения может характеризовать не только говорящего, но и третье лицо или слушателя.

Рассмотрим примеры:

Tú te traes tu libro para que lo pueda examinar bien, y yo te cuento lo que sé de Julián Carax¹.

Tu apporteras le livre pour que je puisse examiner à loisir, et moi je te raconterai ce que je sais sur Julián Carax².

В данном случае, с одной стороны, фактором употребления сослагательного наклонения являются союзные слова “para que” или “pour que”, которые вводят семантический оттенок намерения. Однако усилением этого оттенка является употребление сослагательного наклонения. Следует также отметить, что согласование времён, которое не представлено в современном французском языке, по мнению Л. П. Пицковой, за счёт исчезновения формы *Imparfait du Subjonctif*, в испанском языке наблюдается, о чём будут свидетельствовать примеры статьи в эмпирической части исследования.

Таким образом, в данном исследовании принимается точка зрения, согласно которой сослагательное наклонение имеет модальное значение и его функция гораздо шире и богаче, чем простое грамматическое подчинение.

Одна из трудностей связана со статусом союзного слова “pour que” во французском языке и “para que” в испанском и предлогов *pour* и *para*. Вопрос заключается в определении части сложноподчинённого предложения, к которой относятся предлоги, – главное или придаточное предложение. Следует отметить, что мы придерживаемся концепции, согласно которой, если субстантивировать придаточное предложение, а союз *que* таким образом становится определением, то предлоги *pour* и *para* становятся частью дополнения в рамках простого предложения [5; 6]. Отсюда предлоги относятся к придаточному предложению, образуя с союзом *que* союзное слово.

Достаточно сложным вопросом является классификация сложных предложений с обстоятельственным придаточным. Существует классификация, согласно которой придаточные различаются по типу союзного слова. В рамках этой классификации сложноподчинённые предложения с союзным словом “pour que” во французском языке и “para que” в испанском следует отнести к группе «предлог + que». Однако классификация не является полной, так как исключает те предложения, которые образованы при помощи союзов. Исследователь Фердинанд Брюно выделяет «нелогические» и «логические» придаточные обстоятельства. К первым относятся сравнительные придаточные, придаточные времени. Ко вторым исследователь относит придаточные цели, следствия, противопоставления. Классификация Фердинанда Брюно, однако, не разграничивая придаточные предложения цели, следствия, противопоставления, затрудняет дальнейшее изучение придаточных предложений и их особенностей. Каждое предложение, таким образом, требует уточнений [7]. В рамках данной статьи в основе лежит классификация придаточных предложений по семантическому признаку, согласно которой придаточные предложения с союзным словом “pour que” во французском

¹ Zafón C. R. La sombra del viento // Электронная библиотека BooksCafe.Net. URL: https://bookscafe.net/read/zafon_carlos-la_sombra_del_viento-141247.html#p1 (дата обращения: 05.09.2023). Далее – Zafón C. R. La sombra del viento.

² Zafón C. R. L'ombre du vent viento // Электронная библиотека BooksCafe.Net. URL: https://bookscafe.net/read/zafon_carlos-lombre_du_vent-223017.html#p1 (дата обращения: 05.09.2023). Далее – Zafón C. R. L'ombre du vent viento.

языке и “para que” в испанском являются отдельным типом придаточных предложений – придаточные цели. Такая классификация позволяет провести анализ и выделить особенности употребления сослагательного наклонения в группе однотипных предложений, ограничиваясь анализом лишь отдельных примеров.

Сложность в изучении придаточных предложений цели в испанском языке также вызывает омонимия с придаточными предложениями образа действия и причины. В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения, описанной в трудах Н. М. Васильевой, В. И. Павловой, которые считают, что если в придаточных предложениях с союзом “para que” употребляются формы, обозначающие предшествующее действие, то следует говорить о предложениях причины. Придаточные предложения образа действия представлены во французском языке “sans que” и в испанском союзами “sin que”, “como”, “según que” и др. [8].

Сложноподчинённые предложения с придаточным цели являются одними из самых стабильных типов предложений с точки зрения употребления сослагательного наклонения. Как отмечают многие французские и испанские исследователи, в придаточных предложениях цели всегда употребляется сослагательное наклонение [9, с. 322; 10, р. 356]. Следует отметить, что эта стабильность в употреблении сослагательного наклонения в придаточных предложениях цели прослеживается в латинском языке, о чём пишет в своей работе А. Ф. Лосев, говоря о законах полного и сверхполного подчинений [11, с. 343–347].

Отмечая употребление времён сослагательного наклонения в придаточных предложениях цели, следует учесть ещё один дискуссионный вопрос. Исследователи отмечают употребление форм прошедшего времени (Pretérito Imperfecto de Subjuntivo в испанском языке и Imparfait du Subjonctif во французском языке) для выражения действий, отно-

сящихся к плану прошедшего. Формы настоящего времени употребляются для выражения действий, относящихся к плану настоящего или будущего [12; 13; 14]. Как отмечает, однако, Н. М. Васильева, в устной речи употребление формы сослагательного наклонения настоящего времени также приемлемо для выражения действий плана прошедшего [9, с. 76].

Анализ придаточных предложений цели в романе Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра»

Для анализа употребления сослагательного наклонения в придаточных предложениях цели методом сплошной выборки были отобраны придаточные предложения цели с союзным словом с “para que” в романе Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» на языке оригинала, испанском, и их перевод Франсуа Масперо на французский язык.

Следует прежде всего отметить те случаи, когда как в испанском языке, так и во французском употребляется форма сослагательного наклонения для выражения действия, относящегося к настоящему:

Ya tiene la vida suficientes verdugos para que uno vaya haciendo doblete y ejerciendo de Torquemada con uno mismo¹.

Il y a assez de bourreaux dans la vie pour qu'on n'en rajoute pas en se faisant son propre Torquemada².

В ходе анализа также были обнаружены предложения, в которых главное предложение является неполным:

A ti primero, para que el te vea con las tripas colgando³.

Toi d'abord, pour qu'il te voie les tripes à l'air⁴.

Следует также отметить, что были выявлены случаи, когда придаточное предложение отделено от главного точкой, и формально перед нами простое, самостоятельное предложение, которое начи-

¹ Zafón C. R. La sombra del viento.

² Zafón C. R. L'ombre du vent.

³ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁴ Zafón C. R. L'ombre du vent.

нается с союза “para que” в испанском и “pour que” во французском языке:

– Yo quiero escribir una carta. A mamá. Para que no se sienta sola¹.

Je veux écrire une lettre. A maman. Pour qu'elle ne se sente pas seule².

Можно заключить, что на употребление сослагательного наклонения влияет не тип сложноподчинённого предложения, а союзное слово.

Многочисленными являются примеры, которые демонстрируют употребление сослагательного наклонения в форме настоящего времени для выражения будущего действия как во французском языке, так и в испанском, что показывает некоторую стабильность в сравнении с употреблением сослагательного наклонения в других типах придаточных предложений, например, придаточных дополнительных, где в испанском языке возможны случаи употребления суппозитива [11]:

Mío también, si me amenaza usted para que le venda un libro que no tengo³.

La mienne aussi, puisque vous me menacez pour que je vous vende ce que je n'ai pas⁴.

Si necesitas, coge de la caja, pero deja una nota para que luego Fermín no se asuste al cerrar el día⁵.

Donc, si tu en as besoin, puise dans la caisse, mais laisse une note pour que Fermín n'ait pas de mauvaise surprise à la fin de la journée⁶.

¿Y cómo sabe que no le diré que sí sólo para que me diga dónde está Jacinta Coronado⁷?

Et si je vous répondais oui uniquement pour que vous me disiez où est Jacinta Coronado⁸?

– Mi tío me ha dado este traje suyo para que te lo pongas⁹.

– Mon oncle m'a donné ces habits pour que tu les mettes¹⁰.

Анализируя примеры употребления сослагательного наклонения для выражения действий, относящихся к плану прошедшего, следует отметить, что во французском переводе романа не встретился ни один случай употребления формы *Imparfait du Subjonctif*, тогда как в испанском языке для выражения прошедших действий в придаточных цели стабильно используется форма *Prétérito Imperfecto de Subjuntivo*. Приведём несколько примеров:

Según Neuval, ella quería casarse con Julián para que él fuse su heredero¹¹.

D'après Neuval, elle voulait épouser Julián pour qu'il devienne son héritier¹².

El título de propiedad fue transferido a una sociedad de bienes raíces a la que Aldaya debía dinero para que tramitase su venta, derribo o lo que se terciase¹³.

Le titre de propriété fut transféré à une société de gérance à laquelle Aldaya devait de l'argent, pour qu'elle s'occupe de sa vente, de sa démolition ou de toute autre solution qui se présenterait¹⁴.

Aquella misma noche hizo llamar al médico de la familia para que reconociese a Penélope¹⁵.

La nuit même, il a fait venir le médecin de la famille pour qu'il examine Penélope¹⁶.

Во всех случаях, встретившихся в анализируемом романе на французском языке, для выражения действий прошедшего плана в придаточных цели используется форма сослагательного наклонения настоящего времени.

¹ Zafón C. R. La sombra del viento.

² Zafón C. R. L'ombre du vent.

³ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁴ Zafón C. R. L'ombre du vent.

⁵ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁶ Zafón C. R. L'ombre du vent.

⁷ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁸ Zafón C. R. L'ombre du vent.

⁹ Zafón C. R. La sombra del viento.

¹⁰ Zafón C. R. L'ombre du vent.

¹¹ Zafón C. R. La sombra del viento.

¹² Zafón C. R. L'ombre du vent.

¹³ Zafón C. R. La sombra del viento.

¹⁴ Zafón C. R. L'ombre du vent.

¹⁵ Zafón C. R. La sombra del viento.

¹⁶ Zafón C. R. L'ombre du vent.

Говоря про употребление Pretérito Imperfecto de Subjuntivo в испанском языке, следует также отметить, что наряду с глагольной формой, оканчивающейся на -se, встречаются случаи употребления глагольной формы, оканчивающейся на -ra. Данные формы являются абсолютными эквивалентами для выражения действий прошедшего плана [14; 15]:

... se precisaba solventar con discreción para que la gente respetable pudiera seguir viviendo de ilusiones¹.

... d'affronter les affaires les plus difficiles et les plus ingrates, où la discrétion était de rigueur pour que les gens respectables puissent continuer de vivre avec leurs illusions².

... la llenó de tinta para nosotros y me ofreció un pergamino para que pudiese anotar mi nombre y así iniciar mi carrera literaria a la zaga de Víctor Hugo³.

... le remplit d'encre pour nous, et nous donna un parchemin afin que je puisse y inscrire mon nom et entamer ainsi ma carrière littéraire dans le sillage de Victor Hugo⁴.

Следует отметить, что некоторые исследователи полагали, что форма на -ra не только является эквивалентом форме на -se, но и встречается значительно чаще в испанском языке и даже выступает предпочтительной [16, с. 174–175]. По мнению М. В. Сергиевского по данному вопросу, форма -ra в староиспанском языке сохраняла значение «преждепрошедшего», но постепенно приобрела своё современное значение [17, с. 199]. Этой же точки зрения придерживаются Н. А. Катагощина и Е. М. Вольф, которые также отмечают, что в современном испанском языке, особенно в некоторых зонах Латинской Америки, есть тенденция к преимущественному употреблению формы на -ra и в разных контекстах [16, с. 174].

В ходе анализа данная точка зрения не подтверждается. Однако следует отме-

тить, что в отдельных случаях глагольная форма, оканчивающаяся на -ra, является обязательной. Так, глаголы *querer* и *deber* употребляются в Pretérito Imperfecto de Subjuntivo с формой -ra:

Su madre decía que todo aquello era culpa mía, que Nuria me adoraba y como pensaba que su padre sólo quería a los libros, ella quería escribir libros para que su padre la quisiera a ella⁵.

Sa mère prétendait que tout ça était ma faute, que Nuria m'adorait et que, comme elle pensait que son père n'aimait que les livres, elle voulait en écrire pour que son père l'aime aussi⁶.

Следует отметить, что форма Pretérito Imperfecto de Subjuntivo, оканчивающаяся на -ra, употребляется также для выражения планируемого действия в плане прошедшего. Например:

Me dio órdenes de mantener a Penélope en su habitación hasta que ella diera su permiso para que saliera⁷.

Во французском языке используется инфинитив:

Elle m'a donné l'ordre de consigner Penélope dans sa chambre jusqu'à ce qu'elle lui donne la permission d'en sortir⁸.

Исследователи также указывают, что в испанском языке форма, оканчивающаяся на -ra в Pretérito Imperfecto de Subjuntivo, может употребляться для выражения предшествующего действия, соответствуя в придаточных предложениях форме Plusquamperfecto de Indicativo [10]. Однако такие случаи при анализе не были выявлены.

Заключение

Таким образом, анализ теоретических работ и примеров показал, что в придаточных цели всегда употребляется сослагательное наклонение, при этом нельзя утверждать, что это употребление в ис-

¹ Zafón C. R. La sombra del viento.

² Zafón C. R. L'ombre du vent.

³ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁴ Zafón C. R. L'ombre du vent.

⁵ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁶ Zafón C. R. L'ombre du vent.

⁷ Zafón C. R. La sombra del viento.

⁸ Zafón C. R. L'ombre du vent.

панском и французском языках полностью совпадает.

Как показывает анализ, наряду с формой настоящего времени в испанском языке активно употребляется форма *Pretérito Imperfecto de Subjuntivo*. Форма глагола в *Pretérito Imperfecto de Subjuntivo* употребляется в двух возможных вариантах образования. Во французском языке наблюдается упрощение в корреляции времён сослагательного наклонения. Для выражения будущего, настоящего и прошедшего стабильно употребляется сослагательное наклонение в форме *Présent du Subjonctif*.

Следует также отметить те случаи, когда сослагательное наклонение употре-

бляется в неполных сложноподчинённых предложениях и в простых предложениях. На выбор наклонения влияет, таким образом, союзное слово, что является особенностью предложений цели в сравнении, например, с придаточными дополнительными.

Полученные данные могут быть полезными для дальнейшего изучения придаточных предложений различных типов и употребления сослагательного наклонения в них как в рамках отдельных языков, так и в сопоставительном плане. Результаты проведённого в статье исследования могут применяться для теоретических и практических курсов преподавания испанского и французского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пицкова Л. П. Морфология французского языка: учебное пособие: [для студентов языковых вузов и переводческих факультетов университетов]. М.: Высшая школа, 2009. 167 с.
2. Макарова А. И. Сравнительный анализ употребления сослагательного наклонения в придаточных дополнительных во французском и испанском языках // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: материалы международной научной конференции (Москва, 26–27 июня 2018 г.) / отв. ред. И. В. Скуратов. М.: МГОУ, 2018. С. 118–123.
3. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée: essai de grammaire de la langue française. T. 5. 1911–1936: verbes (fin), auxiliaires, temps, modes, voix. Paris: Ed. d'Artrey, 1987. 866 p.
4. Катагощина Н. А. Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языках. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1985. 55 с.
5. Guiraud P. La syntaxe du Français. Paris: Presses Universitaire de France, 1967. 126 p.
6. Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1988. 670 p.
7. Brunot F. La pensée et la langue. Paris: Masson, 1965. 982 p.
8. Васильева Н. М., Павлова В. И. Сравнительно-сопоставительная морфология французского и испанского языков (на материале модально-временных форм глагола в придаточных обстоятельственных предложениях): учебное пособие. М.: Издательство МГОУ, 2005. 78 с.
9. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для вузов; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 473 с.
10. Gómez Torrego L. Gramática didáctica del español. Madrid: SM, 2015. 544 p.
11. Лосев А. Ф. Языковая структура: учебное пособие. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1983. 375 с.
12. Пицкова Л. П. Значение и употребление временных форм сослагательного наклонения в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1959. 181 с.
13. Aherm A. El subjuntivo: contextos y efectos. Madrid: Arco Libros – La Muralla, S. L., 2008. 96 p.
14. Hognaglo K. La concordancia temporal en las oraciones subordinadas de subjuntivo en español y en francés: normas y discordancias // BEOIBERÍSTICA – Revista De Estudios Ibéricos, Latinoamericanos Y Comparativos. 2020. Vol. 4. No. 1. P. 13–30. DOI: 10.18485/beoiber.2020.4.1.1.
15. Макарова А. И. Семантическая амбивалентность сослагательного наклонения в испанском языке // Романские языки: прагматика и дискурс (способы выражения и содержание): материалы Международной научной конференции (Москва, 28–29 июня 2022 г.) / отв. ред. И. В. Скуратов. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 124–128.
16. Катагощина Н. А., Вольф Е. М. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М.: Наука, 1968. 255 с.
17. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1952. 279 с.

REFERENCES

1. Pitskova, L. P. (2009). *Morphology of the French language*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
2. Makarova, A. I. (2018). Comparative analysis of using subjunctive mood in noun clauses of French and Spanish. In: *Evolution of Romance Languages: From the Language of a People to the Language of a Nation: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, June 26–27, 2018)*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 118–123 (in Russ.).
3. Damourette, J. & Pichon, E. (1987). *Des mots à la pensée: essai de grammaire de la langue française. Tome 5. 1911-1936: verbes (fin), auxiliaires, temps, modes, voix*. Paris: Ed. d'Artrey.
4. Katagoshchina, N. A. (1985). *The relationship between verbal and nominal categories in Russian and French*. Moscow: Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya publ. (in Russ.).
5. Guiraud, P. (1967). *La syntaxe du Français*. Paris: Presses Universitaire de France.
6. Tesnière, L. (1988). *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck.
7. Brunot, F. (1965). *La pensée et la langue*. Paris: Masson.
8. Vasilyeva, N. M. & Pavlova, V. I. (2005). *Comparative-contrastive morphology of the French and Spanish languages (based on modal-tense forms of the verb in subordinate adverbial clauses)*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
9. Vasilyeva, N. M. & Pitskova, L. P. (2025). *French language. Theoretical grammar, morphology, syntax: textbook for universities*. Moscow: Yurayt publ. (in Russ.).
10. Gómez Torrego, L. (2015). *Gramática didáctica del español*. Madrid: SM.
11. Losev, A. F. (1983). *Language Structure*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin (in Russ.).
12. Pitskova, L. P. (1959). *The meaning and use of tense forms of the subjunctive mood in modern French [dissertation]*. Moscow (in Russ.).
13. Ahern, A. (2008). *El subjuntivo: contextos y efectos*. Madrid: Arco Libros – La Muralla, S. L.
14. Hognaglo, K. (2020). La concordancia temporal en las oraciones subordinadas de subjuntivo en español y en francés: normas y discordancias. In: *BEOIBERÍSTICA – Revista De Estudios Ibéricos, Latinoamericanos Y Comparativos*, 4 (1), 13–30. DOI: 10.18485/beoiber.2020.4.1.1.
15. Makarova, A. I. (2022). Semantic ambivalence of the subjunctive mood in Spanish. In: *Romance Languages: Pragmatics and Discourse (Methods of Expression and Content): Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, June 28–29, 2022)*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 124–128 (in Russ.).
16. Katagoshchina, N. A. & Wolf, E. M. (1968). *Comparative-contrastive grammar of the Romance languages. Ibero-Romance subgroup*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
17. Sergievsky, M. V. (1952). *Introduction to Romance linguistics*. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannom yazyke publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макарова Александра Игоревна (г. Мытищи) – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы общего гуманитарного образования (на правах института) Российского государственного университета туризма и сервиса;
<https://orcid.org/0000-0002-7560-4349>; e-mail: alexia90@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra I. Makarova (Mytishchi) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Higher School of General Education in the Humanities, Russian State University of Tourism and Service;
<https://orcid.org/0000-0002-7560-4349>; e-mail: alexia90@rambler.ru

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-123-131

СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ОТПРИЧАСТНЫХ НАРЕЧИЙ

Первак Т. В.

*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: alexfirst@yandex.ru*

Поступила в редакцию 21.10.2024

Принята к публикации 30.10.2024

Аннотация

Цель. Выявить семантические расхождения у производных наречий, обусловленные наличием / отсутствием адъективации производящих слов (причастий).

Процедура и методы. Автором осуществлено корпусное исследование наречий с суффиксом *-weise*, включающее наблюдение, обобщение и описание реализуемых ими значений. При помощи сравнительного метода проведено последующее установление семантических сходств и различий, обусловленных статусом производящей основы (причастие или адъективированное причастие).

Результаты. Проведённый анализ показал, что наречия, образованные от адъективированных причастий, по семантическим параметрам соответствуют модальным словам с оценочным значением. Наречия, в основе которых лежит причастие, могут выражать значение одновременности действий, сопутствующего обстоятельства, совместности или инструментальности.

Теоретическая значимость. Исследование углубляет представления о словообразовательных отношениях в языке, в частности о семантической обусловленности производного наречия значением производящей основы.

Ключевые слова: адъективация, адъективированное причастие, отпричастное наречие, причастие, производное наречие

Для цитирования:

Первак Т. В. Семантическая неоднородность немецких отпричастных наречий // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 123–131. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-123-131>

Original research article

SEMANTIC HETEROGENEITY OF GERMAN ADVERBS FORMED FROM PARTICIPLES

T. Pervak

*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: alexfirst@yandex.ru*

Received by the editorial office 21.10.2024

Accepted for publication 30.10.2024

Abstract

Aim. To identify semantic differences in derivative adverbs caused by the presence/absence of adjectivization of the producing words (participles).

Methodology. The author conducted a corpus study of adverbs with the suffix *-weise*, including observation, generalization and description of the meanings realized by them. Using the comparative method, subsequent established semantic similarities and transformations are carried out, conditioned by the status of the derivative base (participle or adjectival participle).

Results. The analysis showed that adverbs formed from participial adjectives correspond to evaluative sentence adverbs in terms of their semantic parameters. Adverbs based on a participle can express the meaning of simultaneity of actions, accompanying circumstances, compatibility or instrumentality.

Research implications. The study deepens the understanding of word-formation relations in language, in particular, the semantic determinacy of a derivative adverb by the meaning of the productive base.

Keywords: adjectivization, participial adjectives, verbal adverb, participle, derivative adverb

For citation:

Pervak, T. V. (2025). Semantic heterogeneity of German adverbs formed from participles. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 123–131. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-123-131>

Введение

Внимание в данном исследовании сфокусировано на расхождениях в семантической интерпретации производных наречий с суффиксом *-weise*, образованных, с одной стороны, от причастий, а с другой стороны, от причастий, прошедших процесс адъективации и утративших морфологические признаки глагола. Анализ активных процессов в сфере образования отпричастных наречий в немецком языке, а также изучение их семантического спектра представляется актуальной и современной задачей, особенно в свете высокой продуктивности суффикса *-weise* в синхронном словообразовании. Данное исследование базируется на корпусе немецкого языка DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache)¹, который включает в себя целый ряд подкорпусов (публицистика, спорт, юриспруденция, мода, медицина и т. д.), однако в целях объективности примеры отбирались независимо от их жанровой специфики.

Высокая продуктивность суффикса *-weise* действительно контрастирует на данный момент с общим положением о том, что словообразовательные возможности наречий по сравнению с существительными, прилагательными и глаголами сильно ограничены, а потребность в адвербиальных неологизмах остаётся незначительной. Такое «отставание» В. Флейшер и И. Барц связывают с тем, что отношения внутри репрезентации фактов (временные, локальные, модальные, причинные) и в ситуации общения подвергаются меньшему экстралингвистическому влиянию по сравнению с потенциалом наименования [1, S. 361].

В. Флейшер и И. Барц предлагают считать суффиксы продуктивными, если их словообразовательные модели имеют лишь незначительные ограничения (качественный критерий) и могут также в значительной степени использоваться для образования окказионализмов (количественный критерий) [1, S. 57]. Суффикс *-weise* относится в настоящий момент к тем суффиксам, которые показывают как высокую продуктивность, так и относительно свободную сочетаемость с

¹ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 10.10.2024). Далее – DWDS.

различными частями речи, в первую очередь с существительными и прилагательными. Специфику таких наречий наиболее полно отражают работы П. Брандта, В. Гойдера, Г. и А. Гельбих, Д. Элснер, В. Флейшера и И. Барц, Т. В. Первак, где описаны морфологические особенности [1; 2] и словообразовательные модели [3; 4], семантические аспекты [5; 6], а также синтаксические функции и позиции в предложении [7].

Причастие как производящая основа для наречия

Глагол, точнее основа глагола, также может выступать производящей основой для ряда наречий с суффиксом *-weise*, однако не показывает при этом высокой продуктивности и лексической сочетаемости, подтверждением чему служат лишь единичные производные наречия (*kleckerweise*, *leihweise*, *mietweise*). Значение отглагольного наречия связано с представлением, в какой форме или каким образом производится действие, выраженное предикатом, например, *leihweise – zum Leihen*:

(1) *Eine weitere Zielgruppe sind Hotels, die ihren Gästen derartige Geräte leihweise zur Verfügung stellen sollen*¹.

В то же время формы глагола – причастия настоящего и прошедшего времени (Partizip I и Partizip II) – демонстрируют обратное явление. Сочетаемость производящей основы, выраженной причастием, и форманта *-weise* не имеет строгих семантических и словообразовательных ограничений. Причастия и прилагательные в отличие от существительных сочетаются с *-erweise*, т. е. морфемный шов проходит между причастием и интерфиксом *-er*.

Лингвисты относят причастия к одной из наиболее противоречивых грамматических категорий. Промежуточное положение причастий в грамматической

системе языка между глаголом и прилагательным определяет возможность их адъективации. Адъективация причастий – это медленно протекающий процесс, результаты которого характеризуются устойчивостью и необратимостью. Как отмечает О. И. Москальская, «... процесс перехода причастий в прилагательные или “окачествление” причастий есть процесс одновременно лексический и грамматический» [8, с. 347]. «Функционально они становятся эквивалентными качественным прилагательным, а в семантическом отношении проявляют синонимические связи с прилагательными. В то же время для семантики адъективированных причастий характерен целый ряд особенностей, обусловленных, с одной стороны, генетической связью причастий с глаголами и, с другой стороны, функциональной и семантической соотносительностью с качественными прилагательными» [9, с. 148].

В немецком языке к адъективированным причастиям относятся причастия настоящего и прошедшего времени (Partizip I и Partizip II), которые «полностью утратили категориальные признаки глагола (категории залога, наклонения и времени), приобрели категориальные особенности имён прилагательных и выражают статические вневременные, неактивные свойства и качественные признаки» [9, с. 148].

К таким грамматическим признакам можно отнести способность образовывать степени сравнения, использование причастий в роли предикатива, а также употребление причастий с префиксом *un-*.

Сравним на примерах из корпуса немецкого языка DWDS грамматические признаки адъективированного причастия *erschreckend* (помета в словаре: *partizipiales Adjektiv*) и причастия настоящего времени *lesend*.

(2) *Es ist erschreckend, wie sich die Löwen präsentieren.*

(3) *Die Resultate der deutschen Peripherie-Anbieter sind noch erschreckender.*

¹ Здесь и далее (если не указано иное) иллюстративный материал представлен из корпуса DWDS.

(4) *Für mich war es eines der emotionalsten, aber auch erschreckendsten Bücher für 2022.*

(5) *Ihr seid im Vergleich ziemlich harmlos und erschreckend unerschreckend.*

В приведённых примерах можно проследить употребление адъективированного причастия: (2) в роли предикатива, (3) – в сравнительной степени, (4) – в превосходной степени, (5) – с отрицательной частицей *-un*.

Поиск в корпусе примеров по тем же самым критериям с причастием *lesend* дал иные результаты. В частности, отсутствуют случаи употребления *lesend* в роли предикатива, в сравнительной степени, но встречаются единичные случаи с приставкой *-un*, например:

(6) *Doch ich sollte an diesem Morgen unlesend bleiben.*

Пример (6) является нетипичным, так как префикс *-un* характерен в первую очередь для прилагательных и, соответственно, адъективированных причастий. Примечательно, что в лексикографических источниках¹ такие слова, как *unüberlegt, unvorhergesehen, unbedacht, unbefugt, unerhört, unerlaubt, unerwartet, unerwünscht*, зафиксированы с пометой «прилагательное». В то же время без приставки *-un* они классифицируются как причастная форма глагола. Если причастие допускает отрицание с помощью *-un*, то оно появляется и в производном наречии, например: *überraschend – unüberraschend* и *überraschenderweise – unüberraschenderweise*, однако *hörend – *unhörend* и *hörenderweise – *unhörenderweise*.

Обратим внимание на важность разграничения внешних и внутренних семантических ролей, реализуемых причастиями I и II. Причастия, в основе которых лежат переходные глаголы, связаны с определёнными семантическими ролями: причастие I относится к действующему лицу – агенсу (внешняя роль), а причастия II – к пациенсу (внутренняя

роль). Данное положение П. Брандт поясняет на следующих примерах:

(7) а. *Ebernburg spielte enttäuschend.*

б. *Berlins Mineiro (Nr. 7) dreht enttäuscht ab* [5, S. 70].

В (7а) Эбернбург разочаровывает (агенс или субъект, внешняя роль), но остаётся невысказанным, кто разочарован (пациенс или объект, внутренняя роль). В (7б) Минеиро разочарован (пациенс или объект, внутренняя роль), кто или что его разочаровывает, остаётся невыраженным (агенс или субъект, внешняя роль) [5, S. 70]. Из этого следует, что причастие I благодаря его отношению к агенсу предопределено для адвербиального использования и в целом не нуждается в суффиксации. В этом состоит отличие причастия I от причастия II, которое должно маркироваться для адвербиального использования, например, суффиксами *-weise* или *-ermaßen* [5, S. 80].

Д. Элснер, опираясь на мнение Д. Ронка о плеонастическом статусе суффикса *-weise* [10], провела исследование, в котором респондентам предложили описать значение отпричастного наречия *fahrenderweise* в двух предложениях:

(8) *Gegen 20.25 Uhr fiel der Mann erneut fahrenderweise einer Streifenwagenbesatzung [...] auf.*

(9) *Innsbruck hat einen neuen Ballon, der fahrenderweise für die Stadt werben soll* [7, S. 215].

Респонденты по-разному описали семантику *fahrenderweise* в (8) и (9), однако в обоих случаях восприняли суффикс *-weise* в некоторой мере излишним, т. е. опущение суффикса *-weise* не оказывает существенного влияния на смысловую составляющую, а это отчасти свидетельствует о его плеонастическом характере (*fahrend* и *fahrenderweise*) [7, S. 215]. А. Б. Алексеева и Е. А. Никитина также обращают внимание на то, что «словообразовательный компонент *-weise* показывает себя в формальном и семантическом плане избыточным, поскольку производящие словоформы способны самостоятельно

¹ Словарь DWDS.

употребляться в адвербиальной функции. *Lesenderweise* (= *lesend*) *lerne ich die unregelmäßigen Verben*» [11, с. 103]. В то же время нельзя предполагать полного отсутствия функции у суффикса *-weise*, т. к. он обеспечивает чёткое изменение части речи (прилагательное – наречие) и тем самым препятствует предикативному прочтению словообразовательного продукта [7, S. 215]. Об этом пишет и Г. Пауль: «Относительно *-weise* вполне можно себе представить, что при продолжающемся обобщении оно бы превратилось в характерный суффикс наречия как такового, наподобие *-mente* в романском народном языке» [12, с. 412].

Эмпирический материал корпуса немецкого языка DWDS свидетельствует о том, что производящей основой для производных наречий с суффиксом *-weise* могут выступать как обычные причастия, так и адъективированные:

– причастие прошедшего времени (Partizip II): *gelesen* – *gelesenerweise*, *geschrieben* – *geschriebenerweise*, *erwartet* – *erwarteterweise*, *erlaubt* – *erlaubterweise*;

– причастие настоящего времени (Partizip I): *gehend* – *gehenderweise*, *hörend* – *hörenderweise*, *joggend* – *joggenderweise*, *laufend* – *laufenderweise*, *lesend* – *lesenderweise*, *sitzend* – *sitzenderweise*, *tropfend* – *tropfenderweise*, *schwimmend* – *schwimmenderweise*, *tanzend* – *tanzenderweise*;

– адъективированное причастие прошедшего времени: *berechtigt* – *berechtigterweise*, *verboten* – *verbotenerweise*;

– адъективированное причастие настоящего времени: *bezeichnend* – *bezeichnenderweise*, *beunruhigend* – *beunruhigenderweise*, *passend* – *passenderweise*, *überraschend* – *überraschenderweise*.

Высокую продуктивность показывают причастия I от глаголов на *-ieren*, образуя наречия от частотных – *irritierenderweise*, *faszinierenderweise*, *schockierenderweise*, *frustrierenderweise* до единичных (окаzionaliальных) – *moderierenderweise*, *selbstreflektierenderweise*, *balancierenderweise*, *konkretisierenderweise*.

Наречия, образованные от адъективированных причастий I и II

Производные слова, образованные от адъективированных причастий, анализируются в основном как модальные слова и отличаются семантической разноплановостью. Они могут не только давать рациональную и качественную оценку пропозиции, но и указывать на эмоциональное отношение говорящего к фактам действительности. Как отмечается в грамматике Дуден, *überraschenderweise* является модальным словом с оценочным значением (в немецкой терминологии – *evaluative Satzadverbien* или *Kommentaradverbien*) [13, S. 799].

(10) *Dabei leistet er den Patienten verbotenerweise Sterbehilfe.*

Из примера трансформации предложения (10) следует, что *verbotenerweise* выносится за рамки пропозиционального содержания, выражает оценочное отношение говорящего к факту пропозиции: *Es ist verboten für das Subjekt, den Patienten Sterbehilfe zu leisten. Verbotenerweise* передаёт дополнительный семантический оттенок уступки и означает, что действие совершается вопреки правилам и несмотря на запрет: *Obwohl es für ihn verboten ist, leistet er den Patienten Sterbehilfe.*

(11) *Und überraschenderweise war wirklich kein Kommentator am Start.*

В примере (11) также используется модальное слово с оценочным значением *überraschenderweise*. Для говорящего удивителен тот факт, что на старте действительно не было комментатора.

Наречия, образованные от причастия I и причастия II

Наречия от причастий настоящего и прошедшего времени относятся к семантическому классу наречий образа действия. Несмотря на то, что многие наречия не зафиксированы в лексикографических источниках, они часто встречаются в корпусах немецкого языка и в интернет-пространстве.

Проанализируем на примерах из корпуса DWDS, какие значения могут реализовывать такие наречия:

(12) *Das Café scheint meist gut besucht zu sein, besonders das Kaminzimmer lädt ein, **lesenderweise** oder **schreibenderweise** ein Heiß- oder Kaltgetränk zu sich zu nehmen.*

(13) *Ich habe noch nie eine Stadt gesehen, in der **gehenderweise** so viel gegessen wird wie in Saarbrücken.*

В предложении (12) реализуется значение одновременности происходящего – каминный зал приглашает насладиться горячим или холодным напитком во время чтения или письма [14, с. 66], а в (13) автор утверждает, что не видел ещё города, в котором на ходу ели бы так много.

(14) *Eine Freundin zieht ein paar Tage bei mir ein, weil ihr Freund Schluss gemacht hat und ich helfe ihr **rauchenderweise** die Koffer die Treppen hochzutragen.*

В контекстах подобных (14) речь идёт о сопутствующем обстоятельстве: автор помогает подруге нести чемоданы вверх по лестнице и при этом курит.

(15) *Tilla Theus ist keine Theoretikerin, die **bauenderweise** komplexen Ideen Gestalt verleihen will, sondern eine Baukuenstlerin, die selbst auf schwierige architektonische Fragen Antworten findet und aus Widerstaenden materialtechnischer oder politischer Art innovative Kraft zu schoepfen weiss.*

В контексте (15) внимание акцентируется на том, что Тилла Тойс – не теоретик, желающий придать форму сложным идеям посредством строительства, а скорее художник-архитектор, который находит ответы даже на сложные архитектурные вопросы. С помощью *bauenderweise* реализуется инструментальное значение: придавать форму, строя / *indem sie baut*.

(16) *Vielleicht wäre eine Weile ehrenamtliches Arbeiten in so einer Einrichtung ein guter Einstieg, um etwas über das Leben dieser Menschen zu erfahren – also wirklich zu erfahren und nicht nur **gelesenerweise** zu wissen¹.*

В примере (16) автор размышляет о том, что волонтерство в таком учреждении было бы хорошим способом узнать что-то о жизни этих людей – узнать наяву, а не просто прочитав об этом. Значение производного наречия *gelesenerweise* в сочетании с глаголом *wissen* можно описать как *als gelesen wissen* – знать на основе прочитанного.

(17) *Um beispielsweise im Gespräch zu vermitteln, ob eine Aussage Realis, Irrealis oder Potentialis ist, reicht zuweilen das Hochziehen einer Augenbraue und die Veränderung der Tonhöhe. **Geschriebenerweise** brauchen wir dafür die korrekte Anwendung des Konjunktivs.*

В предложении (17) автор рассуждает о том, что в разговоре порой достаточно поднять бровь и сменить тон, чтобы передать, является ли высказывание реальным, нереальным или вероятностным. В письменной речи для этого необходимо правильное употребление сослагательного наклонения. *Geschriebenerweise* выступает синонимом понятию *die geschriebene Sprache / письменная речь*.

Заключение

Таким образом, отпричастные наречия уточняют событие или процесс, обозначаемый глагольным комплексом, и могут иметь различную смысловую направленность. В зависимости от производящей основы они могут быть отнесены к разным классам наречий. Наречия, образованные от причастия настоящего времени, выражают значение одновременности действий, значение сопутствующего обстоятельства, значение совместности и значение инструментальности. Семантическая специфика наречий, образованных от причастий прошедшего времени, заключается в конкретизации действия или события, указании, в какой форме оно происходило (*geschriebenerweise*). Производные слова, образованные от адъективированных причастий I и II, по семантическим параметрам соответству-

Belana Hermine: [сайт]. URL: <https://belanahermine.wordpress.com/2021/12/13/tagesgedanken-390>.

¹ Tagesgedanken [Электронный ресурс] // Pilgerin

ют модальным словам с оценочным или эмотивным значением.

При анализе эмпирического материала были также обобщены сведения о лексикографической фиксации в словаре DWDS производных наречий, отобранных из корпуса немецкого языка DWDS. Так, образованные от причастий наречия *gelesenerweise*, *geschriebenerweise*, *erwarteterweise*, *erlaubterweise*, *gehenderweise*, *hörenderweise*, *joggenderweise*, *laufenderweise*, *lesenderweise*, *sitzenderweise*, *tropfenderweise*, *schwimmenderweise*, *tanzenderweise* не включены на данный момент в словарь немецкого языка DWDS.

Производные слова, образованные от адъективированных причастий, такие как *bezeichnenderweise*, *passenderweise*, *überraschenderweise*, *berechtigterweise*, *verbotenerweise*, включены в словарь с маркировкой *Adverb*. Однако производным словам с оценочным значением *erschreckenderweise*, *verblüffenderweise*, *irritierenderweise*, *schockierenderweise*, *spannenderweise*, несмотря на их высокую частотность в корпусе DWDS, ещё предстоит пройти этот путь.

При сравнении отпричастных наречий в двух подкорпусах корпуса DWDS (современном WebXL и историческом Historische Podkorpora) установлено, что в историческом подкорпусе встречаются только зафиксированные в словаре наречия с оценочным значением: *bezeichnenderweise*, *passenderweise*, *überraschenderweise*, *berechtigterweise*, *verbotenerweise*.

Всё это демонстрирует актуальные словообразовательные тенденции современного немецкого языка, которые могут быть связаны с экономией языковых средств, поскольку заключённый в компактном наречии смысл передаётся целым придаточным предложением. Отпричастные наречия на *-weise* активно используются для компрессии текста, что демонстрируют различные трансформации, например, с временным союзом *während* или модальным *indem*. К субъективным причинам продуктивности отпричастных наречий можно отнести своего рода «изношенность» слова и желание заменить на другое, более ёмкое или креативное выражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache; 4, völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter, 2012. 504 S.
2. Geuder W. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2019. Vol. 38. No. 2. S. 191–241. DOI: 10.1515/zfs-2019-2004.
3. Harsányi M. Zur Produktivität adverbialer Ableitungen auf *-weise* // Germanistische Studien. 2011. Vol. VIII. S. 131–147.
4. Первак Т. В. Словообразовательные модели отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 78–85. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-78-85.
5. Brandt P. Bau von und Umbau zu Adverbien: Präpositionen, Vergleiche und Flexion // Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen. Bd. 1 / hgs. M. Konopka, A. Wöllstein, E. Felder. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2020. S. 65–98. DOI: 10.17885/heiup.bkgd.2020.0.24236.
6. Helbig G., Helbig A. Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. 300 S.
7. Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit *-weise/-erweise* // Grammar and Corpora. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 211–220.
8. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: АКАДЕМИЯ, 2004. 352 с.
9. Шарипов А. Адъективированные причастия как средства выражения качественных признаков человека в современном немецком языке // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2014. № 1 (38). С. 147–155.
10. Ronca D. Morphologie und Semantik deutscher Adverbialbildungen. Eine Untersuchung zur Wortbildung der Gegenwartssprache: PhD Dissertation. Bonn, 1975. 215 S.

11. Алексеева А. Б., Никитина Е. А. Словообразование коллоквиальных наречий с компонентом *weise* в современном немецком языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 6-2. С. 102–104. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.06-2.01.
12. Пауль Г. Принципы истории языка = Prinzipien der Sprachgeschichte / пер. с нем. Ю. Н. Афонькина, С. Д. Кацнельсона, И. А. Перельмутера; под ред. А. А. Холодовича; 2-е изд. М.: URSS, 2014. 504 с.
13. Duden. Die Grammatik: Struktur und Verwendung der deutschen Sprache. Sätze – Wortgruppen – Wörter; 10., überarbeitete Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2022. 984 S.
14. Первак Т. В. Производные наречия и модальные слова в немецком языке: морфология, синтаксис, семантика: монография. М. : Государственный университет просвещения, 2024. 138 с.

REFERENCES

1. Fleischer, W. & Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter.
2. Geuder, W. (2019). Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen. In: *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 38 (2), 191–241. DOI: 10.1515/zfs-2019-2004.
3. Harsányi, M. (2011). Zur Produktivität adverbialer Ableitungen auf *-weise*. In: *Germanistische Studien*, VIII, 131–147.
4. Pervak, T. V. (2022). Word-formation models of substantive adverbs with the suffix *-weise* in German. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 78–85. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-78-85 (in Russ.).
5. Brandt, P. (2020). Bau von und Umbau zu Adverbien: Präpositionen, Vergleiche und Flexion. In: Konopka, M., Wöllstein, A. & Felder, E., Hgs. *Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen. Bd. 1*. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, S. 65–98. DOI: 10.17885/heiup.bkgd.2020.0.24236.
6. Helbig, G. & Helbig, A. (1990). *Lexikon deutscher Modalwörter*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
7. Elsner, D. (2018). Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit *-weise/-erweise*. In: *Grammar and Corpora*. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, S. 211–220.
8. Moskalskaya, O. I. (2004). *Theoretical grammar of the modern German language*. Moscow: ACADEMIYA publ. (in Russ.).
9. Sharipov, A. (2014). Adjectivized participles as a means of expressing qualitative characteristics of man in modern German. In: *Scientific Notes. Series of Humanities and Social Sciences*, 1 (38), 147–155 (in Russ.).
10. Ronca, D. *Morphologie und Semantik deutscher Adverbialbildungen. Eine Untersuchung zur Wortbildung der Gegenwartssprache* [dissertation]. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. 1975.
11. Alekseeva, A. B. & Nikitina, E. A. (2020). Word formation of colloquial adverbs with the *weise* component in modern German. In: *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 6-2, 102–104. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.06-2.01 (in Russ.).
12. Paul, H. (2014). *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
13. Duden. *Die Grammatik: Struktur und Verwendung der deutschen Sprache. Sätze – Wortgruppen – Wörter* (2022). Berlin: Dudenverlag.
14. Pervak, T. V. (2024). *Derivative adverbs and modal words in German: morphology, syntax, semantics*. Moscow: Federal State University of Education publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Первак Татьяна Владимировна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0000-0003-3427-3317>; e-mail: alexfirst@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Pervak (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German and Roman Philology, Federal State University of Education; <https://orcid.org/0000-0003-3427-3317>;
 e-mail: alexfirst@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВКЛАД УЧЁНОГО-ЛИНГВИСТА Н. М. ВАСИЛЬЕВОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ РОМАНИСТИКУ.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Левченко М. Н., Скуратов И. В.*

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: iv.skuratov@guppros.ru*

Для цитирования:

Левченко М. Н., Скуратов И. В. Вклад учёного-лингвиста Н. М. Васильевой в отечественную романистику. К 100-летию со дня рождения // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 131–134.

THE CONTRIBUTION OF THE LINGUIST N. M. VASILYEVA TO RUSSIAN ROMANCE PHILOLOGY.

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF HER BIRTH

M. Levchenko, I. Skuratov*

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: iv.skuratov@guppros.ru*

For citation:

Levchenko, M. N. & Skuratov, I. V. (2025). The contribution of the linguist N. M. Vasilyeva to Russian Romance Philology. On the 100th anniversary of her birth. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 131–134.

Известно, что научная деятельность отечественных лингвистов развивалась в тесной связи с западноевропейскими лингвистическими идеями и концепциями. Знакомясь с теориями европейских языковедов, учёные перерабатывали их в соответствии с потребностями духовной жизни нашего общества.

В результате проведённого анализа множества работ языковедов XX и нача-

ла XXI вв. можно отметить, что внимание учёных привлекало изучение специфических свойств и качеств романских языков. Лингвисты восстанавливали историю, интересовались проблемой образования народности. И они были правы: для того, чтобы создать порядок в настоящем, зафиксировать и утвердить многообразие правил и законов любого языка, свести накопленные знания в систему, необхо-

димо изучить и разобраться в прошлом. Что и было достигнуто исследователями. И уже имея устоявшийся, а также обновлённый багаж лингвистических знаний, можно уверенно двигаться вперёд, давать толчок для развития, обретения нового.

В этом плане примером беззаветного служения науке, в частности вопросам романского языкознания, была Наталия Михайловна Васильева – выдающийся учёный-романист, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена Знак Почёта, ордена Дружбы, академик Международной педагогической академии, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (в прошлом МОПИ им. Н. К. Крупской, ныне – Государственный университет просвещения).

История вуза – это прежде всего талантливые и мудрые учёные. Наталия Михайловна Васильева – целая эпоха в судьбе Московского государственного областного университета.

Н. М. Васильева родилась 16 мая 1925 г. в Ленинграде. Свою научную и профессиональную деятельность она начала в МОПИ им. Н. К. Крупской после окончания в 1949 г. факультета романско-германских языков МГПИИЯ им. М. Тореза. Учёную степень кандидата филологических наук получила за диссертацию «Некоторые вопросы относительного подчинения в старофранцузском языке (относительные предложения с антецедентом именем и антецедентом личным местоимением)» (1954). Степень доктора филологических наук присуждена ей по диссертации «Структура сложного предложения (на материале французского языка раннего периода)» (1966).

Возглавляемая ею более полувека, с 1953 по 2006 гг., кафедра романской филологии, являвшаяся одной из старейших в университете (ранее называлась кафедра французского языка), превратилась в творческий, слаженный коллектив, состоящий из преподавателей, аспирантов, соискателей, докторантов, которые своим профессионализмом, научной заинтересованностью и сегодня продолжают дело своих учителей, в частности доктора филологических наук, профессора Н. А. Катагощиной, 100-летию которой была посвящена Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории романских языков» (23-24 июня 2008 г.), где Н. М. Васильева выступила одним из организаторов, сумела консолидировать усилия, направленные на глубокое изучение современного состояния романских языков.

Основатель научной школы структурно-функционального синтаксиса романских языков (французский, испанский), Н. М. Васильева около 40 лет возглавляла диссертационный совет в МГОУ по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по специальностям 10.02.05 – Романские языки и 10.02.04 – Германские языки.

Четверть века Н. М. Васильева была экспертом ВАК СССР и РФ, членом

ряда диссертационных советов (МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, МГЛУ), участником множества всесоюзных, всероссийских и международных научных конференций и симпозиумов. Под её руководством защищено более 70 диссертаций, из них 5 докторских. Большинство подготовленных ею учеников являются ведущими специалистами по романским языкам, заведующими кафедрами, деканами, проректорами по научной работе в различных вузах России.

Научно-исследовательская работа Н. М. Васильевой осуществлялась по двум направлениям: 1) функционирование лингвистических единиц разных уровней; 2) теоретические основы подготовки преподавателей французского языка. Разработка данной тематики касается различных вопросов теории и истории французского языка, а именно: а) синтаксиса простого и сложного предложения, б) морфологии французского глагола, в) межуровневых связей грамматических и лексических единиц, г) сравнительно-сопоставительного изучения родственных языков.

Результаты научных изысканий Н. М. Васильевой нашли отражение в монографиях, учебниках и учебных пособиях, научных статьях и докладах, всего более 100 работ.

Среди фундаментальных работ следует выделить учебники всероссийского уровня «Курс истории французского языка» (соавтор: Н. А. Катагощина) и «Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. Ускоренный курс» (соавтор: Л. П. Пицкова). Последний ежегодно переиздавался, начиная

с 2013 г., и является обязательным при подготовке бакалавров и магистров по теории и методике преподавания французского языка и культуры Франции во всех высших учебных заведениях России.

Нынешнее поколение молодых преподавателей и учёных продолжают активно развивать идеи своего наставника, Н. М. Васильевой, о состоянии романских языков в эпоху глобализации. Это нашло своё яркое отражение в организованных с 2008 по 2024 гг. международных конференциях с участием ведущих специалистов Франции, Швейцарии, Бразилии, Канады, Румынии, Италии, Болгарии, Ливана, Польши, Китая.

Такие личные качества Н. М. Васильевой, как демократичность в сочетании с высочайшей требовательностью, делали её мудрым и талантливым педагогом. Вклад Н. М. Васильевой в развитие романистики по праву оценён не только в России, но и за рубежом, что снискало ей признание как крупного учёного, а также заслуженную любовь и уважение преподавателей и студентов МОПИ – МГОУ.

Двадцатое столетие ушло в историю, это была эпоха великих научных исследований и открытий в области романской филологии. Так, возникали научные школы, в которых учёные сохраняли традиции предшественников и развили плодотворные идеи, не теряли связей с прошлым. Наталия Михайловна Васильева была одним из наиболее ярких представителей отечественной науки о языке, сказала своё собственное весомое слово в лингвистике. Она останется в нашей памяти навсегда.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Марина Николаевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и романской филологии Государственного университета просвещения, председатель диссертационного совета 72.2.020.04; <https://orcid.org/0000-0002-5250-776>; e-mail: mn.levchenko@guppros.ru

Скуратов Игорь Владимирович (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения, заместитель председателя диссертационного совета 72.2.020.04; [https:// orcid.org/0000-0003-0578-4855](https://orcid.org/0000-0003-0578-4855); e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina N. Levchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Germanic and Romance Philology, State University of Education, Chairman of the Doctoral Dissertation Council 72.2.020.04;

<https://orcid.org/0000-0002-5250-776>; e-mail: mn.levchenko@guppros.ru

Igor V. Skuratov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Germanic and Romance Philology, State University of Education, Deputy Chairman of the Dissertation Council 72.2.020.04;

[https:// orcid.org/ 0000-0003-0578-4855](https://orcid.org/0000-0003-0578-4855); e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
2025. № 2

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор И. К. Глудунов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,5, уч.-изд. л. 10,25.

Подписано в печать: 30.04.2025 г. Дата выхода в свет: 06.05.2025 г. Заказ № 2025/04-06.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2